

МАРГАРИТ

ИЗБРАННЫЕ
ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЕ
ИЗРЕЧЕНИЯ

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 12–208–0694)*

© Издательство «Благовест», 2012

Предисловие

Духовная наша литература, хотя и богата руководствами для ищущих спасения души, но поскольку такие книги, как сочинения святого Ефрема Сирианина, святого аввы Варсануфия, святого Исаака Сирианина и подобные им довольно дороги, а потому не всем доступны, то и было предпринято составление настоящей книги, в которую, как в сокровищницу, собрано много хорошего, причем имелась в виду краткость и ясность изложения.

Многие из иночествующих женского пола, существуя трудами своими, не имеют достаточно времени для чтения пространных сочинений; для таковых особенно удобна эта книга.

Много путей, ведущих к Богу, но полагаем, не ошибемся, если во главе всего поставим *памятование о смерти*, драгоценнейшее из всех духовных подвигов, ибо оно, и только оно одно, отторгает человека от сует века сего, делает его мертвым миру, уничтожает в нем все греховные страсти, заменяет все подвиги, обнимает всю жизнь человека, очищает его сердце, привлекает к нему благодать Святого Духа и тем дарует ему свободное восхождение на небо, без препятствования от воздушных властей миродержателя тьмы века сего.

Великий из подвижников, святой Исаак Сирийский, о памятовании смерти так рассуждает: «Сатана ненавидит сей промысел и всеми своими силами нападает, чтобы истребить его в человеке, ибо знает, коварный, что если помысел сей пребывает в человеке, то ум его стоит уже не на этой земле обольщения, и козни его к человеку не приближаются».

Так как памятование смерти в действии своем есть не что иное, как непрерывное устремление внимания ума – и с ним всех сил души – к будущей вечной жизни, то цель всех усилий искусителя состоит в том, чтобы развлечь внимание подвижника Христова и направить оное к заботам житейским или рассеять по суетным предметам настоящего мира. «И потому, – говорит преподобный Исаак, – если бы можно было, сатана отдал бы человеку царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме его таковой помысел. И если бы мог, – подтверждает святой отец, – то сделал бы это охотно».

Итак, вот верный и кратчайший путь всем ищущим спасения души. О способах к приобретению такового ни с чем не сравнимого блага изложено в этом сочинении с надлежащею последовательностью.

Так же помещено здесь замечательное извлечение из митерика монаха Исаии, составленного им исключительно для монашествующих женского пола и доселе не печатавшегося на русском языке.

Призываем благословение Всевышнего на малый труд наш и просим, да отверзнутся благодатью Его ум и сердце чтущих и тщащихся об исполнении святой воли Его по реченному: *Пути Твоя, Господи, скажи мне, и стезям Твоим научи мя.*

И. Арсений.

Святой Афон, Руссик, 1875

О вере в Бога

Иже веру имеет и крестится, спасен будет, а иже не имеет веры, осужден будет.

Мк. 16:16

Доказательства веры в бытие Божие очевидны: первое место из них занимает начертанный Богом на скрижалях сердца человеческого внутренний закон, убеждающий в существовании Божества. У народов грубых выражалось это в поклонении неодушевленным предметам: солнцу, луне, огню и прочим, а у некоторых находим даже созданный ими храм неведомому Богу, из чего вполне убеждаемся, что при самом сотворении человека насаждено в него богопочитание, как нечто естественное. А если в настоящее время появились безбожники, отрицающие бытие Божие, то это люди не только развратившие понятия свои, но даже исказившие естественный закон.

Закон внутренний, данный нам Богом, показывает нам добро и зло, и за сделанное добро награждает душевным радостным ощущением, а за зло наказывает мучением совести, что служит очевидным доказательством бесконечной премудрости Творца нашего, Который хотя и даровал нам свободную волю, но вместе с тем вселил внутрь нас как бы некоего руководителя, который внутренними внушениями и ощущениями побуждает нас к исполнению воли Божией. Затем дано нам Священное Писание, которое со всей ясностью приводит нас к познанию бытия Божия и Его Божественных и премудрых целей сотворения вселенной, ибо все видимое и невидимое нами в миру сем немолчно говорит нам о Творце и Зиждителе, о Его благости, всемогуществе и премудрости.

В мире сем всякое растение, животное, человек, как видим, происходит одно от другого: растения от семян, животные от подобных себе, так же и человек. Кто же положил начало всему этому? Откуда взялись первые растения, первый человек? Что само собою ничего не могло явиться на свет, в этом убеждаемся из того, что в продолжение всего существования мира, само собою ничего не сотворилось и не явилось, кроме того, что вначале сотворил всемогущий Бог; а если и находятся безумцы, утверждающие, что все произошло от какой-то материи или само собою создавалось, то в этом, очевидно, одно лишь сопротивление истине или кичливое желание высказать нечто новое. Такое направление, к сожалению, в последнее время развилось преимущественно среди молодежи вследствие того, что, не получив настоящего религиозного образования, водимые духом гордыни, они думают, что стали умнее всех и что до них заблуждались. Очевидно, что подобные нелепые идеи могут иметь место в головах лишь тех мыслителей, которые находятся под особенным влиянием исконного врага нашего вечного спасения.

Вера только тогда спасет человека, когда дела его сообразны с нею, *вера без дел мертва есть* (Ик. 2: 26); и дела наши добрые тогда только приятны Богу, когда они совершаются с верою во Иисуса Христа (Гал. 2: 16). Вера – это небесный луч, просвещающий тьму нашей жизни, руководящий нас к небесному нашему отечеству. Вера есть тот голос, которым слепец кричал: *Сыне Давидов, помилуй мя!* Хотя и не видим Иисуса Христа, но силою веры познаем, что Он есть Свет не вечерний, разгоняющий тьму заблуждений, что

Он есть Хранитель, оберегающий нас от несчастий, что Он есть небесный Врач, исцеляющий наши греховные язвы. Но вера есть дар Божий, который утверждается и укореняется в нас от исполнения заповедей Божиих, от постоянного стремления к добру. Для научения и утверждения в вере и благочестии должно прибегать к матери нашей св. Церкви, в которую, как в богатое хранилище, апостолы положили все, что есть истинного, спасительного, дабы жаждущие притекали к сему животворному источнику и обильно почерпали из него воду жизни.

В деле нашего спасения вера – то же, что основание в здании: подкопано основание – неизбежно рушится здание. Где нет веры, там необузданность страстей, увлекающая человека в бездну зол; за безверие постигает гнев Божий; это видим в гибели древнего мира в потопе и в поглощении землею нескольких городов. Неверующие хуже бессловесного животного, потому что и оно знает господина своего: *позна волю стяжавшего и осел, и ясли господина своего* (Ис. 1: 3). Неверие разрушает человеческое благополучие, не только частное, семейное, но и общественное. Вера, как и всякая добродетель, подлежит искушениям; *не искусивыйся неискусен*, как говорит святое Писание; враг нашего спасения, попусшением Божиим, тщится поколебать в нас веру, но мы должны отражать его нападения усердною к Богу молитвою, – так поучал Господь святых апостолов, когда у них оскудевала вера.

Души, чуждые веры в Бога Творца своего, святые отцы именуют мертвыми; так говорит святой Каллист: «Мнози мертвыя имут души, в живом теле, аки во гробе, погребены». «Внемлите, – восклицает святой Димитрий Ростовский, – яко тело грешного человека живым гробом души мертвой нарече».

Усердная молитва, частая и сердечная исповедь и причащение святых Христовых Таин, любовь к ближним, смирение, удаление от знакомств и бесед с развращенными людьми, а особенно с неверующими, – вот надежнейшие средства к сохранению и утверждению веры.

«Молись Богу, – поучает святитель Тихон, – чтобы Он подал тебе истинную живую веру, береги веру более, нежели живот свой, ибо и живот свой должны мы за веру положить».

Должно нам не только право верить, но и знать, какая именно вера богоприятнейшая. В этом, как и во всем, будем искать руководства в слове Божиим. Апостол Фома уверовал в воскресение тогда только, когда осязал язвы Спасителя; но Господь сказал ему: «Ты видел и уверовал, но те более достойны похвалы, которые, не видевши, веруют». Если верим тому, что видим, то это уже не есть вера. Истинная вера есть уверенность в невидимом как бы в видимом и в ожидаемом как бы в настоящем; так, не видим мы Бога, но веруем, что Он есть; не видим мы будущего блаженства, уготованного праведным, и вечных мук, ожидающих грешных, но веруем, что они есть, – такая вера есть истинная, богоугодная.

Совершенная вера состоит в полной преданности воле Божией, как о сем упоминается в святом Евангелии: *Иже аще речет горе сей: двигнися и верзися в море, и не размыслит в сердце своем, но веру имеет, якоже глаголет, бывает, будет ему, еже аще речет* (Мк. 11: 23). Такая вера есть великий дар Божий, ниспосылаемый преимущественно сердцам простым и незлобивым, – *утаил еси сие от премудрых и открыл еси та младенцам. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою* (Мф. 11: 21–25). Такую веру имели мученики, когда шли в огонь, и он не опалял их; ввергаемы были в море, и оно невредимыми извергало их; выводимы были на съедение кровожадным зверям, и они с кротостью лизали их ноги. Такова сила веры, побеждающая естественные законы!

Так некогда принесен был к Господу расслабленный с верою получить исцеление и получил оное (Мф. 9: 2). Страдавшая на протяжении двенадцати лет кровотечением жена от одного лишь прикосновения к одежде Господа с верою мгновенно исцелилась (Мф. 9: 22). Воззвал слепец с верою: *Сыне Давидов, помилуй мя!* – и отверзлись очи его (Мк. 10: 52). Припал с верою и молением к ногам Жизнодавца Уар, и умершая дочь его восстала с одра смертного (Мк. 5: 42). И в наше время, хотя и скудное верою, было много случаев, что одержимые многолетними и неизлеченными болезнями, истощив все свое имение на врачевство и не получив никакого облегчения, когда прибегали с верою к Источнику жизни, Господу, то получали совершенное исцеление: слепые презирали, скорченные исправлялись, хромы стали ходить, немые говорить, и иные бесчисленные недуги одним лишь с верою призыванием пресвятого имени Его мгновенно исцелялись всемогуществом Его, чему свидетелями были, без сомнения, многие из читающих эти строки, а на некоторых совершалось и само благодатное действие исцеления. Вспомним недавние случаи, бывшие в богоспасаемом граде Москве: в 1867 году, когда принесена была туда святыня Афонская, сколько многолетних недужных от одного к святыне прикосновения мгновенно исцелялось! Обратим внимание и на чудесное явление, бываемое с водой Богоявленской, которая у иных сохранялась и сохраняется десятки лет и всегда свежа, как только что почерпнутая! Не видимое ли во всем этом действие всемогущего Промысла Божия, отечески пекущегося об утверждении в нас веры, которая есть основание всего нашего спасения?

О глубина богатства, и премудрости, и разума Божия, яко не испытани судове Его, и не исследовани пути Его (Рим. 11: 33), – вызывает святой апостол Павел, научая нас не высокоумствовать о Божественных предметах, недоступных понятиям ограниченного ума нашего, а более руководиться смирением, ибо дела Божии непостижимы. Будем веровать в простоте сердца, как веровали святые апостолы, – и спасемся.

Вера производит в сердце верующего радость и веселие о Господе Спасе, о Его благодати и человеколюбии; она смягчает злострадание и скорби упованием за них небесного воздаяния, делает человека холодным ко всему земному, преходящему, побуждает его искать вечного, нетленного, небесного; она таинственно соединяет душу верующего со Христом, как невесту с женихом: *Обручу тя Себе в вере*, – говорит пророк от лица Божия, – *и увеси Господа* (Ос. 2: 20); и святой апостол Павел: *Обручих бо вас единому мужу деу чисту, представити Христовы* (2 Кор. 11:2).

Велика сила веры: она восхитила некоторых живыми на небо, а других исхитила от воды потопной; она неплодных сделала рождающими и спасла от острия меча; она изводила из рва нищих и уничиженных и делала их богатыми и великими; низводила с неба огонь, разделяла море, рассекала камень и источала из него воду; насыщала алчущих, мертвых воззывала к жизни, укрощала волны; врачевала недужных, поражала войска, ниспровергала стены, заграждала уста львов, угашала пламень огненный, смиряла гордых и возносила смиренных; одним словом, верующим всё возможно, в чем удостоверяет святой апостол Павел, сказав о себе: *все могу о укрепляющем меня Иисусе* (Флп. 4:13)

Распространение христианской веры в самом своем начале встретило жестокое сопротивление со стороны духа злобы, продолжающееся и до сего времени; порождения его: безбожники, богоотступники, ересеначальники, раскольники и иные, – сколько ни усиливаются они затмить истину, но православная христианская вера сияет во всей чистоте и пребудет такой до скончания мира, по слову Господню: *На сем камне созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее* (Мф. 16: 18). Ни о чем так не тщится диавол,

как о том, дабы ввергнуть нас в бездну безверия; но будем твердо противостоять ему, по слову апостольскому: *Над всем же воспримите щит веры, в немже возможете вся стрелы лукавого разжжения угасити* (Еф.6: 16).

Так как вера в Бога есть основание нашего спасения, то ею и начата беседа наша. Далее будем говорить о прочих добродетелях, необходимых для спасения души.

Чтобы построить дом, необходимы разные строительные материалы: кирпич, дерево, железо и прочее; так и для устройства вечного небесного жилища нужны многие добродетели.

Приступая к началу всякого доброго дела, а особенно к чтению душеполезных сочинений, необходимо помолиться Богу, внутренне из глубины сердечной попросить Его, дабы Он благословил начинание наше и сделал оное плодоносным, а иначе будет труд наш по слову Господню: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15: 5)

О молитве

Непрестанно молитесь, о всем благодарите, и вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примите.

1 Сол. 5:18; Мф. 21:22

Как в естественном состоянии младенец не вдруг делается взрослым, но полной зрелости достигает мало-помалу, так и в состоянии духовном, человек не вдруг из плотского и греховного может сделаться духовным, богоугодным, но восходит на эту высоту постепенно, подвизаясь в добродетелях, в главе которых стоит молитва, ибо молитвою мы все испрашиваем у Бога, по реченному Им: *просите, и дастся вам* (Лк. 11: 9); а если не будем просить, то и не получим ничего, ни одной добродетели не совершим, если не обратимся с молитвой к Господу, прося Его помощи. Но прежде, нежели приступим к молитве, мы должны знать, что есть молитва? Как и о чем надобно молиться?

Что есть молитва

Молитва есть благоговейное стремление души человеческой к Богу или сердечная беседа человека с Богом, во время которой человек, представляя Бога невидимо при себе находящимся, изливает перед Ним чувствования души своей. В Ветхом и Новом Заветах есть множество указаний о необходимости молитвы и о ее высоком значении, которое вполне подтверждается примерами Спасителя и Его апостолов, проводивших дни и ночи в молитве. Последователи их, в продолжении всей своей жизни упражнявшиеся в этой высокой добродетели и опытно изведавшие необходимость и благотворность ее, наименовали ее царицею и ликоначальницей в лике добродетелей. Ни об одной добродетели так много не сказали, как о молитве: она есть возвышение ума и сердца к Богу, ею человек вступает в сонм ангелов и делается участником их блаженства, озаряется их мудростью; молитва есть фимиам, благоприятнейший Господу, надежнейший мост для прохождения житейских волн искушений, неборимая стена всех верующих, безопасное пристанище, божественная одежда, облекающая душу в великое благообразие и красоту. Молитва – мать всех добродетелей, хранительница целомудрия, печать девства, верная оборона против всех ухищрений исконного врага нашего дьявола. Поражай супостатов именем Христовым, то есть молитвою, как поучают святые отцы, ибо крепче сего оружия нет ни на небе, ни на земле. Молитва – утверждение мира, умиловление Бога о грехах, необуреваемая волнами пристань, просвещение ума, секира отчаянию, разрушение печали, рождение надежды, утоление гнева, заступница судимых, отрада заключенных, спасение погибающих: она и кита сделала домом Ионе, Езекию от врат смертных возвратила к жизни, отрокам Вавилонским пламень превратила в росу; молитвою святой Илия заключил небо: *Илия был человек подобный нам и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на земле три года и шесть месяцев* (Иак. 5: 17). Даже и самые святые апостолы, когда не могли изгнать нечистых духов, то Господь сказал им: *Сей род не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. 17: 21).

В жизни человека нет ничего драгоценнее молитвы: она и невозможное делает возможным, трудное легким, неудобное удобным: молитва столько же необходима человеческой душе, сколько воздух для дыхания или вода для растения. Кто не молится, тот лишается общения с Богом и уподобляется сухому, бесплодному дереву, которое посекается и в огонь вметается. Кто не молится, тот не получает благословения Божия на дела свои, по реченному: *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждующий* (Пс. 126: 1).

Несчастье слепца – не видеть света, но гораздо большее несчастье для христианина – потерять расположение к молитве, лишиться души свою Божественного света: в такой душе водворяется тьма, а по исходе из тела уделом ее будет тьма вечная.

Вот в кратком очертании значение и сила молитвы, и вместе ее достоинства, и бедственное положение, в котором находятся люди, чуждые духа молитвенного.

О чем и как должно молиться

Молитва Господня «Отче наш» есть высшая из всех молитв, как изливавшаяся из пречистых уст Самого Спасителя; в ней сокращенно изложены все человеческие нужды.

«Когда Царю и Богу предстать и возглаголати в молитве грядем, – говорит святой Иоанн Лествичник, – да не приступаем к сему не приготовившись; да не како узрев нас издалеца, не имущих оружия и одеяние приличного царскому предстоанию, повелит Своим рабам и служителям связать нас, далече от лица Своего отринуть, и хартию прошений наших растерзав, на лице наше повергнуть, а потому, приступая к беседе с Богом, должно отринуть от себя все житейское, не внимая никаким помыслам, которые во время молитвы восстанут с особенною силою».

Преподобный Кассиан Римлянин, касательно молитвы дает следующее наставление: «Чтобы молитва была возносима с надлежащею горячностью, должно непременно отложить всякое земное попечение и не только заботиться, даже думать не должно о каком-либо житейском занятии и предприятии».

А святой Макарий Великий говорит так: «Когда ты устремляешь ум свой и мысли к небу и хочешь соединиться с Господом, тогда сатана становится ниже твоих помыслов. Как древние стены Иерихона пали от силы Божией, так и теперь стены зла, препятствующие твоему уму, извержены будут силою Божиею. Стоя на молитве, помни, перед Кем стоишь! Будь глух и нем ко всему, тебя окружающему, призывай Господа на помощь, – и Он поможет тебе. Должно исторгнуть с корнем всякое расположение к гневу и вовсе истребить пагубное разжжение плотской похоти, к чему бы она ни направлялась».

Человек, стоящий на молитве, то же, что воин на поле брани: тут время стяжания, драгоценные минуты духовной купли для того, кто противится врагу и, не внимая внушениям его, усиливается в молитве, трудится, подвизается, призывая на помощь Подвигоположника Господа. Испытания вражеские во время молитвы бесчисленны: он в эти минуты приводит на память такие житейские дела, исполнение которых представляется необходимым и неотложным, а неисполнение озабочивает важными потерями. Но если хочешь, чтобы молитва твоя была услышана, не внимай ничему; о том, что действительно тебе нужно, благодать Божия напомнит тебе и после молитвы; но если бы и случилось иное забыть и потерпеть от того опущение в житейских делах, то, так как это последовало ради Бога, Он, Всеблагий, воздаст за это сторицей. Будь во время молитвы глух, слеп и нем ко всему и всем, кроме Бога. «Начало молитвы, – как пишет святой Иоанн Лествичник, – состоит в том, дабы отгонять помыслы при самом их появлении; середина ее есть то состояние, когда ум наш не расхищается помыслами, а совершенство молитвы состоит в восхищении к Богу всего существа нашего».

Восстав от сна, первая мысль твоя да будет благодарение Богу; с этой же мыслью и ко сну отходи, имея в уме, что одр твой, быть может, сделается гробом твоим. Прощение обид, даже самых тяжких, необходимо для успеха в молитве, памятуя слов апостольское: *Солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4: 26).

Ангелом Господним открыто было одному из монашествующих о следующем образе молитвы богоприятнейшем: прежде всего принесем искреннее благодарение Богу, потом исповедание грехов и сокрушение души в чувстве, и, наконец, да представим Царю всяческие наши прошения.

Видим из Святого Евангелия, что судья исполнил просьбу вдовицы, убежденный лишь неотступностью ее, так же и друг, который сначала отказал было другу своему в просьбе его, но когда тот, не отходя от него, продолжал умолять, то он наконец уступил его настойчивости (Лк. 18: 5). Притчами этими Господь научает нас, как мы должны поступать, дабы получить просимое.

Учители Церкви и святые отцы заповедали во время молитвы иметь смирение и сердечное сокрушение о своих грехах и сказали – если человек в своем сердце не сознает себя грешником, то Бог не услышит его; это мы видим из молитвы фарисея и мытаря. Молитва, растворенная слезами смирения и покаяния, непременно будет услышана; изливаясь из души смиренной, она, по словам Премудрого, проникает облака и не останавливается, пока не дойдет до Господа.

Молитва смиренная отверзает небеса и преклоняет на милость разгневанное правосудие Божие: *Смиритеся перед Господом, и вознесет вы* (Иак. 4: 10).

Мытарь, когда молился, не дерзал даже и взглянуть на небо или воздевать свои руки, но ударял себя в грудь и, исповедуя грехи, смиренно просил помилования, тогда как велеречивый фарисей исчислял мнимые свои добродетели и как бы требовал от Бога награды. Что же вышло? Тот помилован, а этот осужден.

«Помыслим, – говорит святой Иоанн Златоуст, – к кому мы приступаем и зачем? Что желаем получить? Мы приступаем к Богу, при созерцании Коего Серафимы отвращают лица, не имея сил сносить сияние; приступаем к Богу, Который живет во свете неприступном, и приступаем для того, чтобы Он избавил нас от геенны, отпустил нам грехи наши, освободил нас от нетерпимых наказаний и даровал нам небо и Его блага».

Итак, припадем к Нему и телом, и мыслью, чтобы Он Сам воздвиг нас лежащих, будем беседовать с Ним с кротостью и со всяким смирением.

Преподобный Иоанн Египетский, пустынный и затворник, называемый прозорливым, между прочими советами пришедшим к нему за наставлениями братьям, дал следующую заповедь: «Никогда не должно высокомудрствовать во время молитвы, ни почитать себя праведным, но со смирением и сердечным сокрушением непрестанно взывать к Богу о помиловании и помощи на трудном и скользком пути ко спасению».

Не покушайся многословить, беседуя с Богом, дабы на изыскание слов не рассеялся ум твой; мытарю одно слово, произнесенное из глубины сердца сокрушенного, умилило Бога, а велеречие фарисея посямало его. *На кого воззрю, – говорит Господь, – токмо на кроткого и смиренного, трепещущего словес Моих* (Ис. 66: 2)

Хотя бы ты и на всю лестницу добродетей взошел, однако и тогда о прощении согрешений молись, слыша апостола Павла, о грешниках глаголющего: *От нихже первый есмь аз*. Много время пребывая в молитве и не видя плода, не говори, что будто ты ничего не приобрел и ничего не исправил; ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение и исправление.

Какое благо может быть выше того, чтобы прилепляться к Господу и пребывать в непрестанном соединении с Ним? «Кто, занимаясь каким-либо делом, – говорит святой Иоанн Лествичник, – и часу молитвенному наставшу, продолжает в оном упражняться, тот посмеян бывает от бесов, ибо татие сии о том и стараются, чтобы временем занятий часы молитвы у нас похищати». Оставление молитвы причиняет душе невидимую смерть. «Молитве прилежа, будь милостив зело, через сию бо добродетель еще здесь сторицею примешь и живот вечный наследишь, а связанный страстью сребролюбия никогда не может чисто помолиться. Не оставляй молитвы дотоле, пока огонь ее и воды слез сами от

тебя смотрительно не отойдут, ибо, может быть, другого такового времени к прощению грехов твоих во всю твою жизнь не получишь. Если ты какими словами молитвы усладился, продолжай оные, ибо Ангел Хранитель молится тогда вместе с тобой». Святой Нифонт видел однажды некоего инока, идущего и про себя читающего молитву, которая, как пламень огненный исходя из уст его, досызала небес; инок шел в сопровождении ангела, имевшего в руках своих огненное копье, которым он отгонял бесов от него.

Святой Макарий Великий объясняет примером, каким образом упражнение в молитве низводит от Господа дар молитвы. «Хотя младенец, – говорит он, – ничего не может делать, однако же он, ища матери, движется, плачет, и мать сжаливается над ним; она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее, и так как младенец не может идти к ней, то сама мать, преодолеваемая любовью к младенцу за долгое его искание, подходит к нему и с великою нежностью берет, ласкает и кормит его. То же делает и человеколюбивый Бог с душою, которая ищет Его». «Постоянно пребывающий в молитве, – как учит святой Макарий Великий, – как бы таинственно соединяется с Господом, приняв Святого Духа, он воспламеняется любовью ко Господу, возгорается ненасытным желанием сопребывания с Ним, по реченному: *Ядущие Мя еще взалчут и пиющие Мя вжаждутся* (Сир. 24: 23)». Подобное состояние человека служит как бы предызображением того блаженства, которое уготовано любящим Бога в будущем веке.

Непрестанно молитесь, – говорит святой апостол, – *да не внидете в напасть* (Мф. 26: 41). Но непрестанная молитва заключается не в том только, чтобы непрестанно молиться, а должно непрестанно памятовать о Боге и воображать Его всегда перед собою смотрящего на все дела, намерения и помышления наши, а потому во время всяких занятий должно приучать себя чаще мысленно произносить молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного*, или *Пресвятая Богородица, спаси меня*. Об Иисусовой молитве святыми отцами изложены подробные руководства в книге «Добротолюбие» и иных аскетических сочинениях.

Один богомудрый отец говорит: «Аще хочеши в теле, яко безтелесен, Богу служити непрестанно, стяжи молитву тайно в сердце твоём, – и душа твоя прежде смерти будет яко ангел». Святой Василий Великий говорит, что надобно заключать свою молитву не в словах, а, напротив, всю силу ее поставлять более в душевном желании и в непрестанно продолжающихся подвигах добродетели, ибо сказано: *Аще убо ясте, аще пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (I Кор. 10: 31)

Что ни делал бы ты, наивозможно чаще призывай имя Божие, за все благодари Господа – за радости и скорби, так как все посылается для нашего блага: тогда освятится вся твоя жизнь и будет непрестанною молитвою.

Не оставим без внимания ежедневно произносимых нами в молитве Господней слов: *И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим*; подобно сему сказано и в Святом Евангелии: *И егда стоите молящися, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших* (Мк. 11: 25–26). Следовательно, если мы на кого имеем в сердце злобу, то дотоле, пока не примиримся, напрасна молитва наша. Если в происшедшей с кем-либо ссоре и правыми считаем мы себя, но во всяком случае должны мы первые искать примирения, если же и за всем тем оскорбившие нас не пожелают примириться с нами, то мы уже не будем перед Богом отвечать, как искренно желавшие и искавшие примирения.

Обратимся к продолжению беседы о молитве: надобно не тогда только молиться, когда есть расположение к молитве, но молиться и тогда, когда не хочется молиться, когда лень, сон, заботы, суеты и прочее удаляют нас от молитвы, и если, несмотря на все это темное полчище, мы молимся, подвизаемся, принуждаем себя, боремся с собою, то таковая молитва проникнет небеса и предстанет перед престолом Господа. Время ночное очень удобно для уединенной молитвы: тогда все стихает, успокаивается, и возносимые к Богу в безмолвии ночном из глубины сердца моления низводят на молящихся сугубые щедроты Божии. Во время таковых молитв всезлбный враг с особенной силой восстает на молящихся, подвергает их многим искушениям, страхам и напастьям; но благодатью Божиею все это преодолевается, и за борьбу с врагом отразившие искушения его сподобляются великих даров благодати Божией. Молитвы продолжительные, как ночные, так и дневные, должно совершать не иначе, как по совету и благословию опытных духовных руководителей.

Болезни, скорби и все несчастья наши суть следствия грехов; поэтому мы должны просить Господа об отпущении грехов, чтобы вместе с тем исцелиться нам от болезней и избавиться от несчастий. Многие из нас в нуждах своих и скорбях ищут исключительно пособий земных, и когда уже видят, что они безуспешны, тогда обращаются к Богу и нередко не получают просимого. Причина этого скрывается, очевидно, в скудости веры, ибо мы устаиваемся благодати Божией только по мере веры, как говорит святой апостол: *Да просит же верою, ничтоже сумняся, сумняйся бо уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему. Да не мнит бо человек он, яко приимет что от Бога.* (Иак. 1: 6–7). Промыслительные нам от Бога наказания, как то: голод, войны, неблагоприятные дожди, засухи и проч., – все это за грехи наши. Следовательно, причина всех зол лежит в нас самих. Отсюда опять является крайняя нужда молить Господа о прощении наших согрешений, чтобы, с исторжением сего корня всех бедствий, избавиться нам и от всех естественных зол, посылаемых на нас в виде губительных явлений природы.

Непрестанно молитесь, братия, и в домах, и в пути, всякою молитвою и молением, молясь на всякое время духом, и все, чего ни попросите у Господа с верою, получите: *Вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примете* (Мф. 21: 22). Хотя бы Господь и не скоро даровал просимое, терпите, ожидайте и уповайте несомненно. Сам Он уверяет нас: *Просите, и дастся вам, ищите, и обрящете, толцые, толкущему отвержется* (Мф. 7: 8). Нemoшь и греховность наша не должны ослаблять во время молитвы веру и надежду нашу, ибо должны мы уповать не на свои силы, а на милосердие Божие. Мы видим многочисленные примеры: как милостиво приняты были Господом молитвы великих грешников, в смирении вопиявших к Нему. Необходимы и главные условия при молитве: совершенная преданность воле Божией, сознание своего крайнего недостойнства и греховности и искреннейшее желание исправить свою жизнь, а наиболее всего беззлобие. Если же и бывает, что иной просит и не получает, то это не значит, что молитва его остается неслышанной, а что, по смотрению Божию, просящий испытывается в терпении и потом, когда терпение выдерживается до конца, тем в большей мере устаивается он просимого. В молитве необходимо быть терпеливым: испрашивание у Господа тех или иных благ – дело не одного дня; святые отцы всю жизнь свою проводили в молитвах и покаянии, и наконец сподоблялись благодати Божией. Иные молятся и, не получая просимого, охладевают в молитве: а, может быть, Господь близок был уже к тому, чтобы исполнить по их прошению, может быть, оставили они молитвенный труд, когда недалеко

уже от них была милость Божия. Случается и так, что мы просим и не получаем просимого потому, что оно послужило бы нам ко злу: *Просите и не приемлете, да в сластех ваших иждивете* (Иак. 4: 3). Сколько бы ни были велики грехи твои, молись и не отчаивайся, помни, что сказал Сам Господь: *Аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю; аще будут яко червленое, яко волну убелю. И аще хотите и послушаете Мене, благая земли снесете; аще же не хотите, ниже послушаете Мене, меч вы пояст: уста бо Господня глаголаша сия* (Ис. 1: 18–20). Но иногда и так бывает, что Господь смотрительно оставляет без исполнения молитвы Своих рабов; так, например, просил великий Моисей Боговидец, чтоб даровано ему было войти в землю обетованную, но не был услышан; молился Давид, усиливая молитву постом, в пепле и слезами, о сохранении жизни заболевшему сыну его, но не благоволил Господь исполнить по прошению его. Смиримся под крепкою рукою Божиею, предав себя всецело Его святой воле, оставляющей иногда прошения наши неисполненными и уготовляющей через то лучшее в будущем.

Будем умолять Бога о том, что всего нужнее, то есть о спасении души, пока имеем к этому время: *Приидет ночь, егда никтоже может делати* (Ин. 9: 4). Так как душа наша бессмертна, то о ней должно заботиться несравненно более, чем о теле, которое есть не больше, как временная оболочка души. *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6: 33).

Однажды спросили святого Макария Великого, как спастись. Он отвечал: «Братие, повергнемся перед Господом и будем плакать о грехах наших: малые сии слезы утешат геенну огненную, тогда как грешники, не кающиеся и не плачущие ныне, на том свете горько будут плакать и рыдать, как младенцы, и слезы их будут жечь тела их, как огонь, но уже не принесут им никакой отрады. Всякая добродетель, а тем более молитва, мать всех добродетелей, требует принуждения, усилия со стороны нашей, по реченному: *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11: 12)». И святой апостол Павел сказал: *Всякою молитвою молящися на всяко время Духом и сие истое терпяще* (Еф. 6: 18). Святые отцы, разъясняя Священное Писание, поучают нас. Так святой Исаак Сирий говорит: «Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вмещается за одно с недоношенным плодом чрева»; а святой Лествичник сказал: «Тем, которые не приобрели еще истинной и сердечной молитвы, помогает утомление в телесной молитве, при коей необходимо принуждение себя к сокрушению сердечному, происходящему от сознания бесчисленных согрешений своих, и всевозможное тцание о пролитии слез, ибо ими только очищаются скверны души и насаждаются добродетели».

Молитвенное расположение есть дар Божий; но, смотря на степени сердечной чистоты и приемлемости, иные скоро чувствуют в себе присутствие сего дара, и тогда молитва бывает неизреченно сладостна и утешительна, а другие должны много потрудиться, чтобы возбудить в себе это благодатное чувство. Различное действие благодати в этом отношении приводит к мысли о мудром домостроительстве Божиим: если дар получается без труда, то мы не всегда ценим его и легко утрачиваем, а приобретаемое усиленными трудами храним, как драгоценное сокровище. Хорошо молиться, когда Господь дарует слезы умиления, в подобные минуты всего лучше, подражая жене – грешнице, мысленно припадать к стопам Распятого и, омывая их слезами покаяния, просить отпущения бесчисленных своих согрешений и при этом ни во что вменять ничтожные свои добродетели, но всю надежду, все упование возлагать на одно беспредельное Божие милосердие, покрывающее все грехи наши. Сколько бы ни богоугодно было, по мнению нашему, молитвенное наше прошение, сколько бы ни глубока была наша скорбь, об

избавлении от которой молим мы Господа, но исполнение прошения нашего должны мы предоставить совершенно Промыслу Божию, памятуя слова Божественного Исккупителя:

Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты (Мф. 26: 39).

Вот высокий образ совершенной молитвы, в которой выражается всецелая беспредельная преданность воле Божией! В случае особых нужд должно, по примеру Спасителя, молиться до трех раз, как Он молился в Гефсимании перед страданиями Своими.

Для человека, обремененного скорбями, нет лучшего утешения, как молитва. *Злостраждет ли кто из вас, да молитву делает* (Иак. 5: 13). Если беседа с другом утешает скорбь, то не тем ли более с Самим Создателем, истинным Утешителем души. С трудом приобретается навык к внимательной, не развлекаемой молитве, и когда оный усвоится, то молитва делается источником непрестанного духовного утешения. Святило подвижников – святой Макарий Египетский, – собственным опытом изведавший духовные утешения, следовавшие за молитвою, говорит о сем так: «Иногда огонь молитвенный возгорается и воспламеняется сильнее, а иногда как бы слабее; светильник сей, всегда горя и светя, по временам делается яснее, более возжигается от упоения благодатью Божиею, а в другое время сияние свое издает бережливо; в иное же время свет сей, являсь в сердце, отверзал внутреннейший, глубочайший и сокровенный свет, почему человек, всецело поглощенный этой сладостью и этим созерцанием, не владел уже собою». Описание такого блаженного молитвенного состояния не вполне доступно понятиям людей, мало упражнявшихся в молитве, а кто с прилежанием и смирением подвизается в этом святом занятии, у того отверзаются внутренние духовные очи и открываются ему тайные неведомые дела Божии. Но, скажем, если и всегда нужны духовные руководители, то тем более в молитвенных подвигах, дабы по удобопреклонности нашей к возношению, вместо благодати не принять прелесть духа злобы, преобразующегося в ангела светлого, как сказал святой апостол Павел (1 Кор. 2: 11–14).

Не пропустим без внимания и того, что при молитве надобно ограждать себя крестным знамением, которое есть апостольское учреждение. Совершать оное должно правильно, а не как иные, как будто стыдящиеся Креста Господня. Небрежное крестное знамение оскорбляет Господа и молящемуся вменяется в грех; следовательно, не только не имеет никакой силы, но еще радуется бесов, тогда как оно должно бы служить неодолимым против них оружием, ибо не столько преступник боится места казни, сколько диавол трепещет Креста, и в страхе отбегает, не терпя взирать на силу Его, опаляем им, как огнем. Святые силою Креста Христова исцеляли болящих, воскрешали мертвых, безвредно испивали смертоносный яд, проходили сквозь огонь и воду, а нынешние христиане, подстрекаемые каким-то ложным стыдом, входя в дом или сядя за обед, даже и не думают перекреститься, как будто они не знают, что сказал Господь: *Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет в славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк. 8: 38). Не крайнее ли безумие, не тяжкое ли ослепление души, – стыдиться Господа и Создателя своего, стыдиться Честного, Животворящего Креста Его, того Креста, которым мы спасены и на котором пролита дражайшая кровь нашего Исккупителя. Вникнем в следующее замечание о силе Креста: когда мы знаменуем себя Крестом, тогда между нами и Отцом Небесным, так сказать, висит на Кресте Распятый Спаситель наш, тогда

Божественным взором Всевышнего предстоит уже не наше позорное чело, покрытое греховным бесславием, но увенчанная тернием глава Богочеловека; не наше коварное сердце, исполненное всяких нечистот, но прободенные ребра Икупителя нашего, не наши нечистые руки, непрестанно делающие беззакония, но пригвожденные ко Кресту пречистые длани Всеправедного и Всесвятого Господа Иисуса Христа. Вооружившись святым Крестом, мученики шли на самые ужасные мучения безбоязненно, как бы в чужих телах, терпели с восторгом, как ликующие. Один из древнейших писателей первенствующей Христианской Церкви свидетельствует, что тогдашние христиане, следуя апостольскому преданию, при каждом действии и движении ограждали себя крестным знаменiem: при входе, одеваясь и обуваясь, при умывании, перед трапезою и после оной, зажигая огонь, ложась на постель, сядя на место – словом, при всяком занятии.

Заклучим беседу нашу теплым молением к Спасителю нашему, Сладчайшему Господу Иисусу Христу.

Многомилостиве Господи! Сподоби нас божественного дарования святой молитвы, изливающейся из глубины сердечной; собери расточенный наш ум, дабы всегда стремился он к Тебе, Создателю и Спасителю своему, сокруши разжженные стрелы лукавого, отрывающие нас от Тебя, угаси пламень помыслов, сильнее огня пожирающий нас во время молитвы; осени нас благодатью Пресвятого Твоего Духа, дабы до скончания грешной нашей жизни Тебя Единого любить всем сердцем, всею душою, и мыслью, и всею крепостью, и в час разлучения души нашей от бренного сего тела, о Иисусе Сладчайший, прими в руке Твои дух наш и помяни нас, егда приидеши во Царствии Твоем. Аминь.

О любви к Богу

Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостью твоею (Мк. 12: 30). Исполнение этой первой и большой заповеди заключается в сих евангельских словах: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет*; далее говорит Господь: *И Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23).

Итак, любовь к Богу состоит в исполнении святых Его заповедей, из которых главная – любовь к ближним, что видим мы из евангельского повествования о дне Страшного всемирного суда Божия, на коем любовь, оказанную ближним, Господь вменит Себе Самому и за оную сподобит вечного блаженства. Следовательно, тот любит Бога, кто любит ближнего своего; если же кто в этом усомнится, того да уверит святой Иоанн Богослов: *Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть, ибо не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любить* (1 Ин. 4: 20–21). Из всех наших добродетелей любовь к Господу приятнейшая, потому что в ней заключается исполнение всего закона: *Любы долготерпит, – говорит святой апостол Павел, – милосердствует; любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине: вся любит, всему веру емлет, вся уповаet, вся терпит, любы николиже отпадает* (1 Кор. 13: 4–7). Кто любит Бога более всего, тот всегда помнит о Нем, размышляет о Его совершенствах и делах, старается познавать волю Его, все делает по заповедям Его; душа, истинно любящая Бога, всегда стремится мыслями и желаниями к Нему: *Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6: 21). Кто истинно любит Бога, тот всегда старается подражать Божественным совершенствам.

Будите убо вы совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть (Мф. 5: 48)

Диавол, ища погибели человека, угащает в нем чувство любви к Богу, возбуждая вместо нее пристрастие к земному, неблагодарность, холодность, неверие, ропот, гордость; он тщится напоить человека тем смертным ядом, которым сам упился.

Любовь к Богу возгорается в сердце человека при размышлении о благодеяниях Божиих, излитых на род человеческий, и как нам не любить Бога, ибо Он сотворил нас невинными, блаженными, напечатлел в нас образ Своего Божества, вдохнул в нас бессмертную душу, украсил ее мудростью, святостью и правдою, соделал человека владыкою всех земных тварей; и когда он за преслушание подверг себя и все свое потомство, погрязшее в нечестии, вечному осуждению, то Господь извлек нас падших из этой бездны, сошел с небес, принял на Себя естество наше, пролил за нас пречистую, святейшую кровь Свою, и не только избавил нас от вечного осуждения, но соделал нас чадами Божиими, наследниками бесконечного Небесного Царства; как же после всего этого не любить нам Бога! Поистине, кто не любит такого Благодетеля своего, тот хуже язычника, ибо и они любят любящих их, даже и в бессловесных животных видим мы это. Если мы любим что-либо прекрасное в созданиях Божиих, то не более ли мы должны любить Самого Создателя? Должно усерднее молиться Всесвятому Духу о даровании нам небесного дара любви, изливающейся в сердца наши только Духом Святым (Рим. 5: 5).

Кто увлекается грехами, не сопротивляется им, в том нет и признаков любви Божией. Иные, сделав навик к грехам и пребывая в них, мнят иметь любовь к Богу, но суетная их надежда она ничто иное, как самообольщение, ибо кое общение света ко тьме? Иосиф и

Сусанна решились лучше умереть, нежели согрешить перед Богом, а святые мученики, воспламенившись любовью к Богу, шли на лютые муки и смерть, как на пир.

Любовь Божия есть вино, веселящее сердце человека (Мф. 25: 23); вкусили этого Божественного питания невоздержники – и стали подвижниками, вкусили грешники – и стали праведниками, вкусили богатые – и возжелали нищеты, вкусили блудники – и стали целомудренными, вкусили немощные – и стали непобедимы, вкусили невежды – и умудрились, вкусили скорбящие – и возвеселились. Дары Духа Святого, изливающиеся на любящих Бога, бесчисленны.

«Любовь, – говорит Лествичник, – есть огненный источник: в какой мере источает питье, в такой же мере распаляет жаждущего». Кто истинно любит Бога, тот предан Его святой воле, и что бы его не постигло, он все приемлет, как от руки Божией, с твердою верою, что все это послужит к его душевной пользе, к испытанию его терпения, чрез то соделывается вечное спасение; таковому некогда скажет Господь: *Рабе благий и верный, о жале был еси верен, над многим тя поставлю, вниди в радость Господа Бога твоего* (Мф. 25: 23). Для души, преданной Богу, несчастья, постигающие ее в сей жизни, служат ступенями, возводящими ее к совершенству.

Кто любит Бога всем сердцем своим, тот не разделяет сердца между миром и Богом, между удовольствиями мира, какими наслаждается упоминаемый в Евангелии богач, и между служением Богу: ибо не может человек служить двум господам – Богу и мамоне, как говорит Евангелие. Но кто истинно любит Господа Бога от всего сердца своего, тот, предпочитая всему на свете Бога, из любви к Нему оставляет и богатство, и славу, и удовольствия, и все прелести мира – и удаляется даже ближайших своему сердцу, если только они препятствуют спасению души его; *Еже бо любит отца или мать паче Мене, – говорит Господь, – несть Мене достоин* (Мф. 10: 37).

Кто истинно любит Господа всю душою, тот старается исполнять всю волю Его, всю жизнь и всю деятельность свою располагать по закону Его, во всем и всегда старается подражать святому примеру жизни Господа Иисуса Христа, уподобляться Ему в своих мыслях, желаниях и делах, страшась оскорбить Господа не только законопреступным делом, но и греховным словом или помышлением, тот при всяком поползновении ума и сердца своего ко злу говорит самому себе: *Какое сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом* (Быт. 39: 9).

Кто истинно любит Господа всем помышлением своим, тот любит всегда размышлять о Боге, всегда поставляет себя в святом вездеприсутствии Его, поучается в законе Его день и ночь; для того словеса Господни слаще меда и сота; драгоценнее паче злата и камене честна многа; тот любит часто ходить в храм Божий, жаждет общения с Ним в молитвах и святых Таинствах; тот, живя на земле, более думает о небесном, предпочитая будущую жизнь всем благам жизни настоящей.

Кто любит Господа Бога всю крепостью своею, тот не увлекается соблазнами мира, не страшится угроз его, не преклоняется лестию его; тот ради славы имени Божия готов лишиться всех благ временных, претерпеть все поношения и гонения и даже самую смерть. *Кто ны разлучит от любви Божия, – говорит святой апостол Павел, – скорбь ли, теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?* (Рим. 8: 35). Такова истинная совершенная любовь к Богу.

Объяснив, что значит любить Бога всем сердцем, всю душою и всю мыслью своею, остается показать, как нам узнать, истинно ли любим Господа Иисуса Христа. Все узнается по признакам: есть признаки и любви к Богу. Обратим на них внимание.

Любящий ни о чем столько не мыслит, как только о любимом: ибо таково свойство нашего сердца, что кого мы любим, тот непрестанно у нас в мыслях. Мы часто бываем удалены пространством от того, кого любим; но в мыслях всегда с ним, смотрим на него, слушаем его и говорим с ним, поутру просыпаемся – и первый предмет нашей мысли тот, кого мы любим; занимаемся ли каким-либо делом для себя или для других и никакое дело не мешает нам мыслить о том, кого любим. Поэтому любит Бога тот, кто и в храме, и вне храма, и днем, и ночью, и сидя, и лежа имеет мысль о том, что Бог есть, что Он создал небо и землю, ангелов и людей, что Он везде невидимо присутствует, все видит, все слышит, знает наши мысли, наши желания, что Он во всемогущей силе Своей содержит всю вселенную, все ведет к предположенной цели, продолжает нашу жизнь, хранит наше здоровье, благосостояние и что мы Им живем, движемся и существуем. Мы тогда не имеем нужды, чтобы напоминали нам о любимом нами; ибо сама любовь непрестанно приводит нас на память любимый нами предмет. Поэтому обратим внимание на себя и всмотримся: всегда ли Господь у нас в уме и сердце? Или, по крайней мере, часто ли мы вспоминаем о Нем? Если Он, Спаситель наш, приходит к нам на мысль часто, то, значит, мы имеем любовь к Нему. Святой царепророк, горячо любивший Господа, взывал к Нему: *Что ми есть на небеси, и от Тебе что восхотех на земли, Боже сердца моего и часть моя, Боже, вовек* (Пс. 72: 25). *Седмерицею днем хвалих Тя, Господи* (Пс. 118: 62) – продолжает святой Давид, и еще в другом месте говорит: *В полунощи восстах исповедаться имени Твоему, Господи*. Так душа, любящая Бога, любит молиться, и усердно, и часто, и это оттого, что она непрестанно стремится, жаждет беседовать с возлюбленным ей Создателем, ищет Его, услаждается Им. Поэтому любящие Бога любят часто посещать храмы Божии, любят часто говеть и приобщаться Святых Животворящих Его Тайн, теснейшим образом соединяющих нас с Ним, Искупителем нашим.

Анна-пророчица, всем сердцем любя Бога, не отходила от храма Господня, служила постом и молитвами день и ночь. А первые христиане ежедневно были причастниками Пречистого Тела и Крови Христовой. Любовь к Богу обнаруживается также расположением к чтению или слушанию слова Божия. Любящему Бога приятно слышать, что Бог, Создатель его, изрек в Священном Писании, приятно знать Его святую волю; он сладко углубляется в слово Божие, радостно созерцает дела премудрости Божией, внимая глаголам живота вечного. *О, коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть! Коль сладки гортани моему словеса Твоя, паче меда и сота устам моим* (Пс. 118: 97, 303). Любовь к Богу обнаруживается благочестивою христианскою жизнью, исполнением воли Божией. Таково свойство нашего сердца: кого мы любим, того и волю усердно тщимся исполнить; в этом уверяет нас Сам Создатель наш: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдает; не любяй Мя, словес Моих не соблюдает* (Ин. 14: 24). «Как в печи Вавилонской среди сильного пламени небесная роса прохлаждала блаженных отроков, так и любовь Божия, когда вселится в сердце человека, всякий страстной камень погашает и неизреченною росой его прохлаждает»^[1]. «Горящий любовью к Богу человек так обращается на земле, как бы имея жительство свое на небе, и никакими вещами от добродетельного течения удержаться не может. Все приятности и досады жизни сей презирает, поспешая к небесному отечеству своему»^[2].

Кто из смертных сподобился высочайшего дара любви Божией, тот только телом пребывает на земле, а блаженная душа его уже воспарила в горние селения и наслаждается блаженнейшим общением с небесным Утешителем, как невеста с женихом.

О любви к ближним

Подобная первой заповеди о любви к Богу есть любовь к ближним: *Возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе* (Мф. 22: 39). На сих двух заповедях основан весь закон Божий и все пророчества. Любовь покрывает множество грехов, а без нее ни посты, ни молитвы – ничто не угодно Богу; святой апостол Павел говорит о сем так: *Аще языки человеческими глаголю и ангелскими, любве же не имам, бых яко медь звенящи, или кимвал звяцай. И аще имам пророчество, и вем тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы престаवляти, любве же не имам, ничтоже есмь. И аще раздам вся имущества моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, никакая польза ми есть* (1 Кор. 13: 1–3).

Сколь приятна Богу взаимная наша любовь, это видно из многих евангельских изречений: *О сем разумеют еси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13: 35). *Любяй брата своего во свете пребывает, и соблазна в нем несть. А ненавидяй брата своего, во тьме есть, и во тьме ходит, и не весть, камо идет, яко тьма ослепи очи ему* (1 Ин. 2: 10–11); а о человеконенавистниках святой евангелист произнес сии страшные слова: *Всяк ненавидящий брата своего, человекоубийца есть* (1 Ин. 3: 15).

При происшедшей ссоре с кем-либо всеми мерами должно стараться о скорейшем примирении, памятуя слово апостольское: *Солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4: 26). Надежнейшее средство к достижению примирения – смирение и к Богу усердная молитва, коею отгоняется от враждующих дух злобы. Сила молитвы и смирения столь велика, что ей как бы невольно покоряется враждующий и примиряется с ближним; даже самые злобные враги сим побеждаются. Если будем благодушно прощать обидевшим нас, то и нам простит Господь согрешения наши, как ежедневно повторяем мы в молитве Господней: *И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим*. Господь явил нам образ совершенного незлобия в молитве за распинателей Своих, и мы, подражая сему, должны искренне молить Бога о ненавидящих и обижающих нас, хотя вначале такая молитва бывает очень трудна, но впоследствии она делается утешительною; при всем том мы должны извинить им, стараться оправдать их, относя это к более свойственной человеку немощи, должны искать примирения с ними, через посредство своих услуг оказывая им добро, внимая божественному апостольскому учению: *Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12: 21). Не дивно, когда виновный ищет примирения, но то достохвально и Богу приятно, когда оскорбленный первым тщится о сем, на таковом сбывается слово евангельское: *Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся* (Мф. 5: 9).

Когда видим больного, то не упрекаем его, а состраждем ему, желаем облегчения, даем добрые советы; так должны поступать в отношении и душевнобольных, одержимых раздражительностью или какою иною немощью, не должно за оскорбление оскорблением платить им, а снисходить им, сожалеть о них, как о немощных, тогда взаимно и нам в наших немощах будут так же оказывать, и таким образом исполнится на нас слово апостольское: *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6: 2). Господь, как Творец наш, зная немощи наши, даровал нам и врачевства надлежащие. Если бы мы послушны были воле Божией, то жили бы не на земле, а в раю, блаженство наше состояло бы во взаимной любви.

Кто не желает ближнему спасения и даже радуется гибели его, таковой хуже демона, коему, как духу злобы, свойственно желание это, но человеку оно непростительно, таковой уже не Христов ученик, а предатель Его, ибо Господь все делаемое человеком человеку вменяет Себе Самому, а потому не желай ближнему, чего себе не желаешь, – этим докажешь истинную к нему любовь. Если хочешь одержать победу над врагом своим, окажи ему любовь и возможную благотворительность, – тем самым посрамишь духа злобы и послужишь спасению брата и наипаче своему. Как соль уничтожает гнилость в съестных продуктах или огонь выжигает ржавчину из металлов так любовь искореняет из сердца человеческого злобу.

Кто любит ближнего своего, тот, несомненно, и Бога любит; а кто мнит, что он любит Бога, а ненавидит ближнего, ложь есть. Истинная любовь состоит в делах милосердия: видишь ты бедного, погибающего от нужды, – помоги ему, чем можешь. Господь многого не требует, а чтобы было от искреннего сердца по силе твоей; видишь кого в скорби неутешной, или болезни, или иной беде, – утешь его; утешит и тебя Господь; ищи случая быть полезным, кому, чем и как можешь, отирай слезы плачущих, – и твои слезы утрит Господь; упокой странного, – и тебя упокоит Господь, молись Ему о страждущих, – и твои страдания утолит Он, Всеблагий; не осуждай согрешающих, – и тебя не осудит Праведный Судия, насыть алчущего и жаждущего, – сподобишься и ты небесной трапезы в Царствии Божиим; посети больного, скорбного, – и тебя утешит Господь Святого Духа пришествием.

Где любовь, – там и благословение Божие, а где нет ее, – там тьма и мрак греховный, – там жилище бесов злобных. Любовь – надежнейшее средство ко спасению души. Если мы, как немощные, не можем долго поститься, и молиться, и совершать иные подвиги добродетелей, то восполним это любовью.

Из всех дел милосердия Господу приятнейшее и нам спасительнейшее – если кто обратит грешника от пути беззакония на путь спасения; таковому простит Господь множество согрешений его, в сем удостоверяют нас слова апостольские: *Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу свою от смерти, и покрывает множество грехов* (Иак. 5: 19–20). Но кто совратит кого на путь нечестия, того ожидает геенна огненная.

Видим мы из Евангелия, что в великий день всемирного Суда Божия, когда решится участь каждого из нас, особенно благословения Божия сподобятся те только, которые милосердны были к ближним своим; они удостоены будут от Бога высокой чести; в великий тот день перед всеми горними силами, перед всеми святыми и перед всею вселенною они наречены будут сынами света, благословенными Отца Небесного, наследниками уготованного им Царствия от сложения мира (Мф.25:34).

Святой Ефрем Сирин так ублажает имеющих неоценимый дар любви: «Блажен человек, – говорит он, – в котором есть любовь Божия, потому что нашел он в себе Бога». *Бог любви есть, и пребывая в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4: 16). В коем любовь, тот вместе с Богом превыше всего, в коем любовь, тот не боится, потому что совершенная любовь *вон изгоняет страх*, как говорит святой апостол (1 Ин. 4: 18); в коем любовь, тот никем никогда не гнушается, *вся уповает, вся терпит* (1 Кор. 13: 7). В коем любовь, тот исполняет волю Божию, тот ученик Божий, ибо Сам благий Владыка наш сказал: *О сем разумеют еси, яко Мои ученицы есте, аще имате любовь между собою* (Ин. 13: 35). Посему блажен, кто приобрел любовь, а с нею переселился к Богу, потому что Бог знает Своих, и примет их на лоно Свое. Делатель любви будет

сожителем ангелов и со Христом воцарится^[3]. Есть предание о святом евангелисте Иоанне Богослове, что сей апостол любви, находясь уже в глубокой старости, непрестанно говорил: *Чадца, любите друг друга*. Когда его спросили, почему он непрестанно напоминает эту заповедь, то он отвечал, если кто исполнит ее, то достаточно одной ее для спасения^[4].

Какое необычное чудо! Кто имеет нелицемерную любовь, тот исполняет весь закон, потому что *исполнение закона любви есть* (Рим. 13: 10). О, несравненная сила любви! Ничего нет драгоценнее любви ни на небе, ни на земле.

О надежде на Бога и терпении

Не надейтесь на князи и на сыны человеческия, в нихже несть спасения (Пс. 145: 3), – взывает святой царепророк; не надейся ни на друзей, ни на богатство, ни на здоровье свое и ни на что, – все это суетно, исчезает, как сон, рассеивается, как дым.

Надейся на одного Создателя и Спасителя твоего. Он лучше тебя знает все твои нужды духовные и телесные и печется о тебе. Надеющимся не на Бога угрожает страшный приговор Божий: *Проклят человек, иже надеется на человека, и утвердит плоть мышцы своея на нем, и от Господа отступит сердце его. И благословен человек, иже надеется на Господа, и будет Господь упование его. И будет яко древо насажденное при водах, и во влаге пустит корешие свое; не убоится, егда придет зной, и будет на нем стеблие зелено, и во время бездожия не устрашится и не престанет творити плода* (Иер. 17: 5, 7–8).

Надеющийся на что-либо земное никогда не может быть покоен: надеешься ты на богатство, но всегда можешь лишиться его; надеешься на человека, но он изменчив и смертен; надеешься на свое здоровье и способности, но болезнь тела всего этого лишает тебя; одна наша истинная, твердая, несомненная надежда – Иисус Христос, Сын Божий, Бог всемогущий, вечный, по Его велению ангелы небесные хранят нас во всех путях наших. Враг наш постоянно отвлекает нас от надежды на Бога, но мы, зная его бесовскую хитрость, постоянно должны отражать злые наветы его. «Надежда без терпения, – как говорит святой Тихон, – быть не может». Где истинная надежда, там и терпение, и где терпение – там и надежда. Надежда, как и вера, подвержена многому искушению. В бедственном состоянии потребно терпение, чтоб непозволенным образом не искать от бед избавления, но предаться на волю Божию и ожидать от Него милости, или помогающей в терпении, или избавляющей от бед, якоже весть Сам Он, Спаситель наш. Нет большего искушения надежде, как когда помыслы, восстающие в совести, говорят: *Несть спасение ему в Бозе его* (Пс. 3: 3). От сего человек мраком печали покрыт. В таком тяжком искушении больше всего потребно терпение, молчание, из глубины сердца воздыхание, покуда эта сильная непогода пройдет или облегчится. Здесь нужно надеяться сверх надежды и уповать сверх упования, как пишет святой апостол об Аврааме: *Иже паче упования во упование верова* (Рим. 4: 18). К сему подвигу и терпеливой надежде увещает святой царепророк: *Потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа* (Пс. 26: 14). И милостью Божией обнадеживает: *Терпение убогих не погибнет до конца* (Пс. 9: 19). И себя в пример представляет: *Терпя, потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39: 2). При сем должно внимать и сему слову псаломника: *Уповай на Господа и твори благостыню* (Пс. 36: 3). Слово это показывает нам, что уповающему на Бога должно творить добро, следовать воле Божией, а не своей. Напрасно тот надеется на Бога, который делами своими противится Богу, напрасно ожидает милости от Бога тот, кто непрестанно Его раздражает нераскаянным нравом, руки простирает и очи возводит к Богу, а сердцем от Него отвращается и обращается к мамоне, серебру, нечистоте и прочим греховным страстям. Бог есть избавитель любящих Его, а не противляющихся Ему. *Господь крепость людям Своим даст* (Пс. 28: 11). *Волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасет я* (Пс. 144: 19). Не боятся Бога, которые бесстрашно закон Его нарушают, таковых воли не сотворит Он, потому что они воли Его не сотворят, и молитвы их не услышит, потому что сами они не хотят Его слушать и

каяться. *Лице же Господне на творящая злая, еже потребити от земли память их* (Пс. 33: 17).

Слушает Господь тех, которые не страсти свои – не золото и серебро – создание Божие, но Создателя почитают, и поклоняются Ему – и в искушениях их прохлаждает, утешает и увеселяет Своею благодатью.

Слушает и грешников кающихся, и перестающих грешить. Грешник до тех пор грешник, пока живет в бесстрашии и грешить не перестает: а когда покается и отстанет от грехов, Божиею благодатью к числу праведных присоединяется. Таким грешникам не должно упования своего отлагать, но без сомнения ожидать милости Божией о Христе Иисусе, Который прииде в мир грешные спасти.

О почитании Пресвятой Лавы Богородицы

Пресвятая Дева – Великая помощница роду христианскому, а наипаче подвизающимся в духовной жизни и пожелавшим воспрянуть от греховного жития. «Через Нее, – говорит святой Августин, – Бог снисшел на землю, дабы через Нее люди удостоились восходить к Нему». Она единая несомненная надежда и спорушница грешников, к покаянию их воздвигающая. Она спасает и милует всех, притекающих под Ее Материнский покров, Она милости неоскудеваемый источник, стена неодолимая, ходатайство к Творцу непреложное, упование и предстательство всех верных, надеющихся на Нее; Ей Единой изрек Господь и Сын Ее, что все Ее прошения исполнятся, Ее Материнским молением отвращается от грешных праведный гнев Божий, на них движимый, Она, как говорит святой Димитрий Ростовский, «ставши между Богом и грехами нашими, яко посредница, не пускает проходить близ пред Богом грехам нашим, и гласом Своих за ны молитв отражает глас грехов наших смертных, вопиющих на ны к Богу». На Пресвятую Деву мы должны взирать, как на нашу Всемошную Ходатаицу перед престолом Вседержителя, мы Ей усыновлены при кресте в лице возлюбленного ученика Христова, Ей принадлежим, как стяжание искупленное драгоценною кровью Бога и Сына Ее. Благодеяния, изливаемые Ею на мир православный, беспредельны, паче песка морского, чему живое свидетельство множество чудотворных Ее икон, источающих бесчисленные чудеса миру православному.

Но недостаточно только любить Пресвятую Деву, необходимо и подражать Ее святейшей жизни, Ее чистоте, Ее непорочности, Ее кротости, милосердию, смирению, Ее совершенной преданности воле Божией, тогда только можем дерзать именовать Ее Матерью своею, и тогда только молитвы наши Ей благоприятны и нам спасительны.

Афонские отцы, как насельники Ее земного наследия, особенно тщались о почитании Ее, положили правилом, дабы все хотящие иметь в Пресвятой Деве скорую утешительницу молений их, усугубили чтение Архангельского Ей приветствия:

«Богородице Дево, радуйся! Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Заповедали святые отцы сию молитву читать ежедневно утром и вечером по трижды с земными поклонами и сверх сего прочитывать оную мысленно, то есть сердечно на каждом часу (напоминаемом боем часов), причем размышлять, что каждый час нашей жизни может быть последний для нас и быть готовыми, если внезапно потребует нас Господь на суд, ибо в чем кого застанет, в том и судить будет.

О церковных службах

Церковь есть земное небо: совершающееся в ней богослужение – дело ангельское. Кроме необходимых по благословению послушаний или по телесной немощи, не должно пропускать ни одной церковной службы, приходя к самому началу и уходя по отпусе. Все удаляющиеся от Бога и святого храма Его погибнут. Идя в храм Божий, не должно останавливаться и беседовать со своими или мирскими. Входить в алтарь должны только те, кому благословлено от настоятельницы, и не иначе как в приличной одежде, в рясе и камилавке, особенно во время богослужения пребывать в нем, исполняя свое послушание, со страхом Божиим памятуя, что это святилище, где всегда невидимо присутствует Сам Бог и все Силы Небесные. Когда наступает время церковного богослужения, должно оставлять келейные молитвы и все занятия и поспешно идти в храм Божий для совокупного моления, по сказанному Господом: *Где два или три собраны во имя Мое, там Я посреди их* (Мф. 18: 20). Молитва одного, в сравнении с общею церковною молитвою, – это слабый голос перед множеством шумящих вод, это тихое дыхание ветра перед гласом громов, это едва заметный огонек перед обширным пламенем. Великий грех во время богослужения заниматься чем-либо, кроме необходимого монастырского послушания, все должно оставить и идти в храм Божий, стоять в нем благоговейно, внимая, что читают и поют. Без крайней нужды из церкви не выходить; а также во время чтения псалмов или поучений оставаться в церкви, а кто привык часто выходить из церкви, тот смущает этим и прочих благоговейных, следовательно, вдвойне грешит. После вечерних молитв каждая должна идти в свою келью, кроме особенных случаев, когда по благословению игуменьи поручено будет послужить болящим или иное что исполнить. Находясь в церкви, не смотреть по сторонам, не шептаться, не переглядываться, а стоять и смотреть более вниз, Божий страх имея в себе, и помнить, зачем мы пришли в святую обитель и пожелали монашества, дали Богу обеты, за кои строго будем истязаны в день страшного второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Посему и сказано: лучше не обещаться, нежели обещаться и не исполнить. Много мы дали обещаний при поступлении в монашество, а много ли исполнили? Горе нам, великое горе, если не исполним данных Богу обетов, велик воздадим за них ответ.

О необходимости понуждения себя к богоугодной жизни

Сам Подвигоположник Господь сказал, что *Царствие Небесное нудится, нуждницы восхищают е* (Мф. 11: 12). И еще сказано: *Выйдите узкими врата, яко пространные врата и широкий путь, вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкие врата и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. 7: 13–14).

Святой Макарий Великий рассуждает о сем так.

«В какой мере собираешь ты ум свой к исканию Бога, в такой и еще большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостью прийти к тебе и успокоить тебя. Стоит Он и рассматривает твой ум, помышления и движения мыслей, назирает, как ищешь Его, от всей ли души твоей, не с леностью ли, не с нерадением ли. И когда увидит рачительность твою в искании Его, тогда явится и откроется тебе, подаст помощь Свою и уготовит тебе победу, избавляя тебя от врагов твоих».

Господь, как скоро видит, что мужественно отвращается кто-нибудь от житейских удовольствий, вещественных развлечений и забот, от земных уз и кружения суетных помыслов, подает таковым благодатную Свою помощь и непреткновенно соблюдает эту душу, которая прекрасно совершает течение свое в настоящем лукавом веке, с усилием устремляя мысль свою всегда к Господу, отрекаясь себя самого, взыскав же единого Господа.

Потребны труд, рачительность, трезвенность, великая внимательность, быстрота и неотступность в прошениях ко Господу, дабы нам избавиться от пожелания чего-либо земного, избежать сетей и мрежей удовольствий, о восстаний лукавых духов и в точности узнать, с какою трезвенностью и стремительностью веры и любви подвизались святые. И если ныне со многим молением, прошением, с верою, молитвою, с отвращением от мира не примем в себя оной небесной любви Духа, и естество наше, оскверненное пороком, не прилепится к любви, то есть к Господу, и не будет освящено оною любовью Духа, то не возможем улучшить Небесное Царство.

Очень немного таких, которые с добрым началом соединяли добрый конец, непреткновенно дошли до цели, имеют единую любовь к единому Богу и от всего отрешились. Многие приходят в умиление, многие делаются причастниками небесной благодати, уязвляются небесною любовью, но не выдерживают встретившихся на пути различных борений, подвигов, трудов и многообразных искушений от лукавого, по слабости и недеятельности, или по боязливости собственной своей воли, или по любви к чему-либо земному остались в мире и погрязли в глубине его. Как обетования Божии велики, неизглаголаннны и неисповедимы, так потребны нам вера, и надежда, и труды, и великие подвиги, и долговременное испытание; со Христом желаем мы царствовать бесконечные веки, ужели не решимся с усердием в продолжение короткого времени жизни сей до самой смерти терпеть борения, труды и искушения?

Что возлюбил человек в настоящем мире сем, то и обременяет его мысль, как бы влечет, и толкает вниз, и не дает ей воспрянуть, и обращается это в испытание всему роду человеческому. Ибо с какою страстью не борется человек, не противится ей всеми силами, а услаждается ею, та привлекает его и держит как бы узами какими. Кто имеет непрестанную надежду на Бога, зло как бы истончается и разжижается в нем.

Итак, нужна борьба против греха, живущего в нас, нужно усилие к исполнению заповедей Христовых, а без сего никто ни в чем благом не преуспеет. При этом находим уместным вспомнить, что, когда святые апостолы, помышляя о трудности спасения, спросили Господа, кто же может спастись, Господь отвечал им: *От человека невозможно, а от Бога вся возможно.*

Не менее сильно прогонять разлечение и возбуждать энергию и следующее видение, о котором рассказал сам святой Антоний Великий: «Молил я Бога, – говорит он, – показать мне, какой покров окружает и защищает монаха? И видел я монаха, окруженного огненными лампадами, и множество ангелов блюли его, как зеницу ока, ограждая мечами своими. Тогда я вздохнул и сказал: «Вот что дано монаху, и несмотря, однако, на то, диавол одолевает его, и он падает». И пришел ко мне голос от милосердного Господа и сказал: «Никого не может низложить диавол; он не имеет более никакой силы после того, как Я, восприняв человеческое естество, сокрушил его власть. Но человек сам от себя падает, когда предается нерадению и поблажает своим похотям и страстям». Я спросил: «Всякому ли монаху дается такой покров?» И мне было показано множество иноков, огражденных такою защитой. Тогда я воззвал: «Блажен род человеческий и особенно воинство иноков, что имеет Господа, столь милосердного и человеколюбивого. Будем же ревновать о спасении своем и, прогнав всякое нерадение, усердно нести труды наши, да сподобимся Царствия Небесного благодатью Господа нашего Иисуса Христа».

О почитании праздничных дней

В праздничные дни, кроме необходимых послушаний монастырских, никакой работой не должно заниматься, помня заповедь Господню: *День же седьмой Господу Богу твоему посвящай*. Эти святые дни проводить должно в молитве, богомыслии и чтении душеполезных книг. «Пришедши из церкви и после трапезы, – говорит святой Тихон, – поминать должно чудесные и спасительные дела Божии, в те дни милостивно в спасение наше сотворенные; размышлять о них и за те радостным духом Бога благодарить, Которого дела изрядно описаны и изъяснены в церковных стихах и в песнях, в те праздники поемых»^[5]. «Прекрасный и богоугодный праздник, – говорит святой Ефрем Сирин, – покаяние со слезами, воздержание от грехов, воздержание вечных благ. Прекрасный и богоугодный там праздник, где сопразднует Христос, где совершаются Его празднества и чествуются божественные писания»^[6]. Святой Златоуст говорит: «Если мы не будем чтить праздничные дни, то осудимся, как нарушители заповеди Господней, как святотатцы».

О Причащении Пречистых Христовых Тайн

Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем. Что может быть выше и вожделеннее сих утешительных слов Спасителя нашего, в коих выражается вся Его любовь, вся беспредельная бездна щедрот Его, подаваемых человеку в Таинстве Причащения? С чем может сравниться состояние человека, соединяющегося с Самим Господом; это тайна тайн столь возвышенная, что умом человеческим, как ограниченным, вполне не может быть постигнута? Довольно с нас знать, что в Таинстве Причащения мы сподобляемся величайших, неизреченных даров Божиих, а потому и должны всеми мерами стараться так жить, чтобы чаще приступать к сему святейшему Таинству, коего древние христиане сподоблялись ежедневно.

Святое приобщение, укрепляя наши телесные и душевные силы, служит для нас также непобедимым оружием для поражения невидимого врага нашего спасения – диавола. Враг этот, самый опаснейший для нас; сколько сетей расставляет он к нашей гибели, в которые всеми силами старается увлечь нас; куда ни пойдем, на каждом почти шагу этот злой дух старается увязать нас; везде он прельщает, везде соблазняет нас; мы хотим сделать добро, а он влечет нас к злу; мы хотим молиться, а он наводит на нас скверные мысли, леность, тяготу и прочее, пользуясь нашими немощами и нашею склонностью ко греху; сколько требуется с нашей стороны осторожности, внимания к себе, понуждения себя, чтобы этот лютой дух злобы не возобладал нами! Он тем более опасен, что нами невидим, и чрезмерно хитер и лукав. Против такого опасного врага должно употреблять и оружие крепкое, но что же может быть могущественнее святейшего Таинства Причащения? Оно и в самом себе есть всемогущая сила, ибо, причащаясь Тела и Крови Христовых, мы принимаем в себя Владыку неба и земли, Которого могущество беспредельно. С другой стороны, оно совмещает в себе всю силу великого нашего искупления, совершенного Спасителем, плодом которого была победа над темным царством диавола.

Кто редко приступает к сему спасительному Таинству, тот удаляется от спасения. Истину эту уясняет даже простое соображение: тот, кто приобщается часто, часто очищает и совесть свою Таинством Покаяния; а возобновляя при этом скорбь и сокрушение о содеянных грехах, он напечатлевает в душе своей спасительный страх Божий, удерживающий его от греха, для достижения чего ему приходится чаще вооружаться благими мыслями и добрыми делами, удаляющими от греха и приближающими к Богу. Затем, по мере частого приобщения, добрые расположения и добродетели приобретают большую силу и становятся потребностью души. Всякий из нас знает по опыту, что частое повторение чего-либо производит в нас к тому привычку. Кто часто повторяет грех, тот делается рабом греха; кто стремится к добродетели, тот делается подвижником благочестия. Таким образом, частый причастник необходимо приобретает расположение служить Господу с усердием, потому что истинно верует в силу Божественного Таинства; славит Его с веселием и надеждою, потому что истинно надеется, что помощник и защитник его есть Господь; покоряется Ему со смирением и любовью, потому что истинно любит Господа, возлюбившего и облагодетельствовавшего нас всеми небесными дарами.

Не умолчим и о том, кто недостойно приступает к чаше Христовой; о таковых говорит слово Божие: *Ядый бо и пияй не достоин, суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня.* Приступая к сему страшному таинству, мы произносим: *ни лобзания Ти дам, яко*

Иуда и прочее. Кто же это дающее Господу лобзание Иудино? Это, без сомнения, те, которые, святейшим Его даром очистившись туне от бесчисленных своих согрешений – исчадий духа злобы, – снова предают себя темной бесовской области, снова обращаются на скверные дела свои, снова поработаются сатане. Горе, вечное горе таковым!

Заклучим беседу нашу о приобщении святых Христовых Тайн показанием некоторых из тех неисчислимых благ, какие доставляет оно достойно причащающимся. По учению Церкви (см. *последование ко причащению и после причащения*), сие святейшее Таинство Тела и Крови Христовых достойно причащающимся оных подает укрепление составов с костями вкупе, исцеление многообразных недугов, здравие, крепости сохранение, спасение и освящение души и тела, отчуждение, то есть отгнание скорбей, радость и веселие, оставление грехов, умерщвление страстей, просвещение и очищение оскверненной души, сохранение от всякого дела и слова душестленного, соблюдение от всякого диавольского действия, стену, и помощь, и удаление сопротивных, то есть злых духов, отгнание всякого мечтания, и лукавого деяния, и действия диавольского, мысленно в удесех действующего, потребление и всесовершенное погубление лукавых помыслов и предприятий, и ночных мечтаний, темных и лукавых духов, исправление жития и утверждение в святости жизни, соблюдение заповедей, умножение добродетели и совершенства, просвещение чувств, мир душевных сил, веру непостыдну, исполнение премудрости, просвещение очес сердца, дерзновение и любовь к Богу, подавание Духа Святого, умножение Божественной благодати, вселение в души наши Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, утверждение живота, обручение будущей жизни и Царствия, напутие живота вечного, благоприятен ответ на страшном судище Христовом, общение небесных благ.

С совестью, очищенною Таинством святого Покаяния, и с искренним желанием исправить жизнь свою будем чаще и чаще приступать ко вкушению трапезы небесной, подаваемой нам в Таинстве Тела и Крови Христовых, чтобы с достойным принятием этого высокого дара принять в себя и те неисчислимы дары, какие подаются нам через это великое Таинство, чтобы, достойно вкушая святейший хлеб сей здесь, на земле, мы сподобились бы причащаться Христа и там, на небе, и вечно пребывать в общении и лицезрении Его, нашего Творца, Владыки и Икупителя Иисуса Христа, чего и да сподобимся все мы изволением и благостью Его.

О подвигах и видениях

Не должно браться за подвиги выше своих сил, – пишет святой Лествичник, – а тем паче своевольно, без благословения, не предпринимать никаких подвигов постов, молитв особых и прочего и не давать Богу никаких обетов, потому что все делаемое своевольно бывает по внушению врага и ведет к гордости и гибели, а также должно очень опасаться разных видений, что приводит к ложному мнению о своей святости, о сем в книге «Избранные поучения святых отцов» на странице тридцать четвертой говорится следующее: «Общее правило для всех – никак не увлекаться явлениями из мира духов, признавать всякое такое явление тяжким искушением для себя. Ангелы являются одним святым человекам, и одни святые способны, будучи просвещаемы Божественной благодатью, различать святых ангелов от диаволов. Диаволы, являясь человекам, наиболее облачаются в вид святых ангелов, окружают себя всевозможною благовидностью, чтоб тем удобнее обольстить, обмануть и погубить неопытных, самомнительных, неразумно-любопытных. Великое бедствие – вступить в общение с демонами, принять в себя впечатления о них, даже подчиниться одному влиянию их, которое, будучи привлечено собственным произволением человека, имеет особенное действие».

О покаянии

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!..

Что есть покаяние, по учению святых отцов

«Покаяние есть возвращение, – говорит Иоанн Лествичник – Покаяние есть обещание Богу нового жития. Покаяние есть примирение с Господом посредством добрых дел, противоположных грехопадениям. Покаяние *есть очищение совести*»^[7]. Преподобный Исаак Сирин говорит, что людям по крещении дано покаяние, потому что оно есть второе возрождение от Бога и то дарование, которого залог прияли мы от веры (в святом крещении) приемлем (вполне) покаянием^[8].

Сущность подвига покаяния

Под именем покаяния, как нравственного совершенства и доблестного подвига в деятельной благочестивой жизни, святые отцы разумеют не частное очищение греховной совести на исповеди, а продолжительное истязание ее и непрестанное взывание к милосердию Божию, сопровождаемое всегдашним сокрушением сердца о содеянных беззакониях. «Покаяние есть, – говорит святой Лествичник, – добровольно осуждающий себя помысел. Кающийся есть непостыдный осужденник. Кающийся есть изобретатель наказания для себя самого. Покаяние есть добровольное терпение всего скорбного. Покаяние есть непрестанная безнадежность в телесном утешении. Покаяние есть сильное утеснение чреву и поражение души при чувстве мужественном»^[9].

Необходимость всегдашнего покаяния

Необходимость покаяния, как непрестанного очищения греховной совести, очевидна для всякого. Если в Царствие Божие, по словам Священного Писания, не иметь внити всяко скверно (Апок. 21: 27), а, между тем, кто из нас чист от скверны, аще и един день жития его на земли (Иов. 14: 15); то как нам не страшиться грозного приговора всеведущего Судии: *Аще не покаются, еси погибнете* (Лк. 13:3)?

«Покаяние есть дверь милости, – говорит преподобный Исаак, – отверстая усиленно ищущим его; сею дверью входим в милость Божию; кроме этого входа не обретем милости: *Вси бо, – по слову Божественного Писания, – согрешиша, а оправдаеми туне благодатию Его*» (Рим. 3:23–24)

Начало и пределы покаяния

Преподобный Исаак Сирин так определяет весь круг деятельности подвижнического покаяния: «Покаяние есть вторая благодать, и рождается в сердце от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока не достигнем духовного рая благ; а когда достигнем, тогда оставит он нас и возвратится. Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами»^[10]. «Покаяние есть корабль, а страх – его кормчий, любовь же – божественная пристань. Поэтому страх (праведного наказания за грехи) вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смраднему морю жизни и путеводствует к божественной пристани, которая есть любовь. К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш совершенен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой»^[11].

Как начинается и чем поддерживается спасительное покаяние

«Итак, покаяние, – как учит преподобный Исаак, – рождается от веры в праведного Мздовоздаятеля и возбуждается страхом неминуемого суда Божия и заслуженных мук. Грешник ужасается страшной участи, уготованной нераскаянным, и решается обратиться от области сатанины к Богу – Отцу своему». Тогда вот что происходит в душе начинающего покаяние, как описывает преподобный Ефрем:

1. «Диавол не дает нечестивым одуматься, представляя им суровость покаяния. А покаяние, видя хитрость его, подходит с лаской и говорит: «Приведите только себе на память Бога, и я потружусь за вас. Представьте в уме Его милосердие, и я буду ходатайствовать за вас с воздыханиями. Слегка только воздохните, грешники, в покаянии, и сделаю вас Божиими слугами. И пророк Исаия сказал: *Егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися* (Ис. 30: 15). Вот, говорит покаяние, привожу тебе и свидетельство (из слова Божия), только покайся». «Если согрешивший вздохнет, – продолжает святой отец, – то с воздыханием отойдет от него и бремя, возложенное змием; по облегчении же ума отгонит он от себя и мглу неведения, и око душевное сделается ясным, и вскоре покаяние будет руководствовать душу ко спасению». Итак, *вдох от глубины сердца – начало* спасительного покаяния.

2. «Тогда, – продолжает преподобный Ефрем, – грешник не только будет воздыхать, но и с великою скорбью проливать слезы. Почему же? Потому что душа, после долговременного разлучения с Богом, увидев Его, как Отца, возбуждается к пролитию слез; оттого что, наконец, увидела Родителя, проливает она слезы и преклоняет к себе Бога: ибо любит Отеческое благословение и, таким образом, очищается от всего, до чего доведена была змием». Эти слезы сердечного сокрушения не суть слезы пагубного отчаяния, а сладостные слезы умиления обратившейся к Богу души. «Памятование о Боге, – объясняет преподобный Ефрем, – приводит грешников к воздыханию; но Давид говорит: *Помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76: 4). Потому и кающиеся радуются, что освободились от уз змия».

3. Испытав на себе самих величие милосердия Божия и как бы вкусив сладости Отеческой любви Божией, которая, забыв все согрешения блудного сына, подобно евангельскому Отцу, *еще издалече увидев его, тек, нападе на выю и облобыза его* (Лк. 15: 26), – искренно кающиеся, получив незаслуженное прощение от Бога, сами себя наказывают за все прежние беззакония, за вероломную измену такому любвеобильному Отцу, за бесчувственность и неблагодарность Щедродателю, Царю и Богу. «И что для других трудно и невыносимо, то, – говорит святой Лествичник, – делается приятным и желанным для утративших добродетель и духовное богатство. Ибо душа, лишившаяся прежнего дерзновения, утратившая надежду бесстрастия, сокрушившая печать непорочности, давшая на расхищение сокровище дарований и сделавшаяся чуждою божественного утешения, отвергшая завет Господень, угасившая прекрасный огонь душевных слез и уязвляемая болезненно терзаемая воспоминанием о том, – не только со всею готовностью приемлет всякие труды, но благочестно решается умертвить себя подвигами, если только сохранился в ней остаток искры любви или страха Господня»^[12]. В таком состоянии тяжкого стыда перед лицом милосерднейшего Отца Небесного,

Которого оскорбили и прогневали своими беззакониями, при страшных угрызениях пробудившейся совести, кающиеся обрекают себя на всевозможные жертвы для умилоствления Бога и осуждают себя на самые усиленные подвиги, как бы желая вознаградить погибшее время своего заблуждения. Но вообще нужно заметить, что различные подвиги покаяния не заповедуются святыми отцами, а налагаются самими же кающимися, по мере ревности и усилия каждого, и более должны служить выражением покаянного духа, нежели каким-либо наказанием за прежние грехи.

«Кто любит Христа, как должно любить, – говорит Златоуст, – тот сам не потерпит остаться без наказания, хотя бы Христос и простил его: ибо одно оскорбление Его составляет уже величайшее наказание. Не то прискорбно любящему, что за оскорбление любимого им терпит какое-нибудь зло; но всего более то, что оскорбило любимого... Так будем рассуждать и мы, и горько плакать о том, что так неблагодарно оскорбляем Благодетеля своего!»^[13]

Искушения в подвиге покаяния и средства против них

1. «До падения нашего, – говорит святой Лествичник, – демоны представляют нам Бога человеколюбивым, а по падении – неумолимым»^[14]. Этот лукавый помысел отчаяния святые отцы советуют отражать крепкою надеждой на милосердие Божие. «Когда кто падет, – взывает преподобный Исаак Сирийский, – да не забывает любви Отца своего; но если приключится ему впасть и в многообразные прегрешения, да не перестает радеть о добре, да не останавливается в своем течении, но, и побеждаемый, снова да восстает на борьбу со своими супротивниками, и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего, имея в устах пророческое слово: *Не радуйся о мне, противник мой, яко падох: ибо снова встану. Аще сяду во тьме, Господь озарит мя* (Мих. 7: 8); и нимало не прекращает брани до самой смерти, и пока есть в нем дыхание, да не предаст души своей на одоление, даже и во время самого поражения.

Но если и каждый день разбивается ладья его, и терпит крушение весь груз, да не перестает заботиться, запасаться, даже брать взаймы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость свою и не даст ему сильных побуждений встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага. Такова премудрость, подаваемая от Бога; таков мудрый больной, не теряющий надежды своей»^[15]. Святой Лествичник уверяет: «Часто и малые дары утолили великий гнев Судьи»^[16].

«Господь милосерд, – взывает преподобный Ефрем, – Ему приятно оказать милость и спасти человека. Поэтому, грешник, неослабно умоляй о милосердии и проси себе щедрот, потому что и Господь твой не утомляется, прощая тебе долги твои»^[17].

2. «Прежние навыки, – говорит Лествичник, – мучительствуют нередко и нам, плачущим об оных»^[18]. И демоны при этом случае наводят на душу кающегося печаль и внушают безнадежность покаяния»^[19].

«Когда подвергаюсь я бедственному падению, – говорил один брат, – помысел мой снедает меня и укоряет: для чего ты пал?» Против такого мучительного напора злых помыслов авва Пимен сказал в одобрение брату: «Коль скоро человек впадет в грех и скажет: «Согрешил я!» – грех тотчас проходит»^[20].

А преподобный Ефрем Сирийский одобряет: «Если и тысячи раз согрешишь, но потом опять прибегнешь к покаянию, то снова очистишься от скверн и от содеянных тобою беззаконий. Господь наш сказал: *Семьдесят крат седмицею отпусти брату своему согрешения его* (Мф. 18: 22); во сколько же крат более Сам Господь наш простит кающемуся! Если ты, грешник, и в один день согрешишь семьдесят крат седмицею, Бог не заключит для тебя двери щедрот, если только каешься»^[21].

3. «В ленивых, – говорит святой Лествичник, – падения, по признании, бывают тяжки и подавляют надежду бесстрастия»^[22]. При тяжких грехопадениях демоны усиливаются довести человека до отчаяния, так что в совершенной безнадежности спасения тяжело согрешивший взывает, подобно Каину: *Вящая вина моя, еже оставится ми!* (Быт. 4: 13) Против этого страшного наваждения святые отцы возбуждают веру в беспредельное и неистощимое милосердие Божие. «Ничто не равняется Божиим щедротам, – взывает святой Лествичник, – ничто не превышает их! Посему, кто отчаивается, тот

самоубийца»^[23]. «Ты грешник? Не отчаивайся, – убеждает святой Златоуст. – Никогда не перестану умащать тебя сим врачевством. Много имеешь грехов? Не отчаивайся! Никогда не перестану повторять тебе это. Если ежедневно грешишь, ежедневно приноси покаяние... Ибо человеколюбию Божию нет меры, благость Божия не может быть выражена словом. Грех твой имеет меру, а врачевству нет меры. Грех твой, каков бы ни был, есть грех человеческий, а Божие человеколюбие неизреченно»^[24].

4. «Боюсь, – взывал преподобный Дорофей к Варсонофию Великому, – чтобы мне не привыкнуть, согрешая, только раскаиваться, а не исправляться, не пребыть в грехах и не умереть так»^[25].

Эта мнимая бесплодность покаяния, при непрестанном чаянии смерти, приводит нередко в ужас несчастного грешника, который, при всех усилиях со своей стороны, не видит исправления в своей жизни, и трепещет грозного смертного часа. «Брат! Не должно тебе отчаиваться», – отвечал великий старец.

«Кормчий, когда корабль его бьют волны, не отчаивается в своем спасении, но управляет кораблем, пока не приведет его в пристань. Так и ты, видя, что увлекся и рассеялся в деле, воззови себя к началу пути, говоря с пророком: *Ирех: ныне начах* (Пс. 76: 11) и проч...»^[26]

«Если кто падет, то пусть опять постарается управить себя. Я верую Богу, что такому человеку не обратится это (случайное повторение падений) в навык, и не овладеет им нерадение; но Бог вскоре приведет его в устроение усердных (делателей) и не возьмет души его дотоле, пока не приведет его в меру высокую, *в мужа совершена* (Еф. 4: 13). Итак, не ослабевай, но, доколе имеешь время, делай, и поможет тебе Бог»^[27]. «Не приходи в удивление, что ежедневно падаешь, – говорит святой Лествичник, – не отступай, но стой мужественно, и Ангел Хранитель твой, без сомнения, уважит терпение твое»^[28]. «Кто искренно приходит к Богу, – уверяет преподобный Симеон Новый Богослов, – тем не попускает Он вовсе пасть; но, видя их немощь, содействует и помогает, свыше подавая им руку силы, и ведет их к Себе.

Содействует же Он явно и вместе неявно, ощутительно и неощутительно, пока напоследок, прошед всю лестницу, они не приближаются к Нему и не соединяются с Ним там, и сами не зная, в теле ли, или вне тела, и обращаясь с Ним, и наслаждаясь неизреченными благами»^[29].

5. Души нерадивые обыкновенно успокаивают свою совесть ничем не заслуженною и потому ложною надеждою на человеколюбие Божие: «Скверный недуг сей, – говорил святой Лествичник, – ограждаясь Божиим человеколюбием, делается весьма приятным для сластолюбцев»^[30]. Для освобождения от этого недуга довольно убедиться в той несомненной истине, что Бог сколько милосерд, столько же и правосуден, милосерд к искренне кающимся и правосуден к нераскаянным грешникам, и потому всем и каждому необходимо покаяние. «Не верь тому, – предостерегает преподобный Иоанн, – кто, по падении твоём, говорит тебе о легких проступках: лучше бы не делать тебе того; сие же ничего не значит»^[31]. «Нам, которые впали в ров беззаконий, невозможно быть извлеченными из оногo, если не погрузимся в бездну смирения кающегося»^[32]. «Принеси от души покаяние, – говорит святой Ефрем Сирий, – и несколько слез урани на уязвляющий тебя грех, и – пагубная язва совершенно будет заживлена на членах твоих. Но если один обычай ведет тебя к Врачу, то не получишь здравия. *Слезам только и сокрушением* врачуется болезнь твоя»^[33].

6. Легкость покаяния ввергает нерадивых в другую крайность: они постоянно отлагают

покаяние.

Против этого обольщения святые отцы внушают страх внезапной смерти. «Не сокрыто ли от тебя, – говорит преподобный Ефрем, – когда придет и постигнет тебя конец? Но очищение от грехов можешь получить тотчас, если только будешь молить о сем»^[34].

«Притом, – замечает святой Иоанн Лествичник, – пока язва еще нова и горяча, легко она исцеляется; застарелые же, оставленные в небрежении и запущенные язвы нелегко врачуются, и для заживления своего здесь требуют многих трудов, резаний, присыпаний и прижиганий. Многие язвы от времени делаются неисцеленными: у Бога же вся возможна (Мф. 19: 26)^[35]. Чем позднее покаяние, тем оно тягостнее. «Для уврачевания глубоких ран, – говорит святой Исидор Пелусиот, – необходимы труды, посты, бдения, милостыни, молитвы и другие подобные добродетели. Хотя согрешившая душа может и опять возвратить себе первобытную красоту, но она не иначе достигнет сего, как путем бесчисленных трудов, скорбей и мучений»^[36].

Признаки истинного покаяния

Так как покаяние, обыкновенно, выражается внешними благочестивыми действиями, то кающийся, взирая с пристрастием на свои внешние подвиги, легко может обольстить себя мнимым исправлением жизни, заключив всю силу истинного раскаяния в разнообразии телесных благочестивых подвигов. Поэтому святые отцы представляют неложные признаки искреннего, нелицемерного, *нераскаянного покаяния*.

«Что значит раскаяться в грехах?» – спросил один брат авву Пимена. «Не делать более греха, – отвечал великий старец. – Праведники потому и названы непорочными, что они оставили грехи и сделались праведными»^[37]. Итак, первый признак истинного раскаяния – не делать именно тех грехов, в которых приносится покаяние.

2. Но оставить только прежние пристрастия и пороки еще не достаточно для истинно кающегося христианина: *Принесите убо плод достоин покаяния*, – вызвал к обратившимся грешникам великий учитель покаяния Предтеча (Мф. 3: 7). «Какие же достойные плоды покаяния? «Это, – отвечает Василий Великий, – *дела правды, противоположные греху*, которые должен плодоносить кающийся, исполняя сказанное: *Во всяком дела блази плодоносяще* (Кол. 1: 10)»^[38].

А преподобный Кассиан подробно исчисляет, какими именно положительными добродетелями раскаявшийся грешник должен выражать искренность своего покаяния: «Грехи заглаждать можно, – говорит святой отец, – многими делами покаяния: ибо вечное спасение обещается не одному раскаянию, как это видно из слов апостола Петра: *Покайтесь и обратитесь, да очиститесь от грех ваших* (Деян. 3: 19), Иоанна Крестителя и слов Самого Господа: *покайтесь, приближи бо ся Царствие Небесное* (Мф. 3: 2); но еще любовь покрывает множество грехов, через милостыню врачуются язвы души нашей, потому что, как вода утушает огонь, так милостыня изглаждает грех; и слезы омывают грехи, ибо Давид, сказав: *Измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6: 7), – далее говорит, что он не напрасно пролил их: *Отступите от мене еси делающие беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего* (Пс. 6: 9). Также уничтожаю грехи исповедание их: *Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Пс. 43: 26), – скорбь душевная и телесная: *Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24: 8), – особенно исправление нравов наших: *Отымите лукавства от душ ваших, научитесь добро творити, взыщете суда, избавите обидимого, судите сиру, и оправдате вдовицу, и приидите, и истязимся, и, аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю, аще же будут яко червленое, яко волну убелю* (Ис. 1: 16–18) – и иногда молитвы святых, аще кто узрит брата своего согрешающа, грех не к смерти, да просит, и даст ему живот (I Ин. 5: 16); или болит ли кто из вас, да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним... И молитва веры спасет болящего, и, аще грехи сотворил есть, отпустятся ему (Иак. 5: 14–15); иногда дела милосердия и веры: милостынями и верой очищаются грехи (Притч. 15: 27); содействие обращению и спасению других: обративый грешника от заблуждения пути его спасет душу от смерти и покрывает множество грехов (Иак. 5: 2); прощение другим обид, нанесенных ими нам: *Аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6: 14). Итак, вот сколькими путями можно заслужить милосердие Создателя»^[39]. При выборе этих прямых путей, ведущих ко спасению, нужно твердо помнить вышеприведенное замечание Василия Великого, что от кающегося грешника требуются не

иные какие добродетели, а именно *противоположные его прежним закоренелым порокам*: так от сластолюбца и развратного – пост и целомудрие, от скупого – милостыня, от гордого – смирение, от гневливого – кротость и т. д.

3. «Признак приносящего твердое покаяние, – говорит преподобный Ефрем, – есть образ жизни собранный и суровый, отложение кичливости, самомнения, а также очи и ум, всегда устремление к вожделенному Иисусу Христу, с желанием, по благодати Христовой, стать новым человеком... Если ты постишься и безумно смеешься, то легко тебя запнуть. Если на молитве плачешь, а в обществе ведешь себя по-мирскому, то скоро уловят тебя в сети. Если при целомудренном поведении ты беспечен, то не умедишь пасть. Покаяние приносить должно от всего сердца. Кающийся обязан быть постоянно одним и тем же, а именно – всегда быть тем, чем начал... Ты и на торжище будь таким же, каков в Церкви, также точен в делах, в помыслах, в поступках, в словах, как точен в исповеди»^[40].

4. «Признак попечительного покаяния, – говорит святой Лествичник, – есть признание себя достойным всех приключаящихся видимых и невидимых скорбей, и даже больших»^[41]. «Уязвляемые обличениями, – возбуждает преподобный Иоанн, – будем содержать в памяти грехи свои, пока Господь, видя усилие в нас, усильных искателях Его, изгладит грехи наши, и уязвляющую сердце наше скорбь превратит в радость. Ибо сказано: *По множеству болезней моих в сердце моем, в такой же мере утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93: 19). Во время свое не забудем того, кто говорит ко Господу: *Елики явил ми еси скорби многи и злы: и обращаея оживотворил мя еси* (Пс. 70: 20)»^[42].

5. Яснейшим признаком искреннего раскаяния святые отцы поставляют ежедневный плач и притом более и более разгорающийся. «Кто действительно даст отчет в делах своих, – говорит святой Лествичник, – тот почитает потерянным всякий день, в который не плачет, хотя бы и сделал в оный сколько-нибудь доброго»^[43]. «А кто плачет о себе, тот не станет узнавать о плаче, или падении, или укоризне другого. Пес, пойманный зверем, тем более ярится на него, до остервенения раздражаемый болью в язве»^[44].

6. Вот как изображает святой Лествичник вообще состояние истинно кающихся: «Увидишь ли у них появление смеха? Или празднословие? Или раздражительность? Или гнев? Они уже и не думают, что есть гнев у людей, потому что слезами вконец истреблена в них раздражительность. Увидишь ли у них споры? Или празднословие? Или свободу в речах? Или попечение о теле?

Или след тщеславия? Или даже чаяние утех? Или помышление о вине? Или вкушение плодов? Или употребление горнца? Или услаждение гортани? Даже чаяние всего этого угасло в них еще в нынешнем веке. Увидишь ли у них попечение о чем-нибудь земном? Или осуждение какого-нибудь человек? – Никак»^[45].

Удостоверение в принятии Богом покаяния и в отпущении грехов

«Никто из плачущих да не питает себя надеждою, – предостерегает святой Лествичник, – что при исходе своем получит удостоверение: ибо неизвестное не твердо. Ослаби ми удостоверением да *почию прежде, даже не отыду* отсюда не удостоверенный»^[46]. Поэтому кающийся еще к продолжению подвига покаяния должен усиленно искать удостоверения в разрешении своих грехов и тщательно испытывать в духовной своей жизни достовернейшие признаки отпущения грехов, указываемые святыми отцами.

1. Первый признак оставления прежних грехов есть не только уклонение от них на самом деле, но и непрерывное противоборство по желаниям их, соединенное со страхом и трепетом, чтобы опять не впасть под власть греха и сатаны. «Покаяние от греха, – говорит Великий Варсануфий, – есть же не ктому творити сего: и еже огребатися от злых оставление есть их. Да не оскорбят тя прежняя!.. И аще веруеши тако, присно трепещеши – еже не согрешати, да не отпадеша освящения»^[47]. Таковой рабский страх, соединенный, впрочем, с благонадежным дерзновением к милости Божией, святой Афанасий Великий объясняет подобием: «Какое отношение находится между господином и рабом, такое же между Господом и совестью человека.

Таким образом, как преступный раб из телодвижений и слов господина своего узнает, что он лишился благоволения его, коим пользовался прежде преступления воли его, так и человек согрешивший теряет дерзновение к Богу, которое совесть его имела в молитве; когда же грешник покается, как должно, то Бог паки дарует ему дерзновение, которое имел он прежде падения; и отсюда-то узнает человек, что Бог простил ему согрешения»^[48]. Еще яснее изображает такое претрепетное состояние духа преподобный Исаия-отшельник: «Если сердце твое ненавидит грех и отвращается всего того, что представляет повод ко греху, и ты, с благоразумием употребив насилие, удалишься от того, что увлекает тебя ко греху, и от души будешь молить Творца своего, чтобы Он помог тебе ни в чем не прогневлять Его, и, простершись перед Ним, будешь со многими слезами просить так: «Твое есть Господи, еже миловать; избави мя, Господи, от врагов моих: ибо я так немощен, что без помощи Твоей не могу избежать рук их». Если ты таким образом молишься, тщательно стараясь не огорчать руководствующих тебя к Богу, то это происходит от естества Нового Адама, Иисуса Христа»^[49].

2. Живейшее чувство своей греховности и соединенное с ним непрерывное сокрушение или печаль, *яже по Бозе, наше покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7: 10). «Будем внимательны к тому, – говорит святой Лествичник, – чтобы совесть не перестала обличать нас, не вследствие чистоты, но как бы приведенная в изнеможение нашими грехами. Признак разрушения нашего в грехопадении – всегдашнее признание себя должниками Богу»^[50].

«Когда ум отрешится от всякой надежды на видимое в мире сем, – говорит святой Исаия-отшельник, – тогда сие будет признаком того, что грех в тебе умер. Когда ум отрешится, тогда и преграда, которая находилась между им и Богом, уничтожится»^[51].

3. Испытав на себе пагубные следствия пороков и в свете правды и святости Божией увидев всю мерзость их перед Богом, раскаявшийся исполняется непримиримой

ненависти и омерзения ко греху. Такое расположение души служит признаком примирения ее с Богом. «Когда же душа несомненно удостоверяется, что Бог отпустил ей грехи?» – вопрошает Василий Великий и отвечает: «Если усмотрит себя в расположении сказавшего: *неправду возненавидех и омерзих* (Пс. 118: 163)»^[52]. «Ежели сердце твое в полной мере возненавидело грех, – утверждает святой Исаия-отшельник, – то оно одержало победу и исторгло себя из числа творящих беззаконие»^[53].

4. Грех – и убитый, и изверженный из глубины души – еще может осквернять душу страстным воспоминанием о нем. Ибо «что мы сделали со страстью, – говорит преподобный Феодор Едесский, – о том и воспоминания владычествуют в душе со страстью. Когда же страстные пожелания совершенно из сердца изглаждаются, так что не будут и приражаться к нему, то это служит знаком отпущения прежних грехов. Ибо доколе душа возбуждается страстями, дотоле оказывается в ней владычество греха»^[54].

5. Признаком совершенного очищения от грехов преподобный Кассиан поставляет изглаждение из памяти даже образов и представлений их. «Надобно помнить, – говорит он, – что тот еще не разрешен от прежних грехов, кто во время покаяния и удовлетворения за них представляет себе образы их и воспоминает об них. Ибо из сего следует, что тогда должно почитать себя разрешенным и прощенным в прежних грехах, когда сердце и воображение уже не обольщаются ими. Итак, в совести нашей есть неложный свидетель, который еще прежде суда уверяет нас об окончании покаяния и даровании нам прощения. Кратко сказать, в том, что нам прощены прежние грехопадения, должно нас уверять то, если истреблены из сердец наших память об них и пристрастие к настоящим удовольствиям»^[55].

6. Глубокое смирение и ощутительное влияние Духа Святого в смиренномудреной душе служат живейшим залогом вечной свободы ее от рабства греховного и печатью небесного сыноположения! «Где Дух Господень, – свидетельствует святой Иоанн Лествичник, – там узы разрешены; где несравненное смирение, там узы также разрешены. А в ком нет сих двух удостоверений, те пусть не обольщают себя, они еще связаны»^[56]. «Христианин грешен, – говорит преподобный Симеон, – раскаявшись о прежнем злепожитии своем, и к богоугодному житию не прилагайся, аще не увести в себе радости и веселия к божественным собраниям, и священнодействиям из глубины сердца, и молитвам, и таково усердие и внимание, елико и яково имеши к сластям и житейской злобе, не показывает, но, яко трудяся и отягчаяйся, обретается, и насилие, якоже речи, мня терпи невольню, и мучительство – то да не мнит таковой, яко освободился есть от руки диавола, но да весть, яко под лукавым мучителем мысленно еще удержан есть. Егда убо увести себе с радостью и усердием молящася и поюща, и ненавидяща мыслию вся настоящего жития и сладкая, и честная – тогда да известится, яко под Царствием бысть Христовым. Сие знамение есть явно избавления и свободы, о нейже глаголет апостол: *Свободою убо, еюже Христос нас свободы, стойте* (Гал. 5: 1)»^[57].

Высота подвига покаяния

По учению святых отцов, истинное покаяние грешника имеет великую заслугу в очах Божиих.

1. «Покаяние есть Божия трапеза, – учит преподобный Ефрем, – потому что через него вкушает Бог спасение человеческое. И Спаситель говорит: *Мое брашно есть, да сотворю волю пославшего Мя, и совершу дела Его* (Ин. 4: 34). Итак, покаяние есть чудный хлеб Божий: Бог вкушает в нем исповедание совести, Он пьет в покаянии слезы умиления, в нем услаждается благоуханною воней – искренним чувством воздыханий, потому что он для Бога как благоухающее вино. Вот многообразные брашна Божии: воздержание, пост, бдение, прилежная молитва, покорность со смирением; ибо сие благоугоднее Богу других жертв. Покаяние многообразно и потому творит различные предложения Богу. Оно питает Бога хвалою и также исповеданием; питает Его воздержанием, благочестием и подвижничеством; питает Его различными милостынями... Хотя все (добродетели) питают Бога, но всех более празднует Богу покаяние: ибо и Евангелие говорит, что Бог радуется более *о едином грешнике кающемся, нежели о девяти-десятих и девяти праведник* (Лк. 15: 7). Покаяние праздник творит Богу, потому что и небо призывает на пир. Ангелы радуются, когда покаяние приглашает их на вечерю. Все небесные чины пируют, возбуждаемые к веселию покаянием. Не тельцов, не овец закаляет для них покаяние, но предлагает для радования спасение людей грешных»^[58]. 2. Покаяние не только усваивает и возгревает благодать, дарованную в крещении, но и открывает оную в деятельной жизни, и приемлет свыше ощутимое для души освящение. «Посредством святого крещения, – говорит преподобный Симеон, – мы получаем прощение грехов, и освобождаемся от прежнего проклятия, и освящаемся присутствием Святого Духа; но совершенную благодать, о которой сказано в сих словах: *Вселюся в них и буду ходить* (2 Кор. 6: 16), – не тогда мы получаем. Сие принадлежит только твердым в вере и доказывающим ее на делах. Если после крещения мы предадимся худым и постыдным делам, то вовсе теряем сие освящение. Но покаянием, исповедью и слезами, по мере их, получаем прощение в прежних грехах, а вместе с тем освящение и благодать свыше»^[59].

3. Покаяние, вполне достигшее своей цели, то есть отпущения всех прежних грехов, низводит в душу Святого Духа Божия, и в Нем принимает залог вечного спасения о Христе Иисусе. «Покаянием, – продолжает преподобный Симеон, – омывается скверна пороков, и потом сообщается Дух Святой, однако не просто, но по мере веры, расположения и смирения кающихся от всей души, и притом тогда, когда они получают совершенное прощение грехов от отца и восприемника... И благодать Всесвятого Духа уневествившимся Христу душам дается, как залог обручения. И как без обручения невеста не уверена, что она сочетается некогда с женихом, так и душа не имеет еще твердой уверенности, что она вовеки будет жить с Господом своим и Богом, и сочетается с Ним таинственно и неизреченно, и узрит неприступную красоту Его, если не примет залога благодати Его и не ощутит Его в самой себе»^[60].

О памятовании смерти, Страшного суда по смерти и адских мучений

Во всех словесех (занятиях) твоих – поминая последняя твоя – и вовеки не согрешишь.

Сир. 7: 39

Святая Церковь, готовя чад своих к искреннему и истинному покаянию во дни святой Четыредесятницы, учредила в преддверии Великого поста – в неделю мясопустную – всенародное воспоминание Страшного суда Христова^[61], как сильнейшее средство к обузданию и отрезвлению самых нерадивых и беззаботных грешников: учреждение Православной Церкви – богомудрое и многоплодное в деятельном христианском благочестии! Тысячелетние опыты бесчисленных подвижников христианства доказали и доказывают ежедневно, что без живой веры в будущую загробную жизнь, – без мысли о праведном воздаянии на Страшном суде Христовом, невозможно никакое раскаяние в грехах. Истинное, безвозвратное – *нераскаянное покаяние*, которое только одно, по учению апостола Павла, может обратиться во спасение грешника (2 Кор. 7: 10), можно сказать – и начинается, и возрастает, и венчается неотразимой мыслью и живейшим чувствованием будущей участи грешника. Без сей благодатной мысли не только не может начаться и совершиться истинное покаяние, как продолжительный и многотрудный подвиг, но даже не может быть произведено никакое частное добро – в чистом виде, без всякой примеси житейских выгод. «Первая мысль, – говорит преподобный Исаак Сирин, – которая, по Божию человеколюбию, входит в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За сим помыслом, естественно, следует пренебрежение к миру, и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. И как бы основание, какое полагает в человеке сопутствующая ему божественная сила, когда восхощет обнаружить в нем жизнь. И если человек эту сказанную нами мысль не угасит в себе житейскими связями и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии, и остановится на ней созерцанием, и займется ею, то она поведет человека к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом»^[62]. В сем-то последнем знаменовании памятование смерти и Страшного суда Христова составляет одно из самых сильнейших средств к преуспеянию в деятельном христианском благочестии.

В чем состоит подвиг памятования смерти

Под именем *памятования смерти* святые отцы понимают не частную *мысль о смерти* и ее последствиях, мысль, которая нередко тревожит всякого грешника и от которой он старается как можно скорее избавиться; не разумеется даже и несомненная *уверенность в смерти*, как в неизбежной участи всякого человека, уверенность холодного ума, смотрящего на все в отвлечении – как бы вдали, не касающейся до него; не разумеется, наконец, и самое *чаяние близкой смерти*, наводящее ужас на нашего телесного человека. Нет! Под этим отцы Церкви понимают *особенное духовное созерцание*, которое удобнее чувствовать по спасительным его действиям на душу, нежели определить и выразить словами. «Будем разуметь это, – говорит преподобный Исаак, – не о том первом помысле, который напоминанием своим возбуждает в нас память смертную, но о полноте сего дела, когда возлагает оно в человека неотлучную память о смерти, когда помышлением о ней человек поставляется в состояние *непрестанного удивления*. Первый помысел есть нечто телесное, а сей последний есть *духовное созерцание* и дивная благодать. Сие созерцание облечено светлыми мыслями. И кто имеет оное, тот не входит более в разыскания о сем мире и не привязан к своему телу»^[63].

Вследствие такого *чудного созерцания* загробной участи своей, пришедший уже в чувство раскаяния, но тем еще живее сознающий себя совершенно непотребным христианин в духе веры ежедневно приносит в жертву Богу Спасителю всю свою жизнь. «Памятование смерти, – говорит святой Лествичник, – есть ежедневная смерть, и памятование своего изшествия есть ежечасное воздыхание»^[64]. Вот в чем сущность этого высокого подвига!

Необходимость сего подвига для нравственного совершенства

Преподобный Исаак сказал в вышеприведенном месте, что никакое доброе движение не может родиться в душе без мысли о смерти, что эта мысль есть некая благодатная сила, и возбуждающая, и поддерживающая человека в трудных подвигах добродетели, и что она возносит человека над всем тленным и переходящим – на такую высоту, где он живо ощущает в душе своей веяние уже будущей вечной жизни. После такого высокого значения *памятования смерти* в нравственной жизни человека, «некоторые недоумевают, – говорит святой Лествичник, – и спрашивают: почему, когда памятование смерти так благотворно для нас, Бог скрыл от нас предведение смертного часа? Но они не знают, что Бог дивно устрояет сим наше спасение». Тем-то именно и спасительна мысль о смерти, что ни время, ни обстоятельства, ни свойства, ни последствия нашей смерти нам неизвестны; и в таком виде непрестанное памятование смерти не только весьма благотворно, но и крайне необходимо в истинно благочестивой жизни. «Как хлеб, – говорит святой Лествичник, – необходимее всякой другой пищи, так мысль о смерти нужнее всякого другого делания»^[65]. «Невозможно, говорят, невозможно провести настоящий день благочестно, если не почитаем его последним днем всей жизни. И, подлинно, удивительно, что даже язычники говорили нечто подобное, ибо так определяли любомудрие: «Оно есть размышление о смерти»^[66].

От чего рождается и чем поддерживается памятование смерти

«Боязнь смерти, – говорит святой Лествичник, – есть свойство, полученное естеством нашим вследствие преслушания, а трепет смертный есть признак неочищенных покаянием грехопадений. И Христос обнаруживает в Себе (Мф. 26: 37) боязнь смерти, но не трепещет оной, чтобы ясно показать в Себе свойство двух естеств»^[67]. Поэтому весь нравственный подвиг наш должен состоять в том, чтобы постоянно устремлять внимание на страшную мысль о смерти, мысль, которая, можно сказать, ежедневно и против нашей воли напоминает нам о себе. Мы должны употреблять всевозможные средства не к тому, чтобы удалить от себя эту неприятную мысль, но чтобы удержать ее, свыкнуться с нею или, лучше, всецело *проникнуться ею*. Для этого святые отцы советуют употреблять следующие средства:

1. «Памятование смерти, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – в живущих вкупе порождает труды и размышления, более же – сладость бесчестия, а в удалившихся от всякой молвы – отложение забот, непрестанную молитву и хранение ума. Но сии же самые добродетели и рожают памятование смерти, и рождаются от него»^[68]. Еще подробнее, но тоже в общих чертах, изображает он занятия ума, утверждающего в себе мысль о смерти: «Много деланий деятельному уму, разумею же помышления о любви к Богу, о памятовании смерти, о памятовании Бога, о памятовании Царства, о ревности святых мучеников, о памятовании вездеприсутствия Божия, по слову сказавшего: *Предзрех Господа* (Пс. 15: 8), – о памятовании святых и умных Сил, о памятовании своего исхода, предстоящей встречи, мучения и вечного осуждения. Так начали мы с высокого и заключили тем, что делает безопасным от падения»^[69].

2. Действительнейшими средствами к поддержанию мысли о смерти отцы Церкви признают *строгое уединение, пост и молитву*. «Благодать сия, – говорит преподобный Исаак, – возрастает в отшельнической и уединенной храмине. Ее-то будем испрашивать в молитвах, ради нее будем совершать долгие бдения и со слезами станем умолять Господа, чтобы подал благодать сию, как ни с чем не сравнимую»^[70]. «Но бесчувственность сердца, – замечает святой Лествичник, – ослепляет ум, а множество яств иссушает источники слез. Жажда и бдение производят скорбь в сердце, из скорбящего же сердца истекают воды»^[71].

3. Вот какие мысли внушает беззаботным грешникам преподобный Ефрем при представлении неизбежного смертного часа: «Размыслим, братия, что человек *суете уподобися* (Пс. 134: 4), *дни его, яко цвет селъный* (Пс. 102: 15), прейдут в одно мгновение времени, и все минуется. Для чего напрасно мятешься, человек? Одно приражение горячки прекратит твои плясания и скакания! Один час разлучит тебя с пляшущими вместе с тобою. Одна ночь, и увянут плоти твои, остановятся ноги твои, текущие на зло, расслабят руки твои, померкнут глаза, язык внезапно придет в безмолвие, оскудеет у тебя внезапно голос, умножатся твои воздыхания, потекут у тебя бесполезные слезы, расстроятся мысли твои, и – никто не будет в состоянии помочь тебе. Ты бесславил и бесчестил Бога, и все, оставив тебя, пойдут прочь, и никто не останется при тебе, кроме невидимых бесов, которым ты угождал. Посланный же неумолимый ангел, стоя вдали с потупленным взором, будет ожидать Владычного мановения, чтобы, исхитив бедную

душу твою, отвести ее в уготованное ей место, где пожнет, что посеяла, – где произрастают, изобилуют и даже преизбыточествуют плач, скорбь, теснота, скрежет зубов и горе. Для чего напрасно мятешься, несчастный? Там померкнут очи упивающихся; там увянут плоти пляшущих; там будут мучиться и взалчут пьющие вино с гуслями и свирелями; там с великою скорбью будут плакать, скрежетать зубами и бить себя по лицу блудники, прелюбодеи, тати, человекоубийцы, прорицатели, отравители, чародеи, обманщики, мужеложцы, деторастлители, хищники, кровопийцы. Все они, и, подобно им, до конца нераскаянно согрешающие и идущие путем широким и пространном, который ведет в пагубу, без сомнения, найдут себе там пристойное жилище. Ибо невозможно и здесь плясать с бесами, и там веселиться с ангелами, как сказал Господь:

Горе смеющимся ныне, яко восплачете и возрыдаете там (Лк. 6: 25)^[72].

4. Мысль о роковой минуте смерти наводит невольный страх на грехолюбивую душу, но представление Страшного суда по смерти приводит в трепет и душу, и тело. «Пойди, – советовал одному брату преподобный Аммон, – имей такие мысли, какие имеют преступники, находясь в тюрьме. Они всегда спрашивают других: где судья? Когда он придет? И плачут от ожидания. Так должен и всякий христианин непрестанно внимать и обличать душу свою, говоря: «Увы мне! Как я предстану на суд Христов, и чем буду оправдываться перед Ним?»^[73]. «Какой увидим мы страх, трепет и какую нужду, – восклицает преподобный Феофил, – когда душа будет разлучаться с телом!.. Тогда придут к нам сильное воинство противных сил, князья тьмы, злобные миродержители, начальства, власти, духи злобы и некоторым образом по праву овладеют душою, представляя ей все грехи, сделанные в ведении и неведении, от юности до конца жизни. Предстанут ей и обличат все дела ее. Кроме того, каким, ты думаешь, трепетом объята бывает душа в то время, доколе не произнесется над нею приговор, и не совершится ее освобождение? Это есть время тесноты ее, пока не узнает она, что будет с нею».^[74]

Далее, лицом к лицу с силами противными стоят силы божественные и со своей стороны выставляют благие дела ее. Подумай же, какой трепет и страх мучит душу, находящуюся среди оных сил, пока суд над нею не будет решен праведным Судьею^[75].

5. Наконец, живое представление и как бы предощущение адских мук поражает самую беспечную душу ужасом и исторгает ее из страшных объятий греха, как из челюстей ада. «Отчего я впадаю в беспечность, пребывая в келии моей?» – вопрошает один брат опытного старца. Святой отвечал ему: «Оттого, что ты не узнал еще ни ожидаемого покоя, ни будущего мучения. Ибо если бы достоверно знал это, то хотя бы келья твоя была полна червей, так что ты стоял бы в них по самую шею, ты терпел бы сие не расслабевая». Это чудное предощущение будущих мучений отчасти объясняет преподобный Дорофей следующим образом: «Находясь в теле сем, душа получает облегчение от страстей своих и некоторое утешение: (человек) ест, пьет, беседует, ходит с любезными друзьями своими. Когда выйдет из тела, она остается одна со страстями своими и потому всегда мучится ими; занятая ими, она опалается их мятежом и терзается ими, так что она не может вспомнить Бога... Хотите ли, – продолжает святой отец, – чтобы я объяснил вам примером то, что говорю вам? Пусть кто-нибудь из вас придет, и я затворю его в темную келью, и пускай он, хотя только три дня, не ест, не пьет, не спит, ни с кем-либо не беседует, не поет псалмов, не молится и отнюдь не вспоминает о Боге – и тогда он узнает, что будут в нем делать страсти. Однако он еще здесь находится, но сколько же более, по выходе души из тела, когда она предается страстям и останется одна с ними, потерпит тогда она несчастья? По здешним скорбям вы сможете несколько понять, какова

тамошняя скорбь. Ибо когда у кого-нибудь сделается горячка, то что воспаляет его? Какой огонь или какое вещество производит сие жжение? Не самое ли его худосочное воспаляет его, всегда беспокоит и делает жизнь его прискорбною? Так и страстная душа всегда мучается, несчастная, своим злым навыком, имея всегда горькое воспоминание и томительное впечатление от страстей, которые беспрестанно жгут и опаляют ее. И сверх сего, кто может, братия, вообразить страшные оные места, тела оные мучимые, которые служат душам орудием в таких и стольких страданиях, а сами не истлевают, тот страшный огонь и тьму, тех безжалостных слуг мучителей и другие бесчисленные томления, о которых часто говорится в Божественном Писании и которые соизмеряются злым делам душ и их злым воспоминаниям? Ибо, как праведные, по словам святых, получают некие светлые места и веселие ангельское, соразмерное благим их делам, так и грешники получают места темные и мрачные, полные страха и ужаса. Ибо что страшнее и бедственнее тех мест, в которые посылаются демоны? И что ужаснее муки, на которую они будут осуждены? Однако и грешники будут мучимы с этими самыми демонами, как говорит Христос: *Отойдите в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его*» (Мф. 25: 41)^[76]. «Насколько небо отстоит от земли, – открыл Макарию Великому заключенник ада – языческий жрец, – настолько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Нельзя никому из нас видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. И мы, как незнавшие Бога, еще несколько помилованы, но познавшие Бога и отвергшиеся Его, те под нами!» – Великий старец заплакал и сказал: «Несчастный день, в который родился человек!»...^[77] «А еще страшнее то, о чем говорит святой Иоанн Златоуст, – продолжает преподобный Дорофей, – если бы и текла река огненная, и не предстояли страшные ангелы, но только бы призывались все человеки на суд, и одни, получая похвалу, прославлялись бы, другие же отсылались бы с бесчестьем, чтобы не видеть им славы Божией, то наказание оным стыдом, и бесчестьем, и скорбь от отпадения от толиких благ не были бы ужаснее всякой геенны»^[78]. «Душа, – заключает преподобный Феофил, – застигнутая в беспечной жизни, услышит оный ужасный глас: *Да возмется нечестивый, да не видит славы Господней* (Ис. 26: 10)! Тогда постигнет ее день гнева, день скорби, день тьмы и мрака. Преданная во тьму кромешную и осужденная на вечный огонь, она будет терпеть наказание в бесконечные веки!»^[79]

6. Как ни поразительны мрачные картины *лютной смерти грешника*, грозного суда за гробом и особенно вечных гееннских мучений, но сами по себе они не могут тронуть и умягчить каменного ожесточенного сердца нашего. Один Бог может отнять сердце каменное от плоти нашей и дать нам сердце плотяно (Иез. 26: 26). «Удостоверим себя, – говорит святой Лествичник, – что *памятование смерти*, как и все другие блага, есть *дар Божий*, потому что, часто бывая у самых гробов, не имеем у себя слез, и остаемся нечувствительными, и неоднократно также, не имея перед собою такого зрелища, приходим в сокрушение»^[80]. «Эта благодать, – уверяет преподобный Исаак, – дается находящимся на средней степени (нравственного совершенства) и в правоте сердца желающим покаяния, дается же именно тем, о коих известно Богу, что им действительно подобает удалиться от мира сего к лучшей жизни по благой Его воле, какую обрел и в них»^[81]. Посему вернейшее и, можно сказать, единственно верное средство к получению сей ни с чем не сравнимой благодати есть постоянная и усиленная о том молитва к Богу – Сердцеведцу.

Искушения тем, которые стараются утвердить в уме своем памятование смерти

«Сатана ненавидит сей помысел (т. е. памятование смерти), – говорит преподобный Исаак Сирий, – и всеми своими силами нападает, чтобы истребить его в человеке: ибо знает, коварный, что, если помысел сей пребывает в человеке, то ум его стоит уже не на этой земле обольщения, и козни его к человеку не приближаются»^[82].

1. Так как памятование смерти в действии своем есть не что иное, как непрерывное устремление внимания ума и с ним всех сил души к будущей вечной жизни, то цель всех усилий искушителя состоит в том, чтобы развлечь внимание подвижника Христова и направить оное к заботам житейским или рассеять по суетным предметам настоящего мира. «И потому, – говорит преподобный Исаак, – если бы можно было, сатана отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковой помысел. И если мог, как сказано, – подтверждает святой отец, – то сделал бы это охотно»^[83]. Следовательно, христианин должен твердо помнить, что при развлечениях и заботах решительно невозможно сохранить непрестанную память о смерти. «Кто намеревается навсегда удержать в себе памятование смерти и суда Божия, – говорит святой Лествичник, – а, между тем, предается заботам и вещественным развлечениям, тот подобен плывущему человеку, который в то же время хочет хлопать руками»^[84].

2. Привязанность к чему бы то ни было в мире подает искушителю повод занимать мысль подвижника благочестия не загробного, а настоящей жизнью. «Кто умер для всего, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – тот помнит о смерти; а кто еще привязан к миру, тот не перестает злоумышлять сам против себя»^[85].

3. Враг сражается с нами *и шуими, и десными* оружиями: не успев развлечь внимание подвижника суетными мирскими заботами, он внушает ему заботливую, по-видимому богоугодную попечительность о всяком брате во Христе, старается рассеять его внимание в многочисленных выражениях братской любви и услужливости. «Не желай, – предостерегает святой Лествичник, – всех уверить словами любви твоей к ним, а лучше проси Бога, чтобы неведомым образом показал им любовь твою. Иначе же не достанет у тебя времени на объяснения с людьми и на сокрушения»^[86].

4. Обыкновенная, но – к нашему несчастью – очень нередко удачная хитрость коварного искушителя состоит в том, что он всеми мерами убеждает подвижника в крепости его здоровья и в благонадежном продолжении земной его жизни и заставляет все на дальше и дальше отлагать заботу о своем исходе, внушая в то же время, что усиленными подвигами еще можно будет с избытком восполнить утраченное время. «Не обманывай себя, безрассудный деятель, – убеждает преподобный Иоанн, – будто бы можно одно время заменить другим; ибо ни один день не достаточен к тому, чтобы собственный его долг вполне воздать Владыке»^[87].

5. Памятование о смерти, особенно в начале и середине этого подвига, весьма прискорбно для нашего ветхого человека, которого оно как бы непрестанно закаляет. «Постоянное развлечение мыслей, нам усвоившееся, и мрачное забвение непрестанно похищают мысль о смерти у начинающих трудиться о частом воспоминании ее. Когда же, познав эту кознь невидимых врагов, мы удержимся в спасительном подвиге, тогда увидим в себе новую против него брань – помыслы сомнения в действительности и пользе

подвига, помыслы, насмешки и хулы, именующие его странным, глупым и смешным – помыслы *ложного смирения*, советующие нам не отделяться от прочих людей поведением нашим. Если, по великой милости Божией, победится и эта брань, самый страх мучительный, производимый живым воспоминанием и представлением смерти, как бы *предоущущением* ее, сначала необыкновенно тяжел для нашего *ветхого человека*: он приводит в ужас ум и воображение, холодный трепет пробегает по телу, потрясает, расслабляет его; сердце томится невыносимою тоскою, сопряженною с безнадежием...»^[88] Не должно отвергать этого состояния, не должно опасаться от него пагубных последствий. «Всякому начинающему жить по Богу, – говорит святой Симеон Новый Богослов, – полезен страх муки, и рождается от него болезнь. Мечтающий положить начало без такой болезни и уз не только полагает основание на песке своих деяний, но и подобен покушающемуся построить храмину на воздухе, вовсе без основания, что невозможно. От этой болезни (страха и трепета смерти) вскоре рождается всякая радость; этими узами растерзываются узы всех согрешений и страстей; этот мучитель бывает причиною не смерти, но жизни вечной»^[89]. Тяжесть всех внутренних скорбей подает искустителю повод отвлечь подвижника от сего святого и многоплодного занятия: при таких обстоятельствах невидимый враг напоминает подвижнику великую любовь Божию к людям, которая не требует от них каких-либо мучительных жертв. «Потому, – предостерегает святой Лествичник, – когда плачешь о грехах, никак не допускай до себя оного пса (т. е. диавола), который внушает тебе, что Бог человеколюбив! (Мысль сия тогда только полезна тебе, когда видишь себя увлекаемым в глубокое отчаяние.) Ибо у врага то намерение, чтобы не было у тебя ни этих слез, ни сего не страшного страха»^[90].

Признаки надлежащего памятования смерти

По причине необыкновенной многоплодности и высоты сего святого подвига диавол употребляет всевозможные и неисчислимы коварства для отклонения от него; с другой стороны – и сами упражняющиеся в подвиге памятования смерти легко могут обольщать себя, оценивая совершенно неверно свое духовное состояние. Ибо «не всякое вожделение смерти, – говорит святой Лествичник, – должно признать добрым. Иные, непрестанно греша по силе привычки, со смирением молят себе смерти. Иные же намерены покаяться и призывают смерть от отчаяния. А иные, по самомнению, почитают себя бесстрастными и не боятся смерти. Наконец, иные, ежели только найдутся ныне такие, по действию Духа Святого, желают своего переселения»^[91]. Поэтому нужно хорошо различать *верные признаки благодатного памятования смерти*.

1. «Верный признак, – говорит святой Лествичник, – в глубине сердца памятующих о смерти – добровольное беспристрастие ко всякой твари и совершенное оставление собственной своей воли»^[92].

2. Обыкновенное живое представление смерти, – как говорит преподобный Исаак Сирий, – «есть нечто телесное» и потому возбуждает мучительный страх за тело; а благодатное памятование смерти – «есть духовное созерцание и дивная благодать. Сие созерцание облечено светлыми мыслями»^[93]. «Страх за тело, – объясняет в другом месте святой отец, – бывает в людях столько силен, что вследствие одного нередко остаются они не способными совершить что-либо достославное и досточестное. И когда на страх за тело проникает *страх за душу*, тогда страх телесный изнемогает пред страхом душевным, как воск от силы пожигающего его огня»^[94].

3. «Рассказывал мне однажды один египетский монах, – повествует святой Лествичник, – «по утверждении памятования смерти в глубине сердца моего, когда по встретившейся нужде хотел я доставить малое утешение брению, памятование сие, как судия, возбраняло мне. И что удивительно: когда намеревался отдалить от себя мысль о смерти, никак не мог сего сделать»^[95]. А преподобный Исаак вообще замечает: «Кто имеет памятование о смерти, тот не входит более в рыскания о сем мире и не привязан к своему телу»^[96].

4. «Благоискусен и тот, – говорит святой Лествичник, – кто ежедневно с несомненностью ожидает смерти; но свят, кто ежечасно желает ее»^[97].

5. «Как, по определению отцов, совершенная любовь не падет, так и я утверждаю, – говорит Иоанн Лествичник, – что совершенное ощущение смерти не страшно»^[98].

6. Наконец, нужно заметить, что все вышеозначенные признаки необходимы для начинающих сей подвиг, дабы они не впали в самообольщение; а те облагодатствованные души, в коих Дух Святой Сам производит памятование смерти, по некоему особому чувству, не только ясно сознают, но и живо ощущают различие между истиной и обольщением. «Как олово явственно отличается от серебра, хотя и сходно с ним по виду, так, – уверяет святой Лествичник, – для рассудительных очевидно и ясно различие между естественною и сверхъестественною боязнью смерти»^[99].

Различные степени в подвиге памятования смерти и адских мучений

Подвиг памятования смерти начинается мыслью о будущей загробной участи, мыслью хотя бы, по-видимому, и случайною, но которая с тех пор является неслучайною и небесплодною, как скоро поражает душу страхом. Это еще страх души за тело – боязнь неожиданно умереть и потом (кто знает?), может быть, погибнуть на веки!.. Из таких размышлений, если они скоро не изгладятся из души развлечением и житейскими заботами, рождается *спасительный страх* за душу. «Я объясню тебе, – говорит Василий Великий, – *страх спасительный*, страх, которым доставляется святость, страх, который является в душе от научения, а не от впечатлений извне. Когда увидишь, что ты влечешься к какому-либо греху, тогда, умоляю тебя, помысли о страшном и невыносимом судилище Христовом, при котором Судья воссядет на высоком и превознесенном престоле, и вся тварь предстоит Ему в трепете, производимом славою Его явления. Каждый из нас (это непременно последует!) будет приведен перед Него, и деятельность жизни каждого из нас подвергнется рассмотрению. После этого к тем, которые совершили во время жизни много зла, приступят некие страшные, угрюмые ангелы, испускающие огонь из очей своих, огнем дышащие, лицом подобные ноци, по выражению их жестокости и ненависти к человекам. После этого вообрази себе глубокую пропасть, непроницаемую тьму, огонь, лишенный сияния, имеющий силу жечь во мраке; далее – особенную породу червей ядовитых и плотоядных, едящих ненасытно и никогда не наедающихся досыта, производящих угрызениями нестерпимые болезни; наконец – наказание, тягчайшее всех, проклятие и отвержение *вечных*... Этого страшись! Научаемый этим страхом, удерживай, как бы уздою, твою душу от нечистых вожделений!»^[100] «И как бы глубоко не потрясал душу этот спасительный страх, пораженные им, – как говорит святой Лествичник, – не останавливаются на сем, но непрестанно прилагают страх ко страху, пока не истощится последняя сила в костях их»^[101]. До какой степени может увеличиться сей спасительный страх, преподобный Иоанн показал это в двух удивительных примерах: «Некто, живущий здесь на месте, называемом Фола, при мысли о смерти часто приходил в исступление, и, как лишившегося чувств или пораженного падучею болезнью, находившиеся при сем братия относили его почти бездыханным»^[102]. Еще рассказывает он чудную повесть об Исихии Хоревите: «В совершенном нерадении проводил он жизнь и вовсе не имел попечения о душе своей. Напоследок изнемогши телом, так что около часа казался совершенно мертвым, когда пришел в себя, – умолял он всех нас немедленно удалиться. И заградив дверь келии своей, пробыл в ней двадцать лет, ни с кем никогда не сказав ни пустого, ни дельного слова и не вкушая ничего иного, кроме хлеба и воды. Пребывая же неподвижным, сколько погружен был умом в то, что видел во время исступления, что никогда не переменил своего положения, но всегда был как *изумленный* и в совершенном безмолвии проливал горячие слезы!»... За то и Господь чудно прославил на нем Свою высокую милость. «Благоговейно похоронив его на кладбище, близ ограды, – заключает свой рассказ святой Лествичник, – на другой день стали искать мощей и не нашли. Так Господь удостоверил сим в попечительном его и достохвальном покаянии»^[103].

Плоды подвига памятования смерти и Страшного суда по смерти

Могущественное и неотразимое действие на душу оказывает благодатное созерцание будущей загробной участи. «Совершенно справедливо, возлюбленные, – уверяет преподобный Исаак Сирий, – что если бы Бог на малое время даровал людям это истинное созерцание, то в мире сем не стало бы преемства. Созерцание это служит узами, перед которыми не сможет устоять *природа*, и приемлющему в душу свою размышление о сем – такою благодатью Божией, которая сильнее всех отдельных деланий»^[104].

1. Мысль о Страшном суде Божиим, даже в то время, когда, по-видимому, случайно поражает душу, попирает самую сильную страсть и исторгает человека из самых челюстей ада. «Когда враги успеют пленить ум человека, по собственной вине его, – говорил святой авва Кроний, – то тайно влекут его, доколе не приведут к невидимой для него страсти. Если здесь ум обратится, взывает Бога, вспомнит о вечном суде, то страсть тотчас падет и исчезнет. Писание говорит: *Егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися и уразумеши, где еси был* (Ис. 30: 15)»^[105]. «Если тебя палит огонь похоти плотской, противопоставь ему огонь гееннский, и – огонь похоти твоей тотчас погаснет, – уверяет святой Златоуст. – Хочешь ли сказать что-нибудь непристойное, помысли о том скрежете зубов, и – страх одного обуздает язык твой. Желает ли сделать какое похищение, послушай, что Судья оный повелевает и говорит: *Свяжите ему руце и нозе и вверзите его в тьму кромешную* (Мф. 22: 13), и – таким образом изгонишь и сию страсть. Если ты ведешь жизнь невоздержанную, то послушай, что говорить богач оный: *Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой: яко стражду в пламени сем* (Лк. 16: 24–25), и – не получил помощи. Часто приводя сие на память, наконец, ты отстанешь от страсти невоздержания. Если ты любишь увеселения, рассуждай о тесноте и скорбях, имеющих быть там, после сего ты и думать не станешь об увеселениях. Если ты жесток и немилосерд, то чаще припоминай тех дев, которые за то, что погасли их светильники, не были допущены в чертог Жениха, и – ты скоро сделаешься человеколюбивым. Нерадив ты и беспечен? Размышляй о судьбе скрывшего талант свой, и – ты сделаешься быстрее огня. Тебя снедает желание, как бы завладеть достоянием ближнего своего? Воображай непрестанно тот неумирающий червь, и – сим образом легко освободишься и от сей болезни, и все прочие слабости свои исправишь»^[106].

2. «Живое памятование смерти, – говорит святой Лествичник, – отсекает излишество в пище, а когда в смирении отсечено сие излишество, отсекаются вместе и другие страсти»^[107]. «Кто размышляет о тех муках, коим подвергнется некогда за свои беззакония, – говорит преподобный Исаия, – тот уже не рассуждает более ни о чем: его сердце удручено скорбью о предстоящих мучениях, представление о них заглушает все прочие мысли, ему и пища на ум не приходит. Ничего не отвечает тем, которые бранят его; терпеливо переносит все обиды, почитая себя достойным оных; с тяжкими вздохами и стоном помышляет он о том Страшном суде, перед которым некогда должен явиться; сильная скорбь сердца источает из очей его обильные слезы»^[108]. *Отсечением излишества в пище*, этим, по-видимому, самым простым средством, живейшее памятование смерти и Страшного суда освобождает подвижника, даже без его ведома и усилия, от буйства и неукротимости всякого рода страстей. «Рассматривая превратность

жизни человеческой и неизвестность ее конца, – рассуждает преподобный Антоний Великий, – мы устранимся таким рассмотрением от греха. Когда встанем от сна, то вполне сомнительно – достигнем ли вечера. Опять, когда желаем успокоить тело сном – столько же ненадежно, увидим ли свет наступающего дня. Размышляя о неверности нашей жизни и естества во всех отношениях, мы достигаем познания, что Божий Промысел управляет нами. Тогда перестаем согрешать и увлекаться положениями пустыми и тленными; тогда не прогневаемся ни на кого, не стремимся к собранию земных сокровищ, попираем все тленное *страхом* могущего ежедневно последовать отшествия отсюда и непрерывным размышлением о разлучении души с телом; тогда перестает действовать любовь к другому полу, погасает пламень любодеяния; отпускаем друг другу долги наши, имея непрестанно перед очами наступление окончательного воздаяния. Боязнью суда и страхом мук уничтожаются обманчивые похотения плоти, и – вместе поддерживается душа, когда она клонится к падению»^[109]. Но этого мало! Памятование смерти прямо поставляет кающегося грешника на *путь спасения* и ведет к ревностному исполнению всякого рода добродетелей. «Ибо такой, – объясняет, – святой Варсануфий Великий, – говорит помыслу своему: «Я и Бог – мы одни в мире! И если не исполню Его воли, буду уже принадлежать не Ему, а чуждому», – и ежечасно ожидает исхода своего из тела, помышляя, как ему сретить Бога, и такой скоро *улучает путь спасения*»^[110]. «Живая память о смерти, – раскрывает преподобный Филофей Синайский, – бывает причиною многих добродетелей. Она рождает печаль по Боге; она побуждает воздерживаться от всего худого; она приводит на мысль геенну; она есть мать молитвы и слез; она есть страж сердца; она не позволяет иметь пристрастия ни к чему, что по существу своему ничтожно; она есть источник благоразумия и рассудительности. Отсюда происходит *сугубый страх* Божий – *очищение* сердца от страстных помыслов и *исполнение* многих заповедей Господних.

В памятовании о смерти усматривается подвиг постоянный, непреодолимый, о котором многие из подвижников Христовых пекутся»^[111].

3. Преподобный Иоанн Провидец объясняет одному брату, как от *невольного страха* угрожающей смерти рождается *произвольная память о смерти*, и от добра по принуждению рождается свободное добро, которое наконец *совершенно избавляет человека от смерти*, т. е. опасности впасть в *смертный грех* и быть осужденным на *вечную смерть*. «Если человек делает добро по страху смерти, то это вынужденное добро нельзя равнять с тем, которое бывает по свободной воле человека; однако и такой человек все лучше того, который ничего не делает. Хорошо человеку помнить смерть, чтобы навикнуть знать, что он смертен, а смертный – не вечен, не вечный же и поневоле оставит век сей. Через непрестанную память о смерти человек навикает и произвольно делать добро. А вольное добро совершенно избавляет душу от смерти»^[112]. Это потому, – как объясняет преподобный Максим Исповедник, – что «спасительная печаль *неизбежно* истребляет страсти и порождает добродетели, потому что того, кто укоренил ее в глубине сердца своего, никак не могут поранить стрелы диавола; тот, кто душою печется о ней, не боится многообразных нападений демонских. Препоясавший ею ум свой не лишается божественных помыслов, обрекший ей себя знает уставы благочестивой жизни. Она есть произведение Святого Духа, Который насаждает ее в сердцах достойных. Она есть виновница той радости, которой мы будем причастны в Царствии Небесном, потому что она есть божественное семя, зрелым плодом коего есть наслаждение вечными благами»^[113].

4. В высшем своем развитии памятование смерти оказывает *непреодолимую силу* и ничем не отражимое влияние на душу, как сознавались утвердившие в себе мысль о смерти. «Удивительно! – говорил святому Иоанну Лествичнику один подвижник, – когда я намеревался отдалить от себя мысль о смерти, никак не мог сего сделать!» А блаженный Исихий, умирая, сказал отцам: «Кто приобрел памятование смерти, тот никогда не сможет согрешить»^[114]. Посему-то последним совершеннейшим плодом сего святого делания преподобный Иоанн Лествичник поставляет *нерастленную непорочность души* – отраднейшую *безопасность от грехопадений*. «Как некоторые определяют, – говорит он, – что бездна есть нечто не имеющее предела, потому что сим именем называется бездонное место, так мыслью о смерти приобретаются *нерастленная непорочность* и *нерастлеваемое делание*»^[115]. «Кто утвердил в уме своем память о смерти, – заключает святой Лествичник, – тот уже не согрешит. *Поминай последняя твоя и вовеки не согрешишь* (Сир. 7: 9)!» А святой Симеон Новый Богослов, основываясь на собственном опыте, обещает еще здесь, на земле, страждущему от страха вечных мук *неизреченное благодатное утешение*: «Кто не захочет избежать болезни, рождающейся от страха вечных мук, и не отскочит от нее, но произволением сердца предастся ей и возложит на себя ее узы, тот, сообразно с мерою своей скорби, начинает скорее шествовать по пути к небу, и она представит его Царю царствующих. После сего, лишь только воззрит он, хоть неясно, на славу Божию – тотчас спадут с него узы, и мучительный страх далеко убежит от него, и печаль в его сердце превратится в радость, и (в сердце его) откроется источник, который наружно будет источать непрестанно ручьями слез, а внутренне, в душе, тишину, кротость и неизъяснимую сладость, также мужество и готовность свободно и безостановочно повиноваться всякой заповеди Божией... Сие для начинающих невозможно, для дошедших до середины – свойственно, а для совершенных – источник сей делается *светом*, от которого сердце вдруг переменяется и перерождается!»...^[116]

Таковы плоды памятования смерти! Посему-то и современные нам подвижники христианства советуют и убеждают: «По важности плодов *памятования смерти* должно быть мужественным в возделывании их и преодолевать все препятствия разумным трудом и постоянством; должно верить, что этих плодов достигнем и мы в свое время по милости и благодати Божией. Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее и о последующих ей страхах, воспоминание, сопряженное с усердною молитвою и плачем о себе, *может заменить все подвиги*, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа и тем даровать ему свободное вознесение на небо мимо воздушных властей»^[117].

Как утвердить в себе памятование смерти, Страшного суда и гееннских мук, живя в мире среди житейской суеты

Мирянам памятование смерти еще более необходимо, нежели отшельникам из мира, ибо мирские заботы и развлечения, общественные обязанности и семейные попечения совершенно овладевают душой в мире и не позволяют ей устремить внимание свое к будущей вечной участи своей. А весьма редко встречаясь с мыслью о смерти, человек вовсе не заботится и о вечном спасении, полагаясь, совершенно без всякого права, на милосердие небесного Судьи. Но страшная мысль о смерти и геенне сильна возбудить самого беспечного! Потому нужно употреблять всевозможные средства к утверждению в себе сей спасительной мысли. Средства к этому и для мирян те же, какие указаны святыми отцами выше, преимущественно для отшельников. Здесь укажем только особенные случаи, при которых глубже может западать в душу мысль о смерти, и такими случаями нужно пользоваться.

1. Неопустительно посещать опасно больных, особенно из близких и знакомых. Еще древний мудрец заметил, что *лучше ходить в дом плача, нежели в дом веселия* (Еккл. 7: 3). Посещая больного, мы выполняем и заповедь братской любви, что вменяет в услугу Самому Себе Господь Иисус: *Болен вех, и посетите Мене* (Мф. 25: 36); и сами многому поучаемся при одре болящего: терпению, упованию на Бога, смирennemудрию, убеждению в суете и красоте, и крепости, и богатства, и славы. Увы! Для больного ничто не дорого, кроме здоровья.

2. Еще сильнее поражает всякого кончина умирающего: посмотрите, какой ужас объемлет душу грешника при виде страшной неизбежной смерти! Кто может помочь ему? И что даст человек измену за душу свою (Мк. 8: 36)? «Убоимся, – убеждает святой Варсануфий, – страшного дня и часа, в который не защитит ни брат, ни сродник, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава; но будет лишь человек и дело его»^[118]. То же, или еще что-либо ужаснейшее, будет и с нами при смерти, если не покаемся. И напротив, какая радость сияет на лице праведника при виде вечных наград! Не забудем этого зрелища, твердо напечатлеем в памяти поразительный образ смерти в лице знакомых наших братий, и он, как грозный судья, предохранит нас от многих преступлений.

3. Из всех занимательных новостей житейских самые поучительные – рассказы о внезапной и неожиданной смерти, особенно знакомых нам лиц; в таких случаях и любопытство весьма полезно, знать страшные подробности внезапной смерти, уразуметь непредвидимые умершими случаи, открыть тайные причины несчастья, вообразить ужасную неизвестность вечной участи скоропостижно умершего... Все это не может не запечатлеться в памяти, не привести в содрогание самое беспечное сердце. Но при этом не забудем, что внезапная смерть постигает одних только нерадящих о своем спасении: это возвещено Самим Господом (Лк. 12: 42). «Бог, – сказал святой Варсануфий Великий одному брату, боявшемуся неожиданной смерти, – не возьмет души твоей, борющейся со страстями и похотями, дотоле, доколе не приведет тебя в меру высокую, в мужа совершенна»^[119].

4. Воспоминание о внезапной смерти должно приводить себе на мысль при всяких таких предприятиях, где удобны могут быть случаи – внезапно умереть, например, при

отъезде в путь, при переезде через реку и подобные.

«Приступая к какому-либо делу, – советует один великий подвижник, – говори себе со вниманием: «Что будет, если сей час посетит меня смертью Господь мой?»... И смотри, что ответит тебе помысел: если осудит – тотчас брось дело то и возмись за другое; ибо делателю добродетели должно быть на всякий час готову отойти в путь свой. За рукоделием ли сидишь, или в дороге находишься, или бываешь у кого, или вкушаешь пищу, всегда говори себе: «Что будет, если *теперь* позовет меня Бог?.. Смотри, что отвечает тебе совесть твоя, и делай так, как она говорит тебе»^[120]. Такое представление внезапной смерти не *трусость* внушает, а *очищает цель предприятия*, подавляет самонадеянность, возбуждает надежду на Промысел Божий и вообще – весьма спасительно. Преподобная Сарра говорила о себе: «Когда поднимаю ногу свою, чтобы взойти на лестницу, я представляю себе перед очами смерть и потом вхожу на лестницу»^[121]. Вот как поступали святые!

5. Мы ежедневно, можно сказать, предаем себя в объятия смерти и, к удивлению, не чувствуем ее присутствия. «Сон есть образ смерти!», – говорили языческие мудрецы, а христианство учит, что сама смерть есть ничто иное, как успление. Будем же всегда отходить на сон с такими святыми чувствами, с какими нам не страшно было бы и умереть.

6. И всегда назидательно и спасительно памятовать смерть; но мы должны стараться на *собственном опыте дознать*, как спасительно это благодатное созерцание. Поэтому постараемся представлять смерть перед очами, преимущественно в то время, когда только начинает разгораться в нас какая-либо страсть: мы ощутим непременно, как при виде и представлении грозной смерти умолкает всякое буйство страстей, и при созерцании гееннского огня охладевает всякий жар похоти... «В мире случающееся неблагополучие, – поучает нас новоявленный чудотворец, святой Тихон Задонский, – есть тень некая и образ будущего и вечного неблагополучия.

Тяжко здесь вменным быть между злодеями, и злым людям, и бесчестным причислится; но далеко тяжчае будет причтенным быть диаволу и злым ангелам его и с ними за едино вмениться *вечно*. Тяжко zde у мучителя некоего под властью быть и от него поругание, посмеяние и всякое насилие и озлобление терпеть; но далеко тяжчае будет у сатаны – противника Божия – быть во власти и от него ругание, посмеяние и всякое насилие терпеть *вечно*. Тяжко zde биение, страдание, болезнь, огневицу, лихорадку, зубную боль и расслабление тела терпеть; но далеко тяжчае будет терпеть *вечно* жжение огня гееннского, болезнь лютую и несносную, скрежет зубов, червь неусыпающий, и душою, и телом в том страдать. Тяжко zde в темнице сидеть, лишаться света, и темнице никакого не чувствовать утешения; но далеко тяжчае сидеть в адской, и никогда света не видеть, и всего лишиться утешения *вечно*. Тяжко zde жажду терпеть и – желать, но не иметь прохлаждения; но еще тяжчае будет – *вечно*! Словом: тяжело есть всякое страдание временное, или на душе, или на теле бываемое, всяк то знает; но – несравненно тяжчайшее – *вечное*, и ради величества, и ради продолжения, яко *бесконечное*, которое и душой, и телом будут терпеть осужденные. Временное страдание есть *тень* вечного страдания. Тень есть ничто – в сравнении с *истиною*; и временное страдание – ничто в сравнении с *вечным*!.. Познавай убо вечное страдание от временного и берегись, да не впадешь в тое. *Ныне* сходи умом во ад, да не потом душою и телом снидеши! Како стерпишь огонь жгучий, но не сожигающий, червь грызущий, но не поядующий, скрежет зубов, тьму кромешную, скаредный вид демонов, плач, и стенание, и рыдание, и прочая злая како

стерпеши?.. Помышляй сия, сравнивай временное страдание с вечным, и – проженется сим размышлением, как бичем, суета от сердца твоего...»[\[122\]](#)

Покаянный плач

Блажени плачущий, яко тии утешатся.

Мф. 5: 4

Памятование смерти необходимо рождает плач о грехопадениях и о страшной участи, ожидающей грешника за гробом. «Как всякому слову предшествует мысль, – говорит святой Лествичник, – так плачу и пролитию слез предшествует памятование смерти» [\[123\]](#). И потому плач служит яснейшим выражением истинного памятования смерти, и как бы совершеннейшим плодом оно.

Что разумеется в деятельном христианском благочестии под именем покаянного плача

«Плач по Богу, – учит святой Лествичник, – есть унылость души и такое расположение болезнующего сердца, в котором непрестанно с жаром оно ищет того, чего жаждет, и при безуспешном искании неутомимо сие преследует, и, громко рыдая, взывает вслед»^[124]. Из такого понятия о плаче открывается, что это есть не случайная скорбь сердца, изливающаяся в слезах, а непрестанное и притом постоянно возрастающее томление кающейся души, доходящее до самозабвения и как бы истощения в муках раскаяния. «Сокрушение сердца, – объясняет святой Лествичник, – есть непрекращающееся истязание совести»^[125], «есть не кичащееся болезнование души, в котором она не дает себе никакого успокоения, но ежечасно воображает только свое разрешение (смерть), и – как прохладной воды, ожидает себе утешение от Бога, утешающего *смиранных и сокрушенных сердцем*»^[126]. «Плач есть достигшая полноты скорбь кающейся души, которая ежедневно прилагает скорби к скорбям, как рождающая и ощущающая муки рождения»^[127].

Необходимость плача для преуспевания в деятельном благочестии

Слезы, по учению святых отцов Церкви, должны сопровождать подвижника Христова от начала его исхода, вослед подвигоподвижника – Христа – до конца жизни: это – его пища и питье в сей юдоли плача и изгнания; это для падшего человека неизбежное и неминуемое, если не в сей жизни, то за гробом – на целую вечность. «Кто здесь не плачет о себе, – говорил святой авва Пимен, – тот будет вечно плакать там. Итак, необходимо плакать или здесь – добровольно, или там – от мучений»^[128]. «Восплачем, братия, – увещал Макарий Великий, – очи наши да проливают слезы прежде, нежели отойдем туда, где наши слезы будут жечь тела»^[129]. Покаянный плач равно необходим и для очищения души, и для преуспевания в добродетели. «Где нет плача, там нельзя уберечься от искушения» – признавался святой авва Петр^[130]. А великий Пимен вообще утверждает: «Кто хочет очистить себя от грехов своих – очищает себя слезами; и желающий стяжать добродетели, стяжавает их слезами». Ибо плач есть путь, указанный нам Писанием и отцами нашими, которые говорили: «Плачьте! Кроме сего пути нет другого!»^[131]

От чего рождается истинное умиление

Истинное *умиление*, то есть плач не мучительный, а срастворенный отрадною надеждою на милость Божию, не иначе может родиться в душе, как при глубоком сознании своей виновности перед беспредельною любовью Отца Небесного. «Бог не требует, – говорит святой Лествичник, – и неугодно Ему, чтобы человек плакал от болезни сердечной, но хочет, чтобы из любви к Нему веселился он душевным веселием. Отними грех – и излишни болезненные слезы чувственным очам. У Адама до преступления не было слез, как не будет их и по воскресении, когда упразднится грех»^[132]. «Младенец, как скоро начинает узнавать отца своего – весь исполняется радости. Если же отец по делам своим разлучается на время и потом опять возвратится, то отрок бывает полон и радости, и печали; радости – потому что видит любимого, печали – потому что столько времени лишен был ласк доброго отца»^[133]. «Так и душа, – объясняет преподобный Ефрем Сирин, – после долговременного разлучения с Богом возбуждается к пролитию слез от того, что, наконец, увидела Родителя, проливает она слезы и преклоняет к себе Бога, ибо любит отеческое благословение и таким образом очищается от всего»^[134]. Поэтому слезы умиленные текут из очей при благоговейном взоре обратившейся души на любвеобильное лицо Отца Небесного. «Слезы в молитве, – говорит святой Исаак Сирин, – суть знамение милости Божией, которой сподобилась душа своим покаянием, и того, что она принята и начала входить в поле чистоты слезами. Если помыслы не отторгнутся от предметов преходящих, не отвергнут от себя надежды на этот мир, если не возбудится в них презрение к нему и они не начнут готовить напутствий к исходу своему, если не начнут действовать в душе помышления о предметах, принадлежащих будущему веку, то очи не возмогут произвести слез»^[135]. «Когда проливаешь слезы в молитве твоей, – свидетельствует преподобный Марк Подвижник, – то Христос коснулся очей твоих, и ты получил умное зрение»^[136]. «У кого текут слезы умиления, – открывает наш отечественный подвижник, Саровский старец Серафим, – такового сердца озаряют лучи солнца правды Христа Бога»^[137]. Итак – «сокрушение есть дар Божий, – говорит Василий Великий, – подаваемый или для возбуждения вожделения, чтобы душа, вкусив сладость подобной скорби, старалась полюбить сию скорбь, или в доказательство того, что душа, при тщательнейшем попечении, может быть во всегдашнем сокрушении, и что нимало не извинительны отвергшие его по нерадению»^[138].

Плач бывает различный

«Понятие о слезах, – говорит святой Лествичник, – по определению многих из святых отцов, несколько темно и неудобно изыскуемо, особенно же о слезах новопоступивших, у которых происхождение слез имеет много различных видов, а именно: бывают слезы от природы, от Бога, от скорби и предосудительной, и похвальной, от тщеславия, от блуда, от любви, памятования смерти и от многого другого»^[139]. «Все сии *виды слез*, – продолжает святой отец, – поборов страхом Божиим, усвоим себе чистые и нелестные слезы о нашем разрешении (смерти), ибо в них нет подлога или самомнения, напротив того, – есть очищение, преуспевание любви к Богу, омовение греха и доведение страстей до бесстрастия»^[140]. Весьма утешительно, что всякие слезы, при *посредстве страха Божия*, можно обращать в слезы чисто духовные и спасительные. «Слезы – порождение мыслей, а мысль рождает рассудок и ум; но умственными способностями мы пользуемся совершенно свободно и потому к слезам предосудительным, или естественным, можем прививать слезы духовные. Это ясно знают люди, наклонные к тщеславию»^[141], – говорит святой Лествичник. Впрочем, хотя «никто не спорит, – как замечает преподобный Иоанн, – что полезны нам всякие слезы по Богу»^[142], однако и между самыми полезными или спасительными слезами есть великое различие. «Плачущий достигает совершенства плача не тогда, как хочет сего, но зависит сие от того, о чем хочет он плакать, и от того, что плачет, не о чем ему хочется плакать, но о чем угодно Богу»^[143]. Посему нужно знать, что:

1. «Часто к плачу по Богу примешиваются ненавистные слезы тщеславия, – замечает святой Лествичник. – Сие же искусно и благочестно дознаем, когда заметим в себе, что и плачем, и лукавствуем»^[144].

2. «Когда мы плачем в молитве, и тут же вмешивается смех, то сие есть от диавольской хитрости»^[145], – открывает наш отечественный подвижник, Саровский затворник Серафим.

3. «Есть сокрушение сердца правильное и полезное, от которого оно смиряется, – говорит преподобный Марк Подвижник, – и есть другое, неправильное и вредное, которое мучит его. Бдение, молитва и терпение в напастьях составляют для сердца сокрушение безвредное и полезное, если только излишеством не нарушим соразмерности в их смешении»^[146].

4. «Великое и бренное сокрушение сердца, – говорит преподобный Симеон Новый Богослов, – омрачает и возмущает ум, изгоняет из души чистую молитву и умиление и производит в ней сердечную болезнь, а потом ожесточение и крайнее ослепление; а посредством сего демоны в людях, по духу живущих, производят отчаяние»^[147].

5. «Плачем, достойным *вечного блаженства* (Мф. 5: 4), Василий Великий признает тот плач, «когда плачем о грехах или по причине оскорбления Божией чести, потому что человек преступлением закона Бога бесчестует; или по причине бедствующих во грехах, ибо сказано: *Душа, яже согрешит, та умрет* (Иез. 18: 4), – в чем подражаем сказавшему: *И восплачуся многих прежде согреших* (2 Кор. 12: 21)»^[148].

6. Есть святые *слезы страха* и – *слезы любви*. «Слезы от страха сами собою производят трепет и осторожность, – говорит святой Лествичник, – слезы же от любви, если любовь

не достигла еще совершенства, у некоторых, может быть, удобно похищаются. И странно сказать, – замечает святой отец, – что смиреннее, то во время свое бывает безопаснее»^[149].

7. Бывает некий *чудный*, сокровенный в глубине смирения *плач*, не заметный для самих плачущих. «У иных видел я плач, – свидетельствует преподобный Иоанн Лествичник, – а у других видел сомнение в плаче; имея плач, они в таком расположении, как бы не имели его и от сего-то прекрасного неведения пребывают в безопасности, и о них-то сказано: *Господь умудряет слепцы* (Пс. 145:8)».

8. «Бывают слезы *сжигающая*, и бывают слезы *утучняющая*», – говорит преподобный Исаак Сирий. Все те слезы, которые исходят из сущности сердца от сокрушения о грехах, иссушают и сжигают тело, а нередко и самое владычественное (ум) в душе, во время излияния слез, ощущает от них вред. И сперва человек по необходимости вступает на эту степень слез, но ими отверзается ему дверь войти на вторую, лучшую первой: и это есть страна радости, в которой человек приемлет милость. Это уже слезы, проливаемые по благоразумию: они и украшают, и утучняют тело, и исходят непринужденно сами собою, и не только, как сказано, утучняют тело человеческое, но и вид человека изменяется. Ибо сказано: *Сердцу веселящемуся, лице цветет: в печалих же сущу, сетует* (Притч. 15: 13)^[150].

Признаки истинного сокрушения сердца

1. «Отличительное свойство преуспевающих еще в блаженном плаче, – говорит святой Лествичник, – есть воздержание и молчание уст, а преуспевающих – негневливость и непамятозлобие; совершенных же – смиренномудрие, жажда поруганий, произвольное алкание произвольных скорбей, неосуждение согрешающих, сострадание – даже не в меру сил. Достойны одобрения первые, достохвальны вторые; блаженны же алчущие скорби и жаждущие поруганий, потому что насытятся они непресыщающею пищею»^[151]. Посему «когда в представляющих о себе, что плачут по Богу, увидим гнев и гордость, тогда слезы их признаем противными: ибо *кое общение свету ко тьме?* (2 Кор. 6: 14)^[152]

2. «Прекрасна молитва с воздыханиями и слезами, особенно, если слезы проливаем безмолвно, – говорит преподобный Ефрем Сирин. – Вопиять же во услышание – знак человекоугодия; а кто молится с ведением и верою, тот зрит перед собою Господа, так как *о Нем живем, и движемся, и есмы* (Деян. 17:28)».^[153]

3. Очевидный и самый верный признак истинного сокрушения кающийся может видеть в строгом образе своей жизни и в возненавидении всякого *телесного утешения*. «Те, – говорит святой Лествичник, – которые могут плакать от глубины сердца, возненавидели и саму жизнь свою, тела же своего отвращаются, как врага»^[154]. Как сказал некто из любящих Бога: «Клялся я, что умираю всякий день»... Тем и отличаются сыны Божии от прочих, – описывает преподобный Исаак Сирин, – что живут они в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем. Ибо не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в одиночестве, нужде, болезни, унижении, в оскорблениях, в сердечном сокрушении, в утружденном теле, в отречении от сродников, в печальных мыслях, имели иной взгляд на всю тварь, место жительства, не похожее на обыкновенное человеческое, жилище иноческое, которое безмолвно, не видно по человеческому взгляду, не заключает в себе ничего такого, что веселит здесь человека. Иноки плачут, а мир смеется. Они постятся, а мир роскошествует. Трудятся они днем и ночью, предаются подвигам в тесноте и трудах, борясь со страстями своими; иные гонимы людьми, а иные бедствуют от страстей, от демонов и прочего... Христос Спаситель наш, любовь Которого превозмогает телесные смерти, да явит нам крепость любви Своей!»^[155]

Средства, возбуждающие сердечное сокрушение

Несомненно, что истинное умиление есть *дар Божий*; но и Господь подает дары Свои только просящим и отверзает толкущим, и только усиленные искатели восхищают Царствие Божие (Мф. 7: 7, 11–12). Посему, желающий приобрести высокий *дар слез* должен со своей стороны употреблять немалое усилие и всевозможные к этому средства, указываемые святыми отцами.

1. Поскольку слезы рождаются, возрастают и умножаются вместе с памятованием смерти, то святой Лествичник прежде всего внушает подвижнику: «Не преставай напечатлевать в уме и содержать в мыслях бездну темного огня и немилостивых служителей, Судью нестрогательного и неумолимого, необъятную пропасть преисподнего пламени, тесные схождения в места подземные и страшные и в зияющие бездны, также – изображения всего тому подобного, чтобы пребывающая в душе нашей похотливость, приведенная в бездействие великим трепетом, уступила место нерастленной непорочности и душа восприяла в себя озарение невещественного света, сияющего паче всякого огня»^[156]. «Восклонение твое на одр пусть будет для тебя образом склонения твоего во гроб, самое вкушение за трапезой путь будет для тебя напоминанием поучительной трапезы оных червей, и, вкушая питье – воду, не забывай о жажде в оном пламени»^[157].

2. Самая обстановка жизни скорбной, одинокой, безутешной может и должна располагать к пролитию слез. «Спрашиваешь о занятии и размышлении, как человеку стать мертвым в келии своей? – обращается к подвижнику преподобный Исаак Сирий. – Разве человек рачительный и трезвенный душою имеет нужду спрашивать, как ему вести себя, когда бывает один сам с собою? Какое иное занятие у монаха в келии его кроме плача? Разве бывает у него время от плача обратиться к другому помыслу? И какое занятие лучше этого? Самое пребывание монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванию во гробе, далекому от радости человеческой, учат, что деятельность его – плач. И самое значение имени его к тому же призывает и убеждает, потому что называется он *сетующим*, то есть исполненным горести в сердце. И все святые в плаче переселялись из сей жизни. Если же святые плакали, и, пока не переселились из сей жизни, очи их всегда были наполнены слезами, то кто же не будет плакать? Утешение монаху порождается плачем его. И если совершенные и победоносные здесь плакали, то как стерпит исполненный язв, чтобы перестать ему плакать? Кто имеет лежащего перед собою мертвеца и видит, что сам он умерщвлен грехами, того нужно ли учить, с какой мыслью пользоваться ему слезами? Душа твоя, которая для тебя дороже целого мира, умерщвлена грехами и лежит перед тобою, ужели не требует она плача?»^[158]. «Пусть самая одежда твоя, – прибавляет святой Лествичник, – убедит тебя к слезному деланию: потому что все оплакивающие умерших облакаются в черное! Если не плачешь, то плачь об этом самом. Если же плачешь, то плач еще больше о том, что своими грехопадениями из состояния беструдного извел ты себя в состояние многотрудное»^[159].

3. Но весьма нередко бывает, что никакие размышления, никакие прискорбные обстоятельства не могут исторгнуть спасительной слезы из убитого и окаменелого сердца. «И таковые, – замечает святой Лествичник, – напрасно домогаясь слез, почитают себя несчастными и осуждают себя на воздыхания, сетование, душевную печаль, глубокую скорбь и уныние. Но все сие, – уверяет святой отец, – хотя признается ими нисколько не

полезным, безопасно восполняет самые слезы. Ибо слезы нередко доводят до превозношения людей легкомысленных, потому и не даются иным»^[160]. Но и таких убитых иссушающе печалью ободряет святой Геннадий, патриарх Константинопольский: «Нет у тебя слез? Не отчаивайся, но воздыхай часто и тяжело от всего сердца. Слезы суть дар Божий, мало-помалу воздыханием и умилением ты испросишь их у Бога. Ибо написано: *Ищай обрящет, просяй приемлет, и толкующему отвержется*»^[161].

4. Еще иные, более внешние и потому свободнее употребляемые средства к возбуждению плача предлагают святые отцы. Так: а) «Человек достигает плача с трудом, – говорит великий Варсануфий, – посредством многого поучения в Писании, терпения и через самоутверждение»^[162]; б) «Если человек, – учит святой Иоанн Провидец, – находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на другие грехи, то приобретает плач. Ибо через сие собираются его помыслы и, собираясь таким образом, рождается в сердце *печаль по Богу* (2 Кор. 7: 10), а печаль эта – слезы»^[163]; в) «Если сохранишь язык твой, – уверяет преподобный Исаак, – то от Бога дается тебе благодать сердечного умиления»^[164]; г) «Сердце сокрушается от тех родов *воздержания*, – говорит преподобный Марк Подвижник, – то есть от воздержания в сне, пище и телесном покое. Никто не может иметь скорби и печали по Боге, если не возлюбил прежде причин оных. Страх Божий и обличение допускают к себе не печаль; а воздержание и бдение сообщаются со скорбью»^[165].

От чего теряется плач

1. «Имея дарование плача, – предостерегает святой Лествичник, – удерживай его всею своею силою. Ибо прежде совершенного усвоения он крайне легко отъемлется и, как воск от огня, удобно тает от мятежей и забот телесных, от роскоши, особенно же от многоречия и смехотворства»^[166]. Ибо «если смиренномудрию ничто так не содействует, как плач, то, без сомнения, ничто так не противодействует, как смех»^[167]. «Кто иногда плачет, а иногда роскошествует и смеется, тот походит на человека, который во пса сластолюбия кидает вместо камня хлебом: по видимости он гонит его прочь, а в самом деле манит к себе»^[168].

2. «Не будь подобен, – продолжает святой отец, – погребающим мертвых, которые то плачут о них, то упиваются ради их; но будь подобно узникам в рудокопнях, которые ежечасно терпят побои от приставленных служителей»^[169].

3. «Есть вещи, – замечает он же, – которыми иссушаются у нас источники слез, и есть другие вещи, от которых порождаются в них тина и гады. От первых Лот впал в беззаконный союз с дочерьми своими, а от последних диавол пал с неба»^[170].

4. «Кто надмевается в душе слезами своими и сам в себе осуждает непроливающего слез, тот подобен человеку, который испросил у царя оружие на врага своего и убивает им себя»^[171]. «Получив слезы, – убеждает также святой патриарх Геннадий, – храни их всею твоею силою; берегись объядения и пьянства, наипаче же осуждения всякого человека. Зазирай своему делу, а человека, которого создал Бог, не суди»^[172].

5. «Плачущие, – утверждает святой Лествичник, – никогда не будут петь и громко взывать к самим себе в песнопениях, потому что всем, подобным сему, расстраивается плач»^[173]. Часто одно слово прекращало плач, но чудно было бы, если бы одно же слово и возвращало его.

6. «Плачущим, – утверждает он же, – неприлично богословствование, ибо оно, обыкновенно, полагает конец плачу. Богословствующий уподобляется учителю, сидящему на кафедре, а плачущий подобен проводящему дни свои на гноище и во вретнице»^[174].

7. Святой авва Исаия подробно перечисляет *признаки отсутствия* страха Божия, и истинного сокрушения в сердце христианина: «Если, быв оскорблен, ты приходишь в негодование, то не творишь истинного покаяния. Если скорбишь о похищенных у тебя вещах, то нет в тебе страха Божия. Если возмущаешься когда кто-либо ложно обнесет тебя, то нет в тебе страха Божия. Если в разговорах с другими хочешь, чтоб слова твои взяли перевес, то нет в тебе страха Божия. Если огорчаешься, что слова твои пренебрегаются, то нет страха Божия в тебе. Ибо все это означает, что *ветхий человек* еще в силе в тебе и что нет того, кто изгнал бы его и восприял *истинный и богоугодный плач*. Надобно открыть очи ума, чтобы нам познать самим себя и понять, что тот враг Бога, кто следует своей воле. Если будешь хранить заповеди Божии и направлять по воле Его дела свои, если уразумеешь, что не можешь благоугодить Его величеству сам собою, если непрестанно будешь иметь грехи свои перед глазами – то найдешь защиту против врага твоего, старающегося сразить тебя гордостью, чтоб считал ты себя праведным, и сохранишь в целостности здание, создаваемое *плачем покаяния*. Тогда поймешь, что ты познал самого себя и то, где ты находишься; и сердце твое не будет превозноситься, как будто оно одержало победу. Ибо, доколе человек не предстанет на суд, и не услышит

определения, и не познает своего места, дотоле не может знать, угоден ли он Богу или нет. Человек никогда не должен доверять себе, напротив, должен быть в страхе и беспокойстве, доколе находится в теле. Блаженны, кои никогда не полагаются на дела свои, но, всегда объемлемые страхом, не дерзают перед Богом, и, познав Его величие и собственную немощь, стараются покоряться Его воле, как Сам Он хочет, и в таком притрепетном чувстве оплакивают самих себя, а других не судят, но предоставляют суд Богу – Судье!»^[175]

Вот сколько, по-видимому, и не опасных случаев потерять плач, добытый иногда с великим трудом! Поэтому нельзя предаваться беспечности, и, обладая уже сим драгоценным сокровищем, «неопустительно храни в себе блаженную и веселящую печаль святого сокрушения, – возбуждает святой Лествичник, – и не прекращай над нею своего делания, пока тебя, превознесенного над здешним, не представит она чистым Христу»^[176].

Для сохранения и удержания благодарованного дара слез святые отцы повелевают пребывать в том *делании*, в котором приходят слезы, а не *изменять* произвольно подвиги деятельного благочестия. Преподобный Феодор Еннатский сказывал, что «он знал инока, безмолвствовавшего в келии и имевшего рукоделием плетение веревок. Когда этот инок сидел и плел веревку, занимаясь умною молитвою, то приходили ему слезы. Тогда он *вставал для молитвословия*, но – при этом слезы прекращались. Брат садился и принимался за веревку, сосредотачивая в себе мысли, и – слезы опять приходили. Равным образом, когда он сидел и читал, приходили слезы; он вставал на молитву, и – слезы немедленно прекращались. Только он снова принимался за книгу – слезы возвращались»... По поводу этого преподобный Феодор заключает: «Справедливо наставление святых отцов, что плач – учитель: он научает всякого человека тому, что ему полезно»^[177].

Искушения подвижающимся в покаянном плаче

1. *Воздержание* более всего располагает к плачу, а *пресыщение* и *смехотворство* более всего удаляют плач, как выше сказано. «Но демоны, – как говорит святой Лествичник, – часто над ними горько насмеваются. Ибо когда пресытимся – возбуждают в нас сокрушение, а когда постимся – делают сердце наше жестоким, чтобы, обольстившись ложными слезами, предались мы матери страстей – роскоши. И их не должно слушаться, но лучше делать противное»^[178].

2. «У врагов наших много злобы, – продолжает преподобный Иоанн, – так что и матерь добродетелей обращают в мать пороков, и что приводит к смирению, то делают поводом к гордости. Случалось видеть, что нередко в городах и среди молвы возбуждаются слезы, чтобы, предавшись мысли, будто бы можно не терпеть никакого вреда от мирской молвы, сблизилась мы с миром, ибо такая цель у лукавых демонов. Но пусть самое местоположение и вид жилищ наших призывают мысль нашу к сокрушению. В чем да убедят тебя Иисус, Илья и Иоанн, молившиеся наедине»^[179].

3. С другой стороны, подвижающимся в общежитиях и все молитвы совершающим в *обществе братии* демоны внушают никогда не обнаруживать слез, дабы другие не соблазнились. Против этого искушения преподобный Симеон Новый Богослов заповедует: «Стоя в собрании, т. е. в храме, непрестанно с умилением проливай горячие слезы, не обращая внимания на то, что другие тем соблазняются или даже смеются. Держи в уме своем, что те, которые видят меня плачущим, думают обо мне, что я много грешен, и молятся о моем спасении. Если же ты видишь, что сам ты от сего впадаешь в тщеславие, то выйди из церкви, втайне сие сделай и тотчас опять встань на свое место»^[180].

4. Обыкновенное коварство искушителя в том, что он представляет бесплодность сердечных стенаний и скорбей и неумолимость Судьи – Бога. Потому святой Лествичник предостерегает: «Гони от себя пса, который приходит во время самого глубокого плача и внушает, что Бог немилостив и немилосерд»^[181]. Для отражения этого искушения святые отцы убеждают подвижника христианства в крайней необходимости и высоком достоинстве *всякого рода скорбей*. «Помни, – говорит Василий Великий, – что *многи скорби праведным, от всех их избавит тя Господь* (Пс. 33: 20). А утверждающий, что скорбь неприлична праведнику, не иное что говорит, как одно с утверждающим, будто бы борцу неприличен противоборник. Но борец, не выходящий на подвиг, будет ли иметь какой предлог к получению венцов?»^[182] «Не думай, возлюбленный, – ободряет преподобный Ефрем Сирин, – что ты один больше всякого терпишь скорбей, ибо *всякая глава – в болезнь, и всякое сердце – в печаль* (Ис. 1: 5). Как живущему на земле невозможно избежать этого воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями. Развлекаемые земным от земного и испытывают скорби, а стремящиеся к духовному о духовном и болезнуют. Но последние будут блаженны, потому что плод их обилен о Господе»^[183]. «Христиане, – говорит Макарий Великий, – должны переносить как внешние скорби, так и внутренние брани, дабы посредством терпения в самом поражении быть победителями. Ибо таков путь христианства: где Дух Святой, там, как тень, следует гонение и брань»^[184].

«К душе скорбящего, – уверяет преподобный Исаак Сирин, – Господь являет великое человеколюбие, соразмерно с жестокостью страданий в скорби его»^[185].

5. Тяжесть и продолжительность сердечных скорбей подает искушителю повод, внушает подвижнику преждевременную *ложную радость*. Потому предостерегает святой Лествичник: «Рукою смирения, как недостойный, отклоняй от себя находящую радость, чтобы, скоро допуская ее до себя, вместо пастыря не принять тебе волка»^[186]. А преподобный Исаак утверждает: «Кто уходит от скорбей, тот разлучается, несомненно, с добродетелью. Кто же без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости; тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности»^[187].

6. Наконец, святые отцы предостерегают от опасного преждевременного *желания духовных созерцаний*. «Не спеши к созерцанию, – говорит святой Лествичник, – когда не время созерцанию; пусть само оно будет преследовать тебя за красоту смирения, и настигнет, и на веки века сопряжется с тобою всенепорочным браком»^[188].

Различные степени подвига в покаянном плаче

Слезы имеют неодинаковую заслугу перед Богом: подвиг плача постепенно возрастает и возвышается. «*Временем оскудевает море, как говорит Иов (Иов. 14: 11): так и сказанное о плаче, – замечает святой Лествичник, – в нас появляется и усвершенствуется постепенно, со временем и при терпении*»^[189]. Заслуга подвига в плаче, по указанию святых отцов, зависит не от обилия изливаемых слез, но от большего или меньшего *величия внутренних скорбей*, порождающих слезы. «Видел я, – свидетельствует преподобный Иоанн, – что и малые капли слез, как кровавые, источались с трудом, и видел также источники слез, проливаемые без труда. И о трудящихся судил я более по труду, нежели по количеству слез. А думаю, что так же судит и Бог. Ибо благим и праведным Судьею нашим, как во всем прочем, так и в слезах, без сомнения, приемлется на рассмотрение сила естества»^[190].

Посему бывают слезы:

1. *Наружные и – внутренние, или душевные*. «Кто приобрел душевные слезы, – говорит святой Лествичник, – тому всякое место удобно для плача. А кто плачет только наружно, тот не перестанет разбирать места и обычаи. Как спрятанное сокровище безопаснее от похищения, нежели положенное среди торжища, так будем разуметь о душевных и наружных слезах»^[191].

«Итак, пусть сердце сохранит плач, лицо же и слово благоприличную веселость!» – советует преподобный Иоанн Провидец^[192].

2. *Слезы страха, радости и – любви*. «Слезы об исходе души рождают страх, – говорит святой Лествичник, – а когда страх породит небоязненность, тогда воссияет радость; когда же достигается в уделе нескончаемая радость, тогда выходит цвет святой любви»^[193]. «Воздыхания и сетование вопиют ко Господу. Слезы, проливаемые от страха, ходатайствуют, а слезы святой любви показывают нам, что моление наше принято»^[194].

3. *Слезы вынуждаемые и – свободно изливаемые*. «Слезы начинаются в первой обители сокровенного жития, – говорит преподобный Исаак, – и возводят человека к совершенству любви Божией. Ибо, когда человек начинает оставлять телесное настоящего века, тогда скоро достигает благодати слез. А пока не примет человек сего дарования, совершается дело его еще *во внешнем* только человеке, и еще вовсе не ощутил он действительности того, что сокрыто в *духовном человеке*. Но когда сподобится кто благодати многих слез, проливаемых без принуждения, тогда начал он видеть в себе плод, сокрытый в душе. И чем далее поступает он, тем более обогащается сею благодатью, пока от продолжительного излияния слез не начнет пить их, и в пище своей, и в питии своем»^[195]. Вот к какому состоянию *должно* стремиться: «Будь как царь в сердце своем, превознесенный во смирении, – возбуждает святой Лествичник, – и повелевай смеху: *иди – и идет; и сладостному плачу: приди, и приходит; и рабу, и мучителю нашему – телу: сотвори сие и – сотворит*» (Мф. 8: 9)^[196].

4. *Неожиданные, благодатные слезы*. «Когда мы и труда не прилагали, и в мыслях не держали, – возвещает святой Лествичник, – а душа делается слезящею, многоводною и умягченною, тогда поспешим: потому что Господь пришел незванный и дает нам губу боголюбивой печали и прохладную воду благочестивых слез для изглаждения на хартии наших грехопадений. Храни сии слезы, как зеницу ока, пока не пройдут; велика сила

такого плача, несравненно выше того плача, который бывает следствием нашего старания и умышления»^[197].

5. Наконец – в собственном смысле кровавые слезы. «Видел я некоторых, – уверяет святой Лествичник, – достигших крайней степени плача; ибо примечал, что чувственным образом, устами своими, проливали они кровь из болезнующего и уязвленного сердца; и тогда приходило мне на мысль слово сказавшего: *Уязвен бых, яко трава, и изсие сердце мое* (Пс. 101: 5)!»^[198]

Удивительный образец скорбных подвигов в плаче представляет сам святой Лествичник. Жизнеописатель его, Даниил, монах Раифский, повествует, что «преподобный Иоанн любил проливать слезы в *уединении* и потому, избрав отдельную, весьма тесную пещеру, возносил в ней к небу свои рыдания и вопли с силою, подобною тому, когда страдают люди, которых или режут оружием, или жгут огнем, или у которых вырывают глаза!»...^[199]

Достоинство и высота покаянного плача

1. «Прежде сетования и слез, – говорит преподобный Симеон Новый Богослов, – пусть никто пустыми слезами нас не обольщает, и сами себя не будем обманывать в успехе благочестия. Нет в нас покаяния, ни истинного раскаяния, ни страха Божия в сердцах наших, и мы не познали еще самих себя, и душа наша еще не проникнута чувствованием будущего суда и вечных мучений. Ибо если бы мы знали себя и снискали оные добродетели, и проникнуты ими были, то и слезы тотчас проливали бы. А без слез ни жестокость сердца нашего смягчиться не может, ни душа наша не снищет духовного смирения, ни смиренными сделаться не возымеет сил. Но кто так себя не устроил, тот не может соединиться с Духом Святым, а не соединившись с Ним чистотою, не может поставить себя в созерцание и познание Бога и не достоин таинственно изучаться добродетелям смирения»^[200].

2. Сердечная скорбь со слезами, по учению святых отцов, возвышает или, лучше – исключительно составляет заслугу всяких подвигов благочестия. «Какие бы великие подвиги ни проходили мы, – говорит святой Лествичник, – если не имеем болезнующего сердца – они лживы и ни к чему не угодны»^[201]. «Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в делах телесных явных, – утверждает преподобный Исаак, – заменяет собою все сии телесные дела. Дела телесные без печали ума – то же, что и тело неодушевленное. Печаль ума – драгоценное Божие даяние. Кто переносит ее как должно, тот подобен человеку, у которого члены его исполняются святости»^[202]. «Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби, потому что произвольная скорбь показывает опыт веры в любви»^[203]. «Слезы, проливаемые от великой скорби и сердечной тесноты, при ведении истины и с разжжением внутренности, – уверяет Макарий Великий, – подлинно есть пища души, подаваемая от небесного хлеба, которого, сев у ног Господних и плача, наипаче причащалась Мария, по свидетельству Самого Спасителя, ибо Он говорит: *Мария же благуя часть избра, яже не отыметя от нея* (Лк. 10: 42). О, какие многоценные эти бисеры в излиянии блаженных слез!»^[204] «Кто плачет о грехах своих, – заключает великий Пимен, – *делает вдвое*: он и работает, и стоит на своей страже»^[205].

3. «Источник слезный по крещении выше самого крещения, – утверждает святой Лествичник, – хотя и дерзко несколько сказать это. Ибо крещение есть очищение прежде бывших в нас зол, а слезами очищаются грехи, содеянные после крещения; и крещение приемля в младенчестве, все мы осквернили оное, а слезами и то вновь очищаем. И если бы Богом, по человеколюбию, не дарованы были людям слезы, то подлинно бы редки были и едва обретались где спасаемые»^[206]. «Всяк грех, егоже аще сотворит человек, – богословствует преподобный Феодор Еннатский, – *кроме тела есть, а блудяй во свое тело согрешает* (1 Кор. 6: 18), потому что из тела исходит скверна, оскверняющая его: так и всякая добродетель *кроме тела есть*, а ежедневно плачущий очищает и тело, потому что слеза, истекающая сверху, оmyвает тело от нечистот его»^[207]. «Итак, – заключает святой Лествичник, – необходимо, непременно необходимо, чтобы мы, по омовении снова осквернившиеся, руки свои очищали неугасающим сердечным огнем и елеем Божия милосердия»^[208].

4. Подвиг сердечных скорбей равняется *мученичеству*. «Как мученики, – говорит Макарий Великий, – перенесши многие мучения и показавши терпение свое до смерти, соделались, таким образом, достойными венцов славы, и чем большие и тягчайшие совершили труды, тем более приобрели у Бога славы и дерзновения, – так и души, будучи предаваемы различным скорбям, которые или извне приходят от людей, или в уме происходят от нелепых помыслов, или бывают от телесных болезней, ежели до конца постоянно претерпят оные, то получают те же венцы и то же дерзновение, *как и мученики*, потому что, как мученики терпели от людей, так они терпят от действия злых духов, и также – чем больше будут переносить оскорблений от противника, тем большую получают от Бога славу, не только в будущей жизни, но и здесь удостоятся утешений Святого Духа»^[209].

Действия и плоды благодатного плача

1. Плач не только оmyвает, но *совершенно истребляет* всякие греховные скверны. «Аще хотите омыти скверны, слезами омой, – говорит Варсанофий Великий, – всяку бо скверну оmyвают чисто: вопий Иисусови, дондеже измолкнет гортань твой: *Наставнице, спаси, погибаем* (Лк. 8: 24). Возьми пепел от сердца твоего и возжги огонь той, егоже Господь прииде вovреши на землю, и пояст вся сия, и благозвещающе изнесет злато твое»^[210]. «Как огонь истребителен для соломы, – подтверждает святой Лествичник, – так непорочные слезы для всякой видимой и мысленной скверны»^[211].

2. Скорбные слезы – *великое приношение* Царю Небесному, – как бы вынуждают у Него милость. «Случалось видеть, – говорит преподобный Иоанн, – бедных и нищих в добродетели, которые не красными, а, скорее, какими-то смиренными, темными и несмелыми речениями из глубины отчаянного сердца неотступно и терпеливо зывали к Небесному Царю и усилием своим как бы вынуждали к благоутробию непринуждаемое естество Его»^[212]. «Кто от всякой напасти, находящей на него, – подтверждает преподобный Нил Сорский, – и против всякого вражеского помысла *плачет пред благодатью Божиею*, чтоб она помогла ему, тот скоро обретает покой, если молится в духовном разуме»^[213]. «И как иной, принеся великий дар царю, – заключает *вообще* преподобный Исаак Сирин, – награждается от него ласковым взором, так и тому, кто имеет в молитве своей слезы, великий Царь веков, Бог, прощает *всякую меру* грехопадений и награждает его благоволительным взором»^[214].

3. «Бездна плача узрит *утешение*, – говорит святой Лествичник, – а чистота сердца примет озарение»^[215]. «Плач и так называемая печаль имеют внутри себя заключенные *радость и веселие*, подобно меду в восковой ячейке»^[216]. «На земле нет радости сладостнее той, какая бывает от умиления, – уверяет преподобный Ефрем Сирин. – Озарялся ли кто из вас этой радостью слез по Богу? Если кто из вас, испытав это и усладившись этим, во время усердной молитвы возносился над землею, то в этот час бывал он весь вне тела своего, вне целого этого века и – уже не на земле. Таковой с Богом беседует, во Христе просвещается!»^[217] Такое постепенное изменение покаянного плача в благодатные *слезы радости о Духе Святе* прекрасно изображает один современный подвижник христианства: «Слезы, проливаемые о грехах, сначала бывают горьки, изливаются при болезни и томлении духа, которые дух сообщает и телу. Мало-помалу начинает соединяться со слезами *утешение*, состоящее в особенном спокойствии, в ощущении кротости и смирения; вместе с этим, слезы, соразмерно и сообразно доставляемому утешению, сами изменяются, утрачивают в значительной степени горечь, истекают безболезненно или с меньшею болезнью. Сначала они бывают скудны и приходят редко, потом мало-помалу начинают приходить чаще и становятся обильнее. Когда же дар слезный усиливается в нас Божиею милостью, тогда укрощается внутренняя борьба, утихают помыслы, начинает действовать обильно *умная молитва* или молитва духа, насыщая и увеселяя внутреннего человека. Тогда слезы претворяются из горьких в сладостные. Тогда начинает действовать *духовное утешение*, которому ничего нет подобного между радостями земными и которое известно только упражняющимся в молитвенном плаче и имеющим дар слез»^[218]. «Тогда сбывается обетование Господа: *Блажени плачущий, яко тии утешатся* (Мф. 5: 4). Тогда приветствует себя подвижник по

внушению и удостоверению Святого Духа: *Храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя. Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодествова тя: яко изъят душу мою от смерти, очи мои – от слез и нозе мои – от поползновения* (Пс. 114: 5–7). Тогда подвижник, усматривая бессилие над собою греховных помыслов и ощущений, тщетно усиливающих подчинить его своему влиянию, дерзновенно говорит им: *Отступите от мене вси делающие беззаконие, яко услыша Господь моление мое, Господь молитву мою прият* (Пс. 6: 9–10)»^[219].

4. «Непрестанно плачущий, – говорит преподобный Исаак, – не может быть тревожим страстями. И если слезы плачущего и сетующего временно могут не только путеводить его к бесстрастию, но и совершенно очистить и освободить ум его от памятования страстей, что скажем о тех, которые с ведением день и ночь упражняются в сем делании?»^[220] «Тот поистине безопасен от падения, – отвечает святой Лествичник, – кто, вследствие памятования смерти и грехопадений, из телесных очей непрестанно орошает ланиты свои живыми водами»^[221]. «Имеяй непрестанный плач, – подтверждает Варсануфий Великий, – не уязвляется от брани отнюдь, аще и с человеки будет, аще и с женами блудницами»^[222]. Посему заключает преподобный Исаак: «Если приобретаем сию благодать, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то при помощи ее достигнем чистоты. Ибо от плача приходит человек к душевной чистоте. А как скоро достигнем ее, не отнимется уже у нас чистота до самого исхода нашего из жизни сей. Посему блаженны чистые сердцем, потому что нет времени, когда бы не услаждались они сею сладостью слез, и в ней всегда зрят они Господа. Пока еще слезы у них на глазах, они сподобляются зрения откровений Его на высоте молитвы своей»^[223].

5. «Умиление вселяет в нас Единородного Сына, когда вожделевает Его», – уверяет преподобный Ефрем Сирин. Умиление привлекает на душу Духа Святого^[224]. А преподобный Исаак подробнее объясняет, как подвижник через скорбный плач достигает последнего предела своих стремлений – *теснейшего единения с Богом*. «Скорбей ума, – говорит он, – достаточно к тому, чтобы заменить всякое телесное делание. Святой Григорий Богослов говорит: «Тот – храм благодати, кто в единении с Богом и всегда озабочен мыслью о суде Его. Что же значит иметь попечение о суде Его, как не искать всегда успокоения Его, как не печалиться, не заботиться непрестанно о том, что не можем достигнуть совершенства по немощи естества нашего? Иметь непрестанно печаль о сем – значит непрестанно носить в душе своей памятование о Боге, как сказал блаженный Василий Великий. Нерассеянная молитва производит в душе ясную мысль о Боге. И водружение нами в себе памятования о Боге есть *веселие в нас Бога*. Так соделываемся мы храмом Божиим. Вот попечение, и сердце сокрушенное служит уготовлением упокоения в Боге! Ему слава во веки! Аминь»^[225].

Необходимость покаянного плача для всех, ищущих спасения, и средства, возбуждающие такой спасительный плач

Неизбежность внутренних и внешних скорбей для достижения спасения возвещается во многих местах Священного Писания.

Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие, – говорит апостол Павел (Деян. 14: 22). *Христу, пострадавшему за ны плотью, и вы в ту же мысль вооружитесь*, – убеждает апостол Петр (1 Пет. 4: 1), *зане и Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его* (1 Пет. 2: 21). Потому, *аще с Ним терпим, с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2: 12), заключает апостол Павел; следовательно, неминуемо, если не терпим, то и не воцаримся (Рим. 8: 17). Внутренние скорби и внешние гонения слово Божие поставляет отличительным признаком истинно благочестивых христиан: *Вси, хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гонимы будут* (2 Тим. 3: 12). С другой стороны, вечное горе возвещается тем, которые проводят настоящую жизнь в удовольствиях и утехах: *Горе вам, смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачете* (Лк. 6: 25) – угрожает Господь Иисус. *Помяни*, сказано будет в загробной жизни всякому сластолюбцу, *яко восприял еси благая твоя в животе твоем; сего ради zde страждеши* (Лк. 16: 25)! И напротив, *блажени плачущии, яко тии утешатся* – обещает Господь Иисус (Мф. 5: 4). Итак, не одним отшельникам из мира приличны *плач и сетование*, но и всем христианам, искренно *ищущим Царствия Небесного*.

1. Для возбуждения спасительного плача нужно употреблять те же средства, какие испытаны древними и новыми великими подвижниками христианства и указаны выше, именно: бдения, пост, усиленные труды, чтение Писания, терпение всяких обид, молчание, самоуглубление, особенно – *представление смерти и вечных мучений* и всегдашнее *принуждение себя к плачу*, то есть частые воздыхания, скорби и сокрушения кающейся души *во время уединенной молитвы*. Все эти средства всякому доступны и удобно могут быть употребляемы, если не везде и не во всякое время, то, по крайней мере, в домашней жизни и особенно в ночное время, свободное от общественных занятий. Поэтому никто не может извинить себя в *бесчувственности и ожесточенности* своего сердца.

2. В мире еще чаще встречаются *невольные скорби*, нежели в отшельнической жизни. В мирской суете со всех сторон угрожают человеку несчастья: болезни и смерть родных, потеря богатства и довольства, бесчестия и обиды – все это неминуемые бедствия, и едва ли найдется человек, который бы в каждую минуту своей жизни не стонал под одним из поименованных или подобных бедствий. Подвиг христианина – не в том, чтобы *хладнокровно*, с бесчувственностью встречал он подобные невольные страдания, но в том, чтобы *с терпением* и крепкою верою в Промысл Божий переносил оные, а существенная заслуга – в том, чтобы принимал от карающей десницы Божией всякие бедствия, как заслуженное наказание за свои грехи, и – умудрялся ими во спасение свое: *Всякое бо наказание*, – говорит апостол, – *в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздаст правды* (Евр. 12: 11).

3. В мире тщеславия спасаются *бесчувственностью сердца* – как бы всегдашним присутствием и величием духа. Но кто из благоразумных людей безутешную скорбь

сироты, слезы отца, или матери о потере дорогих детей, или что-либо подобное назовет *малодушною слезливостью*? Без всякого сомнения, плач украшается *стыдливостью и уединением*, но он не должен быть подавляем бездушными мирскими приличиями и каким-то бесчувственным, *мнимым великодушием*. Христианин и эти слезы чувствительности самой природы может и должен обращать в *спасительный плач* через молитвенное посвящение их Богу – Спасителю. Изливай свою безутешную скорбь души о потере дорогих тебе лиц, но изливай ее горячими слезами в *молитвенных воззваниях* к Богу – Утешителю, и ты нечувствительно утвердишься в отрадной преданности премудрому и всеблагому Промыслу Божию, и скоро получишь облегчение и утешение в своей горести! *В день скорби моя воззвах к Тебе*, – исповедует псалмопевец, – и Ты *услышал мя еси* (Пс. 85: 7)!

4. Есть *иного рода скорби*, редко вызывающие слезы, но весьма часто подавляющие собою самый пламенный дух. Это непредвидимые неудачи в житейских оборотах, несчастья и гонения по службе, неудобства и скудость содержания при самых усиленных трудах, а иногда – неблагодарность и преследования от злых людей за самые благонамеренные дела. Как принимать такие скорби, сопровождающие честный труд и самую бескорыстную добродетель? О, это – *святые страдания*, уготовляющие нетленный венец вечной жизни праведнику! *Аще страждете правды ради, блаженни есте* (1 Пет. 3:14), говорит слово Божие, *яко славы и Божий Дух на вас почивает* (1 Пет. 4: 14). *Радуйтесь и веселитесь*, – взывает таковым страдальцам Господь Иисус, – *яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5: 12)! Не забудем учения святых отцов, которые утверждают, что достоинство и заслуга всякой добродетели заключается не в благотворности последствий доброго дела, ни даже в святом услаждении совести, а единственно в величии той скорби, с какою совершается какая-либо добродетель (Рим. 5: 3–5).

5. Молитвенные слезы, по учению святых отцов, служат *самым верным* и очевидным для всякого *признаком исправления жизни*. «Начало доброго жития, – говорит преподобный Ефрем, – слезы во время молитвы»^[226]. То же утверждают преподобный Симеон, Исаак Сирий и многие другие, как выше показано. Поэтому пусть никто не обольщает себя и других не вводит в обман своим, как кажется ему, *чистосердечным раскаянием*, пусть не ожидает *достойных плодов покаяния*, пока не оросит оно *молитвенными слезами*!

6. В свете люди чаще всего страдают и погибают от *самообольщения*: ищут *блаженства* там, где его нет и не может быть, и – *боятся страха, идеже не бе страх* (Пс. 13: 5). Досужие поэты и романисты, погруженные в корыстные расчеты экономисты, купцы-миллионеры, богачи-миролюбцы и мнимые философы-материалисты наполнили наш *плачевный мир райскими призраками*, и – большая часть одаренного разумом человечества целую жизнь гоняется повсюду за этими *призраками блаженства*, которое с первых дней мира навсегда улетело с *земли на небо*!.. Но кто из нас, сколько-нибудь испытав мирских наслаждений, не дознал собственным опытом, что в мире *каждое наслаждение отравлено горечью*? Поверим же Соломону, который испытал почти все возможные удовольствия в мире и – сознается, что *все – суета и крушение духа*!.. Где же *святая радость*, то *истинно райское блаженство*, которых повсюду с жаждою ищет наш бессмертный дух? К изумлению нашему – в скорби, в страданиях, в непрестанном сокрушении сердца, в *молитвенных слезах*!.. Кто из миролюбцев может поверить этому?.. Но ужели не достойны вероятия *мужи, ихже не бых достоин весь мир* (Евр. 11: 38): Великие Василий, Антоний, Макарий, Златоусты, Ефремы, Исааки и – бесчисленный сонм

святых подвижников христианства? Ужели не по собственному опыту говорит богодухновенный царь – пророк: *По множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93: 19), – и восхищенный до третьего небесе апостол: *Радуюся во страданиях моих* (Кол. 1: 24), *якоже бо избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. 1:5)?..

Итак, кто хочет искать святой радости и блаженства на земле, тот ищи их в молитвенных слезах!

О чревоугодии и воздержании

Что такое порок чревоугодия, по учению святых отцов

Потребность пищи и питья вложена телесной природе нашей и умеренное удовлетворение этой потребности законно и необходимо. «Каким образом усиливаетесь разлучиться со мной? – вопиет у святого Лествичника чревоугодие. – Я связана с вами естеством. Мне дверь – свойство снедей, причина моей ненасытности – привычка, основание моей страсти – предварительный навык, бесчувствие души и непамятование смерти»^[227]. Таким образом, имея основание в самом естестве и преступая пределы умеренности, чревоугодие обращается в страшный и унижительный порок, – под следующими видами, по указанию святого Иоанна Лествичника:

1. Ничем не насыщающееся *обжорство*. «Чревоугодие есть лицемерие чрева, потому что, пресыщенное, жалуется оно на скудость; переполненное и едва не расторгаемое, вопиет, что оно голодно»^[228].

2. Прихотливое и многоизобретательное *сластолюбие*. «Чревоугодие есть изобретатель приправ, источник сластей. Преградил ты струю – возникает в другом месте; пресек и эту – иная одолевает тебя»^[229].

3. Неудержимая и завистливая жадность в любимой пище. «Когда видишь, – объясняет преподобный Иоанн Провидец, – что помысел твой услаждается представлением снедей и понуждает тебя непременно всех предупреждать, или придвинуть к себе какую-нибудь снедь – это есть (порок) чревообъядения»^[230]. «Чревоугодие, – как характеризует в этом отношении святой Лествичник, – есть обман для глаз: принимает в меру, а предполагает все проглотить в один раз»^[231].

4. Неукротимое, более и более свирепеющее *чревонеистовство*. «Приласкавший льва, – говорит святой Лествичник, – нередко укрощал его, а угодивший телу (чреву) сделал его еще более свирепым»^[232].

Предлоги к чревоугодию

Страсть чревоугодия, низкая и безобразная в настоящем своем виде, любит покрывать себя благовидными предлогами. Но бого мудрые отцы-подвижники обнаруживают ее под всяким благовидным покровом и учат нас, неопытных, удаляться от приманок чревоугодия.

1. Обыкновенный предмет к чревоугодию – воображаемая слабость тела и малодушное опасение насчет своего здоровья. Против этого предлога святой Лествичник узаконяет: «Пока плоть во всей еще силе, будем ее изнурять во всякое время и на всяком месте; когда же оно усмирилось (чего не полагаю возможным до гроба), тогда будем скрывать свое делание»^[233]. «Возобладай над чревом, пока оно над тобою не возоблададо; иначе и воздержание кончится стыдом»^[234].

2. Нередко оправдывает себя чревоугодие примером и благословением неопытных пастырей и духовников. «Видел я, – говорит преподобный Иоанн, – престарелых иереев, вовлеченных в обман демонами, и они юным, которые были у них в подчинении, на пиршествах, с благословением разрешали на вино и прочее. Если разрешающие засвидетельствованы о Господе, – советует на этот случай святой отец, – то и мы разрешим в меру. Если же они нерадивы, то не будем домогаться их благословения, особливо же когда плотская брань наша в самом пылу»^[235].

3. Часто гостеприимство и странноприимство служат благовидным предлогом чревоугодию. «Если пришел странник, – говорит святой Лествичник, – то чревоугодик весь подвигнут к любви из чревоугодия и разрешение для себя почитает утешением брату. Рассуждает, в чьем присутствии разрешить на вино, и, думая скрыть добродетель, делается рабом страсти»^[236].

4. Почти всегда чревоугодие христианские праздники и дни всеобщего духовного веселия поставляет как будто в законное извинение себе. «Иудей радуется субботе и празднику, – описывает святой Лествичник, – а христианин-чревоугодик – субботе и дню воскресному, заранее вычисляет день Пасхи и за несколько дней готовит уже снеди. Раб чрева высчитывает, какими снедями будет праздновать, а раб Божий – какими дарованиями обогатится»^[237]. «Время веселия и утешения совершенному – отложение всякого попечения, подвижнику – время борьбы, рабу страстей – праздников праздник и торжество торжеств»^[238].

5. Иногда является несвоевременный и неестественный позыв на пищу, который, как бы некоторая необыкновенная болезнь, требует непременно удовлетворения. «Хотеть есть прежде времени – явный признак страсти чревообъядения», – уверяет преподобный Иоанн Провидец^[239]. Отчего же бывает этот болезненный голод? «Знай, – отвечает святой Лествичник, – что часто демон вселяется в желудок и делает, что человек не насыщается, хотя бы объел весь Египет и выпил реку Нил. Но, по принятии пищи, сей нечистый дух удаляется»^[240]. Посмейся демону, который, по вечерам, внушает тебе мысль впредь позднее принимать пищу, ибо на следующий же день, при наступлении девятого часа (т. е. около 3-го пополудни), отречется от распоряжений предыдущего дня»^[241].

6. «Нередко тщеславие объявляет вражду чревоугодию, – открывает святой Лествичник, – и ссорятся они между собою за бедного подвижника, как за купленного раба. Одно принуждает разрешить, а другое предполагает выставить на вид свою

добродетель»^[242]. Как поступать в таком опасном положении? «Когда тщеславие сильно восстает против нас, – учит блаженный Диадок, – находя случай к обнаружению своего злого свойства в прибытии некоторых братий или какого-нибудь странника, тогда полезно делать в надлежащей мере послабление обыкновенной диете. Ибо через сие и демона заставим отойти без успеха, и даже жалеть о своем покусении, и исполним закон любви в точности, и через послабление не откроем тайны воздержания»^[243].

Гибельные следствия чревоугодия в нравственном отношении

Святые отцы-подвижники признают страсть чревоугодия самою главною из страстей и источным началом всего мерзкого и унижающего природу богоподобного существа. «Князь демонов – падшая денница, – говорит святой Лествичник, – и главная из страстей – алчность чрева»^[244]. «Началом всему худому, – утверждает преподобный Исаак, – служат упокоение чрева и расслабление себя сном, возжигающее блудную похоть»^[245]. Странно читать у святого Лествичника одно перечисление пороков, вытекающих из этой страсти. «Домогаетесь узнать, как имена моим исчадиям! – восклицает у него чревоугодие. – Перечту их, и превзойдут числом песок. Выслушайте, по крайней мере, как именуются мои первенцы и любимые чада. Первородный сын мой – приспешник блуда, второй по нем – жестокосердие, а третий – сонливость; от меня происходит море помыслов, волн скверн, бездна неведомых и неименуемых нечистот. Дочери мои – леность, многословие, вольность в речах, смехотворство, острословие, жестоковыйность, упрямство, бесчувственность, пленение, высокомерие, дерзость, щегольство, за которым следует нечистая молитва, крушения помыслов, нередко же неожиданные и внезапные несчастья, с которыми тесно связано отчаяние – эта самая злая из всех моих дочерей»^[246].

От чревоугодия неминуемо возникает лютая брань плотской похоти. «Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, – изображает преподобный Исаак, – так от сытости – распутство, и от пресыщения – нечистота. Всякая поглощаемая снедь прибавляет собою влаг и делается естественною в нас крепостью. Если станем разыскивать, то непременно найдем, что одно чрево доводит нас до крушений, бывающих с нами»^[247]. Посему убеждает святой отец: «Изо всех сил борись с чревом и со всею трезвенностью воздерживай его. Если потрудишься немного, то Господь вскоре будет твоим содейственником»^[248].

Необходимость и значение поста в деятельном христианском благочестии

1. Пост, по учению святых отцов, есть необходимое условие благочестивой подвижнической жизни, так что аскет-христианин, нарушая его, отрекается тем самым от подвижничества, которое на языке святых отцов называется *постничеством*. «Если дал ты обет Христу – иди путем тесным и узким, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – то утесняй чрево: потому что, угождая ему и расширяя его, нарушаешь свои условия. Вникни и услышишь, Кто говорит: пространнй и *широкий* путь чревоугодия, *вводяй в пагубу* блуда, и мнози *суть входящи им*; что узкие врата, и тесный путь поста, *вводяй в живот* непорочности, и мало их есть, иже входит им (Мф. 7: 14)^[249].

2. Неизбежная необходимость поста в деятельном христианском благочестии открывается из следующих опытов святых отцов-подвижников: «Плоть и дух противоборствуют друг другу, – говорит Василий Великий. – Из грубой пищи, наподобие густого облака, выходят как бы дымные испарения и преграждают путь озарениям Святого Духа, освящающим ум. Поэтому, если хочешь сделать крепким ум, обуздай плоть постом. Это и значит то самое, что сказал апостол: В какой мере *внешний человек тлеет*, в такой *внутренний обновляется* (2 Кор. 4: 16), – и еще: *Егда немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12: 10)^[250]. Еще осязательнее доказывает необходимость поста блаженный Диадок. «Сатана, – говорит он, – поелику не может, по причине присутствия благодати, возгнестись, как прежде – до крещения – в уме подвижающихся, то влетает во влажную часть человека и поселяется в теле, чтобы через удобопослушность его уловлять душу. Почему надлежит иссушать тело в должной мере, чтобы, по его влажности, ум не поскользнулся и не падал в приманчивые удовольствия»^[251]. После всего этого неизбежно заключение святого Лествичника: «Не вводи себя в обман! Не освободишься от фараона и не узришь горней Пасхи, если не будешь всю жизнь вкушать горькие зелья и опресноки. А горькие зелья – это принуждения и труд поста; и опресноки – это ненадмевающееся мудрование. Да сольется с дыханием твоим слово того, кто говорит: *Аз же, внегда стужаху ми* демоны, *облачахся во вретнице и смирах постом* душу мою, и *молитва моя в недро мое возвратится* (Пс. 34: 13)»^[252].

3. Пост, по учению святых отцов, имеет значение самого необходимого и могущественного *средства* в деятельной благочестивой жизни. «Пост похвален сам в себе, – говорит блаженный Диадок, – но не у Бога. Он есть как бы орудие, настраивающее желающих в трезвости. Итак, подвижники благочестия не должны много полагаться на него, но в вере Божией ожидать совершения обета нашего. Ибо и сведущие в искусствах каких бы то ни было никогда по *орудиям* не хвалятся успешностью занятия своего, но каждый из них ожидает, когда на самом деле явится произведение его, чтобы из оногo открыть точность искусства». Но это *орудие* – основное и всеобъемлющее^[253]. «Всем известно, – говорит преподобный Исаак, – что всякой борьбе со грехом и вожделением служат началом труд, бдение и пост. Пост – основание всех добродетелей. Пост с рассудительностью – обширная обитель для всякого добра. А кто нерадит о посте, тот приводит в колебание все доброе, потому что пост был заповедью, вначале данною нашему естеству в остережение при вкушении пищи, и нарушением поста пало начало нашего создания. Но в чем состояло первое уничижение, с того начинают подвижники

преуспевать в страхе Божиим. С этого начал и Спаситель. Подобно и все исходящие вослед Спасителя на сем основании утверждают начало своего подвига, потому что *пост есть орудие*, уготованное Богом. До поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал поражения своего от нашего естества, но от сего оружия изнемог в самом начале. И Господь был вождем и первенцем сей победы, чтобы на главу естества нашего возложить первый победный венец. И как скоро диавол видит сие оружие на ком-нибудь из людей, тотчас приходит в страх сей противник и мучитель, медленно помышляет и вспоминает о поражении своем в пустыне Спасителем, и сила его сокрушается, и воззрение на оружие, данное нам Началом – вождем нашим, попадает его. Какое оружие сильнее этого? И что предает столько смелости сердцу в борьбе с духами злобы, как алчба ради Христа? Ибо, в какой мере утруждается и злостраждет тело в то время, когда окружает человека полк демонский, в такой мере сердце исполняется упованием. Облеченный в оружие поста во всякое время располагается ревностью. Кто пребывает в нем, у того ум непоколебим и готов сретить и отразить все лютые страсти»^[254]. Преподобный Иоанн Колов объясняет видимым подобием такое могущественное действие поста. «Если царь, – говорит он, – захочет взять неприятельский город, то прежде всего удерживает воду и съестные припасы, и, таким образом, неприятели, погибая от голода, покоряются ему. Так бывает и с плотскими страстями. Если человек будет жить в посте и голоде, то враги, ослабев, оставят душу его»^[255]. «А кто угождает чреву своему, – прибавляет святой Лествичник, – и намерен преодолеть дух блуда, тот подобен старающемуся потушить пожар маслом»^[256].

Наконец пост, как умерщвление в себе ветхого человека, имеет, по учению святых отцов, заслугу бескровного мученичества. «Если хочешь ликовать вместе с умученными за Христа, – возбуждает святой Геннадий, патриарх Константинопольский, – то предай тело твое посту, волю отдай на поправление перед волею Божиею, утробу на алчбу, сердце на крепость, кровь на пролитие, если не на внешнее, то на внутреннее, то есть иссуши ее сухоядением – да примешь обещанные блага»^[257].

В чем именно состоит пост, по учению святых отцов, и какие способы приучить себя к нему

«Пост, – определяет святой Лествичник, – есть принуждение естеству и отсечение услаждающего гортань»^[258]. «Надлежащий пост, – по учению преподобного Фалласия, – есть то, когда едим мало, употребляем простую пищу и удаляемся человекоугодия. Постись до самого вечера, – узаконяет святой отец, – не пресыщайся постом, чтоб не созидать опять того, что разрушаешь. Не пей вина, но и не пресыщайся и водою, иначе то же вещество доставляешь блуду»^[259].

Из этого открывается, что пост в деятельном благочестии есть непрерывное, никогда не ослабное, но постепенное и благоразумное умерщвление самых вопиющих потребностей нашего бренного естества!

Чтобы благочестивый христианин поучал себя к такому непрерывному посту, для этого святые отцы-подвижники предлагают следующие способы:

1. Наблюдать благоразумную постепенность в выборе и количестве снеди. «Когда душа наша вожделевает разных снедей, – рассуждает святой Лествичник, – тогда требует она свойственного естеству. Поэтому против всеухищренного врага употребим и мы хитрость; в противном случае предстоит нам самая тяжкая брань или падение. Будем устранять от себя сперва *утучняющие*, потом *разжигающие*, а после уже и *услаждающие* снеди. Если можно, давай чреву своему пищу сытую и удобоваримую, чтобы насыщением удовлетворить ненасытной его алчности, а при скором переваривании, как от бича, избавиться нам от разжжения. Если обратим внимание, то найдем, что большая часть снедей, *надмевающих тело*, возбуждает в теле сильнейшие движения»^[260]. «За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись», – советует наш отечественный подвижник, затворник Серафим^[261]. «Принимать пищу можно и дважды в день, – дозволяет Великий Варсануфий, – вкушай ее благочинно и со страхом Божиим, и – без сомнения, не будешь осужден. Сие значит, что ничего не должно вкушать *по похотению*, но когда имеешь, чего требует естество, и притом так, чтобы после пищи и питья чувствовать позыв на пищу»^[262]. Это *довольство без излишества* – начало святого поста.

2. Сообразовать пост с телесными силами. «Воздержание для каждого должно быть определяемо по его телесной силе, – узаконяет Василий Великий, – чтобы не останавливаться на том, что ниже силы, какая есть в человеке, и не простирается до того, что выше силы»^[263]. «Если, получив достаточную пищу, тело не может послужить в делах благочестия, – говорит преподобный Иоанн Провидец, – а не напитай его, боишься немощи, то держись среднего, не восходя слишком высоко и не спускаясь слишком низко, и исполнится Писание, которое говорит: *Не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4: 27). Давай телу несколько менее против требования его: ибо путь отеческий состоит в том, чтобы вообще в пребывании своем не отягощаться ни питьем, ни пищею»^[264]. «Делать по силе своей, – объясняет вообще Великий Варсануфий, – значит употреблять несколько менее надлежащего и пищи, и питья, и сна»^[265]. Но насколько именно должно сокращать прием обыкновенной пищи? И это определяет преподобный Иоанн Провидец: «Всякий должен определить себе меру, как в вареной пище, так в вине и вообще в питии; например, если кто-нибудь постоянно пьет воды по три чаши в день и ест по одной литре (3/4 фунта) хлеба, то должен из трех чаш отказывать себе в половине одной и в пище также, вместо

целой литры употребить литру без одной унции»^[266]. Так приучался к посту блаженный Досифей, именно: сократив обыкновенный, очень достаточный прием пищи восьмою долей, а питья – шестою, он употреблял эту сокращенную порцию до тех пор, пока привыкал к ней и находил себя совершенно довольным ею, потом опять сокращал в прежней порции и – привыкал, пока, наконец, остановился на 1/4 фунта хлеба»^[267].

3. Усиливать обычное воздержание при возбуждении плотских страстей. «Когда страсть высится, – советует преподобный Ефрем, – тогда да будет усилен Божественный глад, то есть пост; но да соизмеряется он с силами объемлемого страстью, потому что страсть исцелит только продолжительный труд»^[268]. «Когда берет тебя страсть чревоугодия, – предостерегает преподобный Иоанн Провидец, – то всеми силами подвизайся Бога ради не давать телу столько, сколько оно требует»^[269]. Именно: «Когда чувствуешь брань, должен уменьшить количество пищи на одну унцию и в питии также ограничить себя»^[270].

4. Избегать чрезмерного, расслабляющего поста даже во время плотской брани. «Остерегайся, – предостерегает преподобный Исаак, – чтобы не изнемогло слишком тело твоё, и оттого не усилилось против тебя нерадение, и не охладило душу твою. Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое. В то время, когда насыщаешься, остерегайся давать себе и в малом свободу. Да будет целомудренно сидение твоё во время удовлетворения потребностей. Наипаче же во время сна своего будь целомудрен и чист и строго наблюдай не только за помыслами, но и за членами своими»^[271]. «До крайности простертый пост и пресыщение пищей предосудительны, – говорит преподобный Ефрем, – потому что и далеко простертое воздержание, и наполнение себя пищей одинаково худы.

Посему должно в меру все срастворять, чтобы совершенно неумеренностью не поколебать ревности. В плотском воспламенении не всякое движение происходит от злокозненности демона, но бывает иногда, что при крайнем воздержании происходит движение, когда сухие и горячие дыхания возбуждают естество – так признано искуснейшими испытателями естества. Посему должно в меру срастворять тело принятием пищи, чтобы при совершенной неумеренности подвижнику не терпеть насилий от движений плоти»^[272]. «Коварные демоны, – уверяет преподобный Исидор Пелусиот, – внушают не только чревоугодие, но и чрезмерные посты: ибо они знают, что ненасыщенный либо падет в гордость от мысли, что он совершеннее сподвижников своих, или так расслабит телом, что будет бесполезен и для себя, и для других; и когда болезнь от времени усилится, то отпадет от веры, предастся отчаянию и начнет богохульствовать»^[273].

5. Принимать пищу ежедневно. Великий подвижник авва Пимен советует: «Надобно, по моему мнению, есть каждый день, но есть немного, не досыта. Отцы постились по три дня, и по четыре, и даже по неделе, но все это испытали, как сильные в добродетели, и нашли, что лучше есть *каждый день по немногу*, и показали нам путь *царский*, ибо он удобнее для нас»^[274]. А преподобный Феодор Студит доказывает, что такой пост несколько не унижает величия подвига: «Аще случится рещи кому, якоже ясти на всяк день единою, не ниспадет ли тако от совершенства воздержания? – Нет, да не убоится: аще было то сице, не бы повелех нам Христос в молитве – *Отче наш*, просите нужную пищу *на всяк день*; или не приносил бы вран пророку Или на всяк день пищу, ниже божественному Павлу Фивейскому, ниже великий Антоний предпочел бы ясти по малу на всяк день, паче неже да пребудет постен три, и четыре дня, и семь. Убо еже на всяк день питатися, несть несовершенных, но и зело совершенных, по правилу и чину, егоже

показахом: обаче добре и боголюбне суть вся наша от божественных отец исправлена»^[275].

6. В случаях общего торжества или радушного гостеприимства как должен добрый христианин *есть и пить все во славу Божию*? «Когда кто славит Бога памятованием о Благодетеле, – отвечает Василий Великий, – и таким душевным расположением, при котором телесное положение свидетельствует, что человек вкушает не беззаботно, но как бы имея зрителем Бога, а равно и целью вкушения, когда ест не для удовольствия, как раб чрева, но как делатель Божий, для бодрости в делах, совершаемых по заповеди Христовой»^[276].

7. При случайных излишествах и неосторожном невоздержании не скорбеть о нарушении поста, а стараться вознаградить его. «Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах, – рассуждает затворник Серафим, – и терпеть свои недостатки, как терпим других, но не обленяться и побуждать себя к лучшему. Употребил ли пищи много или что другое подобное сему, сродное слабости человеческой, сделал, не возмущайся сим, и не прилагай ко вреду вред, но мужественно подвигни себя к исправлению, а между тем старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *Блажен, не осуждаяй себе, о немже искушается* (Рим. 14: 22)^[277]. Авва Силуан и ученик его Захария пришли в один монастырь, где упросили их вкусить немного пищи на дорогу. Когда вышли они из монастыря, ученик увидел воду на дороге и хотел пить. Старец говорит ему: «Захария, ныне пост!» – «Разве мы, отец, не ели?» – отвечал ученик. – «Ели, но это было дело любви, – сказал старец, – а теперь, сын мой, должны мы соблюсти пост свой»^[278]. Когда авве Макарию случилось быть с братиею, он полагал себе за правило: если будут пить вино, выпить для братии, но за один стакан вина целый день не пить воды! Поэтому когда братия для подкрепления давали ему вина, старец с радостью принимал оное, чтобы после мучить себя»^[279]. Вот так поступали великие постники.

8. При расслаблении тела от подвигов либо от болезни вовсе не держать поста. «Тело, изможденное подвигами или болезнями, – учит затворник Серафим, – должно подкреплять умеренным сном, пищею и питьем, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскрешении дочери Иаировой от смерти, тут же повелел *даты ей ясти* (Лк. 8: 55)^[280]. «Что такое пост, – рассуждает Великий Варсануфий, – как не наказание тела для того, чтобы усмирить тело здоровое и сделать его немощным для страстей, по слову апостола: *Егда немощствую, тогда силен есмь?* (2 Кор. 12: 10) А болезнь, более сего наказания и вменяется вместо поста и даже более: тому, кто переносит ее с терпением, благодарит Бога и через терпение получает плод спасения своего; ибо вместо того, чтобы ослаблять ему тело постом, оно уже и без того болезненно. Благодарю Бога, что ты (болезнью) освободился от труда поститься. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься, ты не будешь осужден за это, ибо поступаешь так не по внушению демонскому и не по расслаблению помысла, но случается сие с нами к испытанию нашему и к душевной пользе»^[281].

9. К укрощению чрева способствуют, по указанию святого Лествичника, труды, бдение и памятование смерти. «Когда будет одолевать тебя голод, – наставляет он, – укрожай его трудами; если же невозможно сие по немощи, борись с ним бдением. Если глаза отяжелели берись за рукоделие, но если нет сна, не касайся до рукоделия: потому что невозможно занять ум Богом и мамоною, то есть и Богом, и рукоделием»^[282]. «Садясь за трапезу, наполненную яствами, изведи на средю памятование смерти и суда, ибо едва и сим образом остановишь несколько страсть. Вкушая питье, не переставай представлять

оцет и желчь Владыки твоего и, без сомнения, или воздержишься, или воздохнешь, или смиришь несколько мудрование»^[283].

10. Наконец, нужно помнить, что поелику потребность пищи есть самая необходимая потребность нашего бренного естества, то, как говорит святой Лествичник: «Ничто совершенно не истребляет чревоугодия в людях. Кто приял Утешителя, тот Им поборает оное, и умоленный таким человеком Утешитель не попускает чреву действовать страстно»^[284]. «Никто не освобождается от чревоугодия, – подтверждает Варсануфий Великий, – кроме пришедшего в меру того, который сказал: *Забых снести хлеб мой. От гласа воздыхания моего прильпе кость моя плоти моей* (Пс. 101: 5–6). Такой скоро достигнет уменьшения пищи и питья, ибо слезы служат ему хлебом, и наконец доходит до того, что питается Духом Святым. И тогда плоть сия последует помыслу по Богу, и является радость Духа в сердце, питая ту душу, и утучняя тело, и укрепляя их обоих, и такой человек уже не ослабевает и не унывает: ибо Иисус отселе бывает ходатаем о нем, и поставляет его близ предверия там, *отнюдуже отбеже всяка болезнь, печаль и воздыхание* (Ис. 51: 11), и исполнится на нем слово Писания: *Идеже сокровище твое, ту и сердце твое* (Мф. 6: 21)»^[285].

Свойства истинного поста

1. Истинный пост полагает свою печать на все внешнее и внутреннее поведение подвижника. «Мера воздержания, – говорит преподобный Иоанн Провидец, – не ограничивается только пищею и питием, но простирается и на разговоры, и на сон, и на одежду, и на все чувства – во всем этом должна быть мера воздержания»^[286]. «Как скоро начнет кто поститься, – описывает преподобный Исаак, – вожделевает уже умом своим прийти в вожделение собеседования с Богом. Ибо тело постящееся не терпит того, чтобы целую ночь проспать на постели своей. Когда на уста человеку налагается печать постов, тогда помысел его поучается в умилении, сердце его источает молитву, на лице у него грусть, и срамные помыслы далеки от него, не видно веселости в очах его, враг он похотений и суетных бесед. Никто никогда не видел, чтобы рассудительный постник стал рабом худого вожделения»^[287]. «Кто старается быть чистым во всех членах своего тела, – говорит Антоний Великий, – кто истинно благочестив и удаляется всего, что оскверняет тело, тот может сказать с Давидом: *Вся кости моя рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе?* (Пс. 34: 10); такой человек обуздывает все свои чувства, не позволяет им господствовать над собою, и возлагает на них иго Господне. Он не позволяет взорам своим обращаться ко злу и не смотрит на женщину с похотью, не обращает слуха своего к клевете, ко внушениям диавола, и ко всем его мыслям, которые он влагает в душу – напротив, он всегда внимателен к спасительным наставлениям Иисуса Христа и приносит собою приятное благоухание Ему. На уста свои он налагает печать молчания и не позволяет им произносить слова безрассудные. Руки свои он обращает на дела милосердия и истины. Его ноги ходят для исполнения заповеди Господней: *Аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два* (Мф. 5:41)».

2. Правильный пост совершенно чужд тщеславия и расслабления. «Касательно поста скажу, – учит Варсануфий Великий, – осяжи сердце твое, не окрадено ли оно тщеславием, и если не окрадено, осяжи вторично, не делает ли тебя пост сей немощным в исполнении дел, ибо немощи этой не должно быть; и если и в том не вредит тебя – пост твой правильный»^[288].

Испытывая расслабление от поста, нужно помнить, что немощь бывает и естественная, и от демонов: если тело, принимая повседневную пищу, расслабевает, – учит святой отец, – это от демонов; в противном случае, это немощь естественная»^[289]. О тщеславии же в пост вот что говорил преподобный Исидор: «Если подвизаетесь в посте как должно, не гордитесь. Если же тщеславитесь сим, то лучше ешьте мясо: ибо не так вредно для человека есть мясо, как гордиться и надмеваться»^[290].

3. В посте должно мужественно и благоразумно удаляться от всякого человекоугодия. Прекрасные наставления об этом предлагает преподобный Иоанн Провидец: «Ходя в премудрости, принимай всех, не подавая никому соблазна, по примеру апостола, сказавшего, что он был угоден и иудеям, и эллинам, и Церкви Божией (1 Кор. 10: 32). Время наше уклонилось к телесному покою и к насыщению чрева, которые рождают все страсти; храни же себя от приходящих по такому поводу, мирские ли то будут, или братия, или отцы. Когда случится прийти им, то не слишком угощай их и не совсем отвергай; когда же будет человек, приходящий собственно с этой целью, то устранись от него: полезнее тебе, чтобы тебя называли *скупым*, когда ты не таков, нежели чтоб называли *сластолюбцем*. Итак, принимай всех с приличной приветливостью, показывая лишь вид,

что вкушаешь наравне со всеми, вкушая, однако же, менее надлежащего. А если кто будет принуждать тебя, скажи ему:

«Апостол говорит: *не упивайся вином, в немже есть блуд*» (Еф. 5: 18)»; отцы говорят: «Молим всякого человека, хотящего спастись и принести покаяние Богу, сохранить себя от излишнего потребления вина, которое рождает все страсти!» Сохраняй себя от тех, которые говорят: «Если ты не пьешь, то и я не стану пить, если ты не ешь, то и я не стану есть!» – «И со всяким смиренномудрием проси такого, говоря: «Апостол сказал: *Ядый да не укоряет неядущаго, Господеви бо не яст: и не ядый ядущего да не осуждает, Господеви бо яст и славит Бога* (Рим. 14: 3–6), – и как то и другое делается во славу Божию, то оба они и честны у Бога. А потому пусть каждый, ради любви Божией, вкушает и пьет, сколько ему угодно, а меня, сделайте милость, не принуждайте, ибо я немощен и не могу более». Итак, будь благоразумен в отношении приходящих: тебе надобно иметь разумение и мудрость, дабы о каждом познать, для чего и как пришел он: ради ли Бога, или ради пищи»^[291].

4. В пост всячески должно избегать осуждения непостящихся, равно как и вкушающие не должны порицать постящихся. Тот же преподобный Иоанн Провидец наставляет вкушающих: «Почему вы не думаете о братьях постящихся хорошего, в назидание свое говоря себе: «Мы нерадим, а братья наши воздерживаются», – равно как и братья, ранее встающие из-за трапезы, должны помышлять о вас хорошее, говоря: «Горе нам! Мы встаем по немощи, а братья наши, хотя и более нас едят, но от сего не получают вреда, ибо все делают с рассуждением». Таким образом, и те, и другие избегают угрозы, заключающейся в изречении Господнем: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7:1), и не нарушают слов апостола: *Ядый не ядущаго да не укоряет* и проч... (Рим. 14: 3)»^[292].

5. Телесный пост облегчается постепенным навыком к воздержанию, он не имеет никакой заслуги без поста внутреннего – духовного. «Кто обременяет чрево свое пищею, – говорит святой Лествичник, – тот расширяет свои внутренности; а кто борется с чревом, тот сжимает их. Когда же внутренности сжаты, тогда немного будут принимать в себя, и естественно уже делаемся мы постниками»^[293]. «Но если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, – уверяет Варсануфий Великий, – то напрасно он трудится во внешнем посте! Потому-то Господь и сказал: *Не входящее в уста сквернит человека, но исходящее из уст* (Мф. 15: 11). Ибо внутреннее делание с болезнью сердечною производит истинное безмолвие сердца»^[294]. Посему советует святой отец: «Что касается до внешнего поста, то преклони выю твою, вспоминая жизнь отцов и их бдения, смиришь сердцем и, если можешь, потерпи до девятого часа (т. е. до трех по полудни), а если не можешь, то не заботься; старайся же сохранять пост внутреннего человека, исполняя заповедь: *Еже не снести от древа*, – и предохранять себя от других страстей. Сей пост внутреннего человека приятен Богу, и вознаградит для тебя недостаток телесного поста»^[295].

Плоды святого поста

Многие и разнообразные блага доставляет подвижнику святой, благоразумный, истинный пост. Отцы Церкви не находили достаточно слов для подробного описания всех благотворных действий его. «Возлюби прекраснейший пост – дело досточестное и богоугодное! – возбуждает преподобный Ефрем. Пост – колесница, возносящая на небо. Пост ограждает искушения, умащает на подвиг благочестия; он сожитель трезвости, виновник целомудрия. Пост возводит молитву на небо. Пост – мать здоровья. У постящихся тело честно, и душа драгоценна. Пост – мир в домах. Пост – попечитель и предохранение девства. Пост – путь к покаянию. Пост – виновник слез»^[296]. «Пост – пресечение разжжения, – продолжает святой Лествичник, – искоренение лукавых мыслей, освобождение от сонных мечтаний, чистота молитвы, светильник души, хранение ума, избавление от слепоты, дверь умиления, смиренное воздыхание, веселящееся сокрушение, упразднение многословия, повод к безмолвию, страж послушания, облегчение сна, здоровье тела, снабдитель бесстрастия, отпущение грехов, и райская дверь, и утеха»^[297]. «Трапеза пребывающего всегда в посте, – дополняет преподобный Исаак, – сладостнее всякого благоухания мускуса и благовония от мира. На трапезе среди постящихся, освящая их, возлежит Возлюбленный, и горечь злострадания их претворяет в неисповедимую сладость; духовные же и небесные служители Его осеняют их и святые их яства. И я знаю одного из братий, который ясно видел это собственными глазами. Блажен, кто заградил себе уста от всякого сластолюбия, отлучающего его от Создателя! Блажен, кому пищу – хлеб, сшедший с неба и даровавший жизнь миру! Блажен, кто на поле своем узрел орошение жизни, по милосердию исходящее из недр Отчих, и к Нему возвел око! Ибо когда испиет оно, возвеселится, и процветет сердце его, и будет в веселии и радости»...

О помыслах

Не только за грехи, сделанные на самом деле, Господь будет судить, но и за греховные помыслы, которые пожелает человек исполнить, как сказано в святом Евангелии: *Всяк, иже воззрит на жену, ко еже возжелити ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5: 28). А равно, если кто на кого имеет злобу, хотя бы он не привел оную в исполнение на деле, но будет осужден за злое намерение свое, и не только за всякую злую мысль, но даже за всякое праздное слово воздаст человек ответ в день суда Божия, как сказано в святом Евангелии (Мф. 12: 36). Как за злые мысли человек будет осужден, так за добрые будет награжден. Если кто, видя другого в несчастии или в бедности, пожалел о нем, но по недостатку своему не мог оказать ему помощи, то и доброе желание вменит Господь за самое дело; или если кто желал бы идти к службе в храм Божий, но по нездоровью или по иным обстоятельствам не мог, то желание его Господь приемлет за самое дело. Из сего должно понимать и разуметь, что за всякое доброе желание, хотя и неисполненное, человек будет награжден, а за злое наказан. Также должно знать, что злые, греховные помыслы приносят человеку враг его – диавол, и если человек не приемлет их, то за сие награждается от Бога, чему много есть примеров: святая Мария Египетская в продолжение 17-ти лет покаяния своего боролась с греховными помыслами, и за сопротивление им достигла равноангельской чистоты, и многие другие, подобно ей, противившиеся греховным помыслам, увенчаны были Подвигоположником Господом Иисусом Христом. Повествуется в святом Прологе, что ученик некоего святого старца, находившись при нем, однажды не успел взять на сон грядущий старческого благословения, как старец заснул: ученику этому до семи раз приходил искусительный помысл уйти без благословения спать, но он мужественно отразил эти помыслы и остался до пробуждения старца, которому во сне явлено было, что ученику его ниспосланы были семь венцов за его семикратное отражение помыслов. Вот как драгоценно перед очами Божиими сопротивление греховным помыслам.

О хульных и прочих злых помыслах

Многие страдают от злых помыслов, бываемых по действию вражескому; помыслы эти бывают трех родов: о блудной нечистоте, о неверии в Бога, а наипаче о хуле на Бога, Пресвятую Богородицу и угодников Божиих, на святые иконы, святые Таинства и все священное.

В книге сочинения святого Димитрия Ростовского: «Врачевство духовное на смущение помыслов» о хульных помыслах говорится следующее: «В помыслах этих нет греха, если человек не хочет их, ненавидит их и отвращается от них; но если кто охотно их приемлет, тот смертно согрешает; согрешает также и тот, кто, по неведению и малодушию, думает, что эти помыслы от него происходят: ибо они есть продолжение бесовское, к нему и должно относить их, а не к себе. Как мы ненавидим и противимся этим помыслам, а они насильно лезут к нам, тогда бывает человеку от Бога за терпение. Святой Лествичник о сем говорит, что «когда человек отвергает хульные помыслы, не только не бывает в них виновен, но и сподобляется умножения небесной мзды». Влагающий в человека эти помыслы диавол старается уверить его, что он сам рождает в себе эти помыслы, желая через то привести в отчаяние, но должно знать, что все те помыслы, коих душа не желает, от диавола; случается и так, что человек, как бы в каком-то забвении, на малое время примет помыслы, но опомнившись, прогоняет их: в таком случае должно из глубины сердца воздохнуть к Господу и покаяться, и Господь простит. Непременно должно исповедовать духовным отцам эти помыслы, но не объясняя в подробности хульных слов, ибо сего невозможно. Кто смущается этими помыслами, то враг усиливает их, а кто пренебрегает ими, то враг отходит посрамлен. Во время нападения сих помыслов ни в какое рассуждение и спор с ними входить не должно, а творить непрестанно молитву внутренне: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного*, – по реченному святыми отцами: «Бей супостата именем Христовым, крепче сего оружия нет ни на небе, ни на земле». Итак, помыслы хульные должно пренебрегать, уподоблять их лаянью пса: хотя оный и слышим, но вреда от него не терпим, а кто начнет возражать против этих помыслов, то они усилятся и до тех пор не отойдут, пока не оставит их без внимания. Смиримся, перестанем осуждать ближних, будем ко всем милостивы, в молитве усердны, в пище и питии воздержаны – и помыслы вражеские удалятся от нас, по реченному в святом Евангелии: *Сей раб изгоняется ни чемже иным, токмо молитвою и постом*. Но и в этом случае, как всегда и везде, должно иметь благоразумие: иные из подвижников, мучимые хульными помыслами, впали в отчаяние, наложили на себя безмерные посты, в церковь Божию перестали ходить и святых Христовых Таин не приобщались, считая себя недостойными, а некоторые даже отчаялись в спасении своем, но все это – по действию бесовскому. В таковых случаях, как и во всем, не должно руководиться своим разумом, а обращаться к духовным отцам, которые от Бога даны нам, как руководители в духовной жизни.

Помыслы хульные усиливаются во время молитвы и прочих добрых дел, но кто пренебрегает ими, того они скоро оставляют. Кой проводят жизнь свою в смертных грехах без покаяния, в небрежении и лени, на тех не нападает враг хульными помыслами, ибо считает их уже как бы своими пленниками; борет он помыслами этими заботящихся о спасении души своей, живущих в покаянии и любви Божией, по реченному в священном Писании: *Хотящии жити благочестиво о Христе гонимы будут*. Святая Екатерина

продолжительное время смущаема была хульными и скверными помыслами; когда же явившийся ей Господь отогнал от нее бесов, она возопила к Нему: *Бяше доселе, о Сладкий мой Иисус?* Отвечал Господь: *В сердце твоём бых.* Она же рече: *И како можаше се быти, понеже ми бяше сердце исполнено мыслями скверными?* Отвечал же Господь: *Посему разумей, яко бых в сердце твоём, яко ты ни единого любления имела еси к нечистым мыслям, но паче и быти их тщащися и не могущи, болезновала еси, и сим сотворила Ми еси место в сердце твоём.* Советуем также прочесть житие святителя Нифонта, 23 декабря. Он несколько лет мужественно боролся с помыслами неверия, за что был увенчан от самого Господа.

Темже да никтоже смущается, ниже отчаивается, имущи наваждение от помыслов хульных, ведущи, яко нам суть сия яко в пользу паче, а не в соблазн: самим же бесам в посрамление» (из сочинений святого Димитрия Ростовского).

О пользе и необходимости скорбей

Скорби – лестница, возводящая на небо; туда иного пути, кроме крестного, не было, нет и не будет, в чем удостоверяет нас все Священное Писание. Господь, Пречистая Его Мать, возлюбленные ученики и все святые скорбным путем шествовали, который и всем нам заповедован Господом, как подражание Ему, по слову Его: *Иже не примет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин*. «Богом определено, – как говорит святой Макарий Египетский, – чтобы путь, вводящий в жизнь вечную, был со скорбью, с теснотою, со многими испытаниями, с самыми горькими искушениями, чтоб, как по милосердию Божию, так и по правде наследовал человек блага небесные». Как обетования Божии велики, неизглаголаннны и неисповедимы, так потребны нам вера, и надежда, и труды, и великие подвиги и долговременное испытание. Со Христом желаем мы царствовать в бесконечные веки, ужели не решимся с усердием в продолжение кратковременной жизни этой до самой смерти терпеть борения, труды и искушения? Божественный апостол, провидя духом небесное воздаяние, уготованное за скорби, сказал, что скорби сего века недостойны той небесной славы, которая явится в нас по переходе в вечность.

Ничто такое не полезно в скорби, как благодарение, ибо оно ходатайствует перед Богом о немощи человека, утоляет скорбь и умножает награду за нее; а кто ропщет в скорби, тот не только лишается награды за терпение, но подвергается осуждению, и самая скорбь через то увеличивается.

Живущие своевольно, идущие широким путем, вводящим в пагубу, менее подвергаются скорбям, ибо враг спасения, видя их исполняющих волю его, оставляет в покое; тогда как тщаящихся о спасении своем он ввергает в великие скорби, почему и сказано: *Многи скорби праведным*, а также: *Аще приступавши работать Господеви, уготови душу твою во искушение*. А о проводящих жизнь без скорбей апостол Павел говорит, что горе им, что они забыты Богом и не чада Божии.

Видимый этот мир и вкушаемый в нем покой в какой мере, по-видимому, благоприятны телу, в такой мере раздражают страсти души и увеличивают ее злострадание.

Бог никогда не допускает надеющейся на Него душе до того изнемогать в искушениях, чтоб дойти до отчаяния. Кто имеет непрестанную надежду на Бога, в том зло как бы истончается и разжижается.

Никто не может приобрести что-либо благое, иначе как с великим трудом и скорбями. От начала века скорби были знамением избрания Божия, но мы не имеем терпения, не хотим перенести и многого, не стараемся принять что-либо со смирением, а потому отягощаемся и, чем более стараемся избежать напастей, тем более впадаем в них. Скорби, очищая человека, как золото в горниле, соделывают его, по благодати Божией, достойным вечных небесных благ. Блаженный созерцатель Таин Божиих в бывшем ему небесном откровении видел сонм облеченных в белые одежды, с финиковыми ветками в руках, и ему сказано было о них: *Сии суть, иже приидоша от скорби великия* (Апок. 7, 14). Душа, истинно любящая Бога, ни во что вменяет скорби, но ими наслаждается и в злострадании цветет, провидя духом небесную славу, уготованную за скорби.

Умножение скорбей, как сказал один из подвижников, есть доказательство, что молитва наша услышана Господом. Скорбь приближает человека к Богу и спасению по реченному: *Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49: 15). Не сказал

Господь: «Призови Мя в день веселия твоего», хотя и всегда мы должны призывать Его, ибо ведаёт Он, Всеведущий, что во дни веселия мы менее способны к восприятию Божественного утешения. Должно христианину всякий день иметь упование, радость и чаяние будущего Царства и избавления и говорить: «Если я не избавлен сегодня, буду избавлен наутро». Если не будет у человека перед очами радости и надежды, что примет избавление и жизнь вечную, то не возможет он стерпеть скорбей. Скорбь, исповеданная духовному руководителю, утоляется тем самым.

Господь во время лютых скорбей в Гефсиманском вертограде, молившись к Отцу Своему Небесному, научил нас словом и примером Своим прибегать в скорби с молитвою к Нему, Утешителю души истинному – кроме Него ни в ком и ни в чем не найдем мы утешения.

«Всякая душа, – как говорит святой Ефрем Сирин, – желающая благоугодить Богу, прежде всего да сохраняет мужественно терпение и упование, ибо Бог не попускает душе, уповающей на Него и терпеливой, быть искушенной в такой мере, чтоб дойти ей до отчаяния и впасть в такие искушения и скорби, которых не может она перенести: *Верен же Бог, Иже не оставит вас искушиться, паче, еже можете, но сотворит со искушением, и из бытие, яко возможи вам понести* (1 Кор. 10: 13). Лукавый не в такой мере искушает душу и подавляет ее скорбью, в какой хочет, но в какой попущено ему Богом. Душа, перенося мужественно скорби, да уповает твердо на Бога, ожидая от Него помощи и заступления, и невозможно, чтобы она была оставлена. Напротив того, чем более подвизается душа, прибегая к Богу с верою и надеждою, несомненно ожидая от Него помощи и избавления, тем скорее избавит ее Господь от всякой скорби».

Благодушное терпение скорбей – это целительный бальзам, небесное врачевство; при сем должно рассуждать, что приключаящуюся скорбь всячески неизбежно вытерпеть, но если кто несет это бремя с ропотом, то оно делается более и более тяжким, а кто благодарит Бога, считая себя достойным даже большего наказания, таковому облегчается бремя скорбей, по реченному Спасителем нашим: *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11:30).

Самоукорение, или обвинение себя, много способствует к благодушному перенесению скорбей: оно, как и всякая добродетель, трудно лишь вначале, а когда душа получит к нему навык, то делается оно желательным для нее, опорой ее и великим духовным утешением. Несомненно, должно веровать, что все, бываемое с нами по воле Божией, служит к благу нашему – мысль эта утвердит нас в благодатном терпении. Скорби служат очищением грехов, иногда и таких, о коих мы даже забыли. Посему горе нам, вечное горе, если, проводя жизнь в грехах, явимся на вселенском суде Божиим не очищенные покаянием и скорбями, тогда весь свет увидит духовную нашу наготу, ангелы Божии и сонм святых возгнушаются нами: *Николиже знак вас* (Мф. 7: 23), – скажет нам Господь. Блаженны те, кои здесь понесут наказание за грехи свои. *Судимы же от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11: 32). «Если находишься, – говорит святитель Тихон, – в долговременной болезни и имеешь какое-либо утешение от служащих тебе, посмотри на тех, которые внутри терпят скорбь и печаль, снаружи ранами покрыты, и не имеют, кто бы им послужил, накормил, напоил, поднял, омыл раны, и терпят. Если ты в изгнании, приведи на ум заключенных, которые в кандалах, в рубищах от дома и отечества удалены, всякий день биения и раны принимают, днем на тяжкой работе, ночью заключены в нечистых и смрадных темницах и без всякого утешения находятся, им смерть приятнее жизни. Если терпишь нищету, помысли о тех, которые прежде были богаты и славны и

дошли до того, что ни себя, ни семейство не имеют чем питать, одеть, где главу преклонить, скитаются по чужим дворам, обремененные долгами, отовсюду в тесноте, в печали, в скорби, как в печи, горят. Посмотри на бедняков полунагих, больных, с которых подати и оброки требуются. Снизойди умом во ад и рассуди, как бедные осужденные мучаются, которые, если б можно было, желали бы здесь до скончания мира в огне гореть, только бы от вечного огня освободиться. Возведи умные очи в селения небесные: из живущих там ни одного не сыщется, кто бы не путем терпения пришел туда, ибо как сказано: *Многими скорбями подобает внити в Царствие Небесное*». Святой Златоуст говорит, что терпение душу от волнения и злых духов освобождает и в тихое пристанище поставляет. Терпение бедствий милостыню и многие другие добродетели превосходит. Нет ничего равного терпению. Также святой Златоуст говорит, что скорбь удерживает нас от пристрастия к настоящему миру, мы благодушно ожидаем смерти и не бываем привязаны к благам телесным, а в том и состоит важнейшая частьлюбомудрия, чтобы не быть привязанным и пристрастным к настоящей жизни. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротив, душа, чуждая удовольствий и ни в чем не расслабляемая, вся сосредотачивается в самой себе; эта бывает мужественною, а та – детски слабою; эта – основательною, а та – легкомысленною. От множества удовольствий у нас бывает много грехов, в чем может убедиться всякий. Не такова душа, живущая в скорби и воздержании, она далека от всего этого.

Итак, скорбь есть дар Божий и дар великий, ибо за временное терпение сподобляется наследия неизреченных и вечных небесных благ; так благоизволил всеблагий Господь, Сам понесший лютейшие скорби, Он был безгрешен и претерпел такие страдания, подобных коим нет в летописях человеческих, а мы, грешные, терпим за грехи наши и тем не только что очищаемся от них, но, по благодати Божией, сподобляемся быть наследниками тех благ, о коих сказал сподобившийся видения их: *Око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его*.

О смирении и кротости

Всякому христианину, а особенно инокам, всего нужнее иметь христоподражательное, блаженное смирение, а кто не имеет его, тот никогда не узрит Бога, по реченному Им: *На кого воззрю? Токмо на кроткаго, и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих*. Кто хочет быть истинным монахом, тот прежде всего должен позаботиться о стяжании смирения. Учитель смирения – Сам Господь: *Научитесь от Меня*, – говорит Он, – *яко кроток есмь и смирен, сердцем и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11:29). Вот сколь спасительно и драгоценно в очах Божиих смирение! Чтобы приобрести его, должно постоянно укорять, порицать и обвинять себя во всем, считать себя не только грешнее всех, но даже хуже всякой бессловесной твари; когда укоряют в чем-либо, то молчать, кротко объяснив истину; отсекал свою волю, терпеть поношения, оскорбления и унижения – вот истинный путь к смирению. Какие бы добродетели не имел, а себя всегда должно считать грешнейшим в мире, по реченному: *Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими* (непотребны) *есмы* (Лк. 17: 10).

«Кротость, – как говорит святой Лествичник, – Христу подражание, ангельское свойство, диаволам крепкие узы, щит против искушений». В кротких сердцах почивает Бог, а душа гордого – седалище диаволу; блаженное смирение именует святой Лествичник неисчислимым богатством, Божиим именованим и дарованием, коему Учитель Сам Господь. Несомненный признак смирения – неверие своим помыслам, желание исправления, послушание беспрекословное.

Не сказал Давид, что он постился, бдел на земле, лежал, но смирился – и спас его Господь.

Покаяние падшего восстанавливает, плач о грехах во врата небесные ударяет, а смирение оные отверзает.

Где нет света, там тьма, где нет смирения, там все суетно и тщетно: одно только истинное смирение прелести бесовской неприступно.

Когда Антоний Великий увидел все диавольские сети, расположенные на пагубу человеков, то с ужасом спросил Господа: «Кто же может спастись?» Ему был ответ: «Смиренный! Ибо сети вражеские даже не прикоснутся к нему».

Кто сам считает себя смиренным, в том нет истинного смирения, ибо оное в том состоит, дабы всегда и во всем считать себя хуже и грешнее всех.

Должно быть всегда готовым на всякое слово ответить: «Прости, грешен». Кто перенес напраслину, тот, по милости Божией, сребреник получил. Всегда и во всем должно считать себя виновным. Вот признаки истинного смирения.

Если человек не возлюбит смирения всем сердцем и если не будет выражать одного во всех делах своих, не наследует Царствия Небесного.

Смиренный не стыдится признаваться в своих недостатках, свойственных немощи человеческой, тем самым и исправляются они.

Считающий себя чем-нибудь – поруган от бесов. Будь всем раб и слуга. Меньший здесь в Царствии Небесном наречется большим.

Смирение рождает страх Божий, обуздывает многоречие; оно научает познавать свое убожество, делает отвратительным похвалы человеческие, во всем внушает человеку обвинять, и укорять себя, и не верить своему рассуждению и своим чувствам, как поработленным греху. Смирение учит презирать суетный мир и искать *единого на потребу*

(Лк. 10: 42). *Ибо что высоко у людей, то мерзость перед Богом* (Лк. 16: 15). Где смирение, там и спасение: *Смирися, и спасе мя* (Пс. 114: 5). Смирение, как и прочие добродетели, достигается усиленною молитвою, укорением себя во всем и терпением обид. «Смирение, – как говорит святой Ефрем Сирий, – делает человека праведным». Смиряться грешники и без добрых дел оправдываются, а праведники за гордыню губят и многие труды свои. Со смиренным Сам Христос пребывает. Нужно ли тебе получить прощение во грехах – получишь его за смирение. Желает ли преодолеть в себе порок? Преодолеешь смирением. Желает ли наследовать вечную жизнь – им наследуешь. Желает ли стать высоким – оно возвысит тебя. Любишь ли чистоту, им приобретешь чистое сердце. Вожделеваешь ли святости – оно сделает тебя святым. Желает ли быть совершенным – оно путь к совершенству – и на всякую высоту взойдешь смирением.

«Кротость, – по словам святого Лествичника, – есть недвижимое устроение души, когда она в бесчестии и похвалах пребывает одинаковою»^[298].

«Кротость есть признак великой силы, – как говорит вселенский учитель, святой Златоуст. – Чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу»^[299].

Кротость по самому своему существу заключает в себе столь чудную силу, что не только сама бывает тверда и непоколебима, но тихим и легким способом благотворного своего влияния утверждает все и вокруг себя. Кротость тверда правильно своею уступчивостью, мягкостью и миролюбием. Как тихое и мирное расположение сердца, кротость не ищет высших себя и крепших себя не испытует, она чужда всяких притязаний на право других и никогда не раздражает ближнего. Кротость, как тихая река, течет ровно и мирно в пределах своей деятельности. Поступки кроткого тихи и благоприличны, обхождение и нравы приятны без лицемерия, слова мягки без лести и как бы увлажняют слух и душу. В сердце кроткого почиет мир и покой. Кроткого все любят, так что перед ним, по-видимому, смиряется и самая гордость. Кротость привлекает к себе очи Господни, покоящиеся преимущественно на кротком. *На кого воззрю, токмо на кроткого*, – вещает Господь (Ис. 66: 2).

О послушании

Преподобный Варсануфий Великий поучает о послушании: «Отвергни волю свою от себя, и смиряйся на всю твою жизнь, – и спасешься».

Знай, что нет благолепнейшего дела, как только то, которое бывает за послушание. Если хочешь спастись, стяжи смирение, послушание и повиновение вольное и всегда помни, что нет никого, кто бы не требовал советника, кроме Бога, создавшего премудрость. Святой Ефрем Сирин говорит: «Возлюбленный, из всех сил своих чти отца своего и не нарушай уставов того, кто родил тебя о Господе», – в таком случае не одолеют тебя лукавые бесы.

Преподобный авва Дорофей свидетельствует: «Ты не можешь уразуметь воли Божией и вполне предаться ей, если веруешь самому себе и держишься своей воли», – поэтому преподобный авва Пимен и говорил, что воля есть медная стена между человеком и Богом. *О Боже моем пройду стену, Бог мой, непорочен путь Его.* Весьма досточудно сказано! Ибо тогда только человек видит непорочный путь Божий, когда оставит свою волю. Если ты пребываешь в послушании, то никогда не верь своему сердцу, ибо оно обманчиво. Не думай и не предполагай, что ты лучше и праведнее своего наставника и не исследуй дел его, иначе ты часто можешь обмануться и впасть в искушение. Итак, научись вопрошать, научись не полагаться на самого себя, не верь тому, что говорит тебе помысел. Нельзя спастись иначе, как сим образом. Преподобный Лествичник говорит: «Смирennemудрый всегда отвращается своей воли, как заблуждающейся, и с покорностью принимает наставления, не обращая внимания на жизнь учителей, но возложив попечение на Бога, Который и через ослицу Валааму возвестил, что ему должно было делать». А о преслушниках говорит святой Лествичник, что лучше отогнать от монастыря преслушника, чем оставить его творить свою волю, так как отгнавший весьма часто располагал изгнанного к смирению, а кто под видом человеколюбия снисходит к самочинникам, тот доводит их до того, что они при кончине своей ужасно его проклинали.

Преподобный Григорий Синаит, превознося послушание, говорит, что оно сидит одесную Бога Отца, он особенно резкими чертами описывает страсти, противоположные послушанию. Преслушание, по его объяснению, адские уста; прекословие – язык непокорного беса, острый, как меч; самоугодие – изощренные его зубы; оправдание – его гортань; самомнение, низводящее во ад, дыхание всепожирающего его чрева. Поистине чудо неизреченное и непостижимое, восклицает святой Синаит, чтобы одною добродетелью или, точнее, одною заповедью некосновенно взойти на небеса, как и одним преслушанием снизошли мы и снисходим до ада. Святой Василий Великий утверждает, что все делаемое без воли наставника есть татьба и святотатство, ведущее к смерти, а не к пользе. Преподобный Симеон Новый Богослов увещает: «Брат, если возгорелось твое сердце и ты придешь в общежитие или к духовному отцу, будь послушлив во всем твоему о Господе наставнику, имей веру к отцу твоему и зри на него, как на самого Христа, веруя, что в руках пастыря твоего и жизнь, и смерть твоя, никогда не прекословь ему, ибо прекословие причина мысленной и вечной смерти. Помни, что, впадая в прекословие и теряя веру к духовному отцу твоему и учителю, еще при жизни ты окаянно низводишь себя в сеть и глубину адову и бываешь дом сатаны и всей его нечистой силы. Знай, что о прекословящих своему отцу радуются бесы, а смиряющимся удивляются ангелы. Смиряющийся подобен Сыну Божию, оказавшему послушание Свое к небесному Отцу,

даже до смерти, смерти же крестной. Всякий помысел ежедневно открывай отцу своему, и все глаголемое тебе от него приеми как от уст Божиих с полною верою. Со слезами проси Бога о даровании тебе отца духовного; получивши дар, храни его и благодари Бога.

Нет монаху горшего падения, как последовать влечению своего сердца, – сие страшнее всех демонов. Не старайся, чтобы старец предписывал послушание такое, какое тебе нравится, – в таком случае оно бесполезно. Если кто хочет поистине исполнять волю Божию всем сердцем, то Бог никогда не оставит его, а наставит по Своей воле.

Человек советует ближнему, как знает, а Бог действует в слышащем так, как он веровал.

Послушание есть неверие себе и в добрых делах. Иное и добрым представляется нам, но может быть негодно оно Богу. Открытие отцу худых помыслов истребляет их и обессиливает страсти. Змея, из темной норы вынесенная на свет, старается убежать и скрыться; так и худые помыслы, обнаруженные, отбегают.

«Хочу страшное рещи вам, – сказал один из святых отцов, – и совершенные подвижники, но непокорливые отцам, во ад пойдут. Ибо кто хочет исполнить свою волю, тот сын диавола. Кто вопрошает отцов и ослушивается, тот раздражает Бога».

Все сказанное здесь о духовных отцах в монастырях женских, руководимых игуменьями, относится к ним и ко всем тем, духовному руководству коих, по благословию игуменьи, вручаемы будут монашествующие.

О сновидениях, гаданиях и предрассудках

Должно опасаться верить снам. Повествуется в житиях святых отцов, что один инок часто видел сны и всегда что-либо божественное, и все виденное им сбывалось потом на самом деле. Опытные в познании бесовского коварства старцы уверяли его, чтоб не верил снам, но он не внимал их советам. Видения продолжались. Наконец враг, усматривая, что инок вполне вверился снам, показал ему в сонном видении Господа Иисуса Христа с апостолами во тьме, а распявших Его иудеев – во свете. Несчастный отступил от Бога и женился на жидовке, за что постиг его страшный гнев Божий: он заживо изведен был червями! Вот такой ужасный урок и гибельные последствия верования снам, а начало было, по-видимому, благое. Кто верит снам, у того они нередко сбываются, попусшением Божиим, как бы в наказание за суеверие.

Иоанн Лествичник пишет: «Есть бес, который, как скоро мы на одре возляжем, к нам приходит и стрелы лукавых и нечистых помыслов на нас ниспущает, чтобы мы, по лености, молитвою против него в то время не вооружившись, в скверных тех помыслах заснули и потом имели скверные сновидения. Если мы наяву постоянно заняты бываем недобрыми помыслами, грешными пожеланиями, то как во сне не быть греху? Если мы наяву любим слушать постыдные, непристойные рассказы, заглядываемся на что-либо соблазнительное, то чего ожидать и во время сна, как не греха? Если, наконец, мы проводим жизнь невоздержанную и беспорядочную, предаемся неумеренному пресыщению, то что доброе приснится нам? И вот от этого именно во время нашего сна нередко приключаются такие соблазны, такие темные и пошлые грехи, ихже и скоты бессловесные не творят». Ничем так скоро не избавимся от ночных соблазнов и сновидений, как усиленною молитвою и постом. «Есть еще из духов злых, – как пишет святой Лествичник, – предварительным называемый, который восставших нас от сна тотчас встречает и первые наши мысли тщится осквернить». Посвящай Господу начатки дня твоего, ибо кому прежде принесешь их, того они в этот день и будут.

Никаким предугадываниям, встречам, тяжелым дням и всякого рода приметам и предрассудкам верить не должно – все это вражеские сети к вовлечению человека в суеверие. Иные, как пишет святой Златоуст, дерзают на ворожбах призывать имя Божией Матери и святых угодников и крестное знамение творят, но бежать от них должно и так же должно опасаться юродствующих, ходящих босыми ногами в зимнее время, носящих тяжелые вериги, шапки железные и прочее. В древности действительно были Христа ради юродивые, а ныне они очень редко встречаются. Юродивые сего века по большей части прельщенные врагом и других прельщающие, обличающие в тайных грехах, по действию духа злобы (ибо он знает все прошедшее и настоящее), притворно изгоняющие бесов и наугад предсказывающие будущее. Все это и подобное сему делается помощью бесовскою. Не должно стараться узнавать будущее, ибо что действительно нам нужно знать, все это открыто в Священном Писании.

О пище и порядках в трапезе

Живущие в общежитии не должны иметь ничего своего съестного особенного от прочих. Кушать за трапезою, что Бог послал, а особо, без благословения настоятельницы, ничего не готовить в келии своей; иначе это будет тайноядение; также и те, кои, находясь на послушаниях кухонных, хлебных и прочее, если украдкой от старших едят, то делают это они по внушению вражескому, и это есть тоже тайноядение, разорение святых обительских уставов. Приходить должно в трапезу по первому звону, а безвременное прихождение нарушает порядок и препятствует другим внимательно слушать Слово Божие. Находиться в трапезе должно, как в храме Божиим: с благоговением внимать чтению поучений, никуда не смотреть, не разговаривать между собою, не шептаться. Пищу не разбирать, а все предлагаемое вкушать с молитвою и благодарением, считая себя недостойными, по грехам своим, предложенной на трапезе пищи; употребляя оную умеренно, а не до отягощения желудка. Из трапезы в келью пищу не брать без благословения.

Слово к новоначальным

Иные новоначальные, поступившие в монастырь, говорят, что они, как еще непостриженные в монашество, не обязаны выполнять правила монашеские, но не понимают они, что враг говорит устами их; он хочет в самом начале (то есть в основании) поколебать их, расслабить их духовные силы и через это сделать их неспособными к надлежащей монашеской жизни. Те, которые поддаются такому диавольскому внушению, незаметно для самих себя облениваются и, находясь в святой обители, ведут такую жизнь, которая хуже жизни мирян, и время от времени более и более ослабевают, и печальную готовят себе будущность, ибо что посеем в начале, то и пожнем в последствии времени.

Всего необходимее в монашеской жизни смирение, терпение и воздержание.

Об отлучках в мир и на богомолье

Большой вред получают те, кои ходят в мир к родным. Святой Тихон говорит: «Из монастыря выходить монахине очень опасно и соблазнительно, того ради, без крайней нужды, из монастыря не выходи и в светские дома не входи, – иначе уже не возвратишься, какая выйдешь^[300]. Посему должно пребывать в своей обители безвыходно. Надобно помнить сказанное в святом Евангелии, когда один из учеников попросился у Господа сходить похоронить своего отца, то Господь воспретил ему, сказав: *Оставь мертвых* (то есть мирян, греховно живущих) *погребсти своих мертвецов, а ты иди в след Мене*. Живущие своими трудами, когда, по необходимости, должны идти взять или отнести работу, то каждый раз обязаны они испрашивать благословения игуменьи, а без оного отнюдь не выходить за ограду монастырскую и, исполнив то, за чем пошли, никуда более не заходить. За своеволие Господь наказывает, попуская разные беды и напасти. Неполезно, особенно юным, отправляться куда-либо из монастыря на богомолье, а тем более посещать другие монастыри, ибо тут соблазны на каждом шагу и нередко бывают великие падения. Помни, что можно пасть не телом только, но сердцем, и умом, и глазами. Лучше пасть ногами, нежели сердцем, умом и глазами: «Внимай сему – говорит тебе сие святитель Христов Тихон»^[301].

Об отношениях к настоятельнице и духовным отцам и старцам

На игуменью взирать должно как на мать, Богом данную, и на начальницу, и исполнять ее волю со всем тщанием и любовью; сестры должны понимать, что они – ее дети, что она желает им добра, а не зла, желает представить их Богу чистыми, дабы не отвечать за них перед судом Божиим. Не должно иметь ничего тайного от игуменьи и тех стариц, которые избраны по благословению ее и даны в духовные матери. Должно ходить к ним чаще, по крайней мере, один раз в неделю и открывать им не чужие, а собственные свои грехи и немощи, а с прочими сестрами своими и послушницами не беседовать о своих немощах, потому что многие из них не сведущи в жизни духовной, следовательно, не могут дать доброго совета, по реченному в святом Евангелии: *Егда может слепец слепца водити, не оба ли в яму впадут* (Лк. 6: 39). Духовникам, игуменье и старицам, духовным матерям исповедовать свои грехи должно чистосердечно, ничего не утаивая, а о грехах других говорить только в случае необходимой нужды. Утаивающий грехи свои хранит змею в сердце своем, – яд ее смертоносен. Стыдишься ты открыть грехи свои в присутствии одного человека, а как же не думаешь о том Страшном суде, когда перед всеми Небесными Силами, перед всею вселенною обнаружены будут грехи твои?

Повествуется в отечнике, что некоему старцу было видение, когда один из братии сказывал грехи свои на исповеди духовнику, то у него изо рта выпадали змеи; следовательно, каждый нераскаянный грех – змея, внутри нас живущая.

О сребролюбии и пристрастии к одежде и прочему житейскому

Корень бо всем злым сребролюбие есть (1 Тим. 6: 10). Оно заключается в пристрастии не к одним деньгам, но и ко всякому земному стяжанию. Не тот только сребролюбец, кто много имеет и не делится с неимущими, но и тот, кто хотя и не имеет излишнего, но ненасытно желает его и о сем всегда помышляет. Сребролюбец подобен древним израильтянам, поклонявшимся золотому тельцу. У сребролюбца бог – серебро его, о нем он думает непрестанно, его желает ненасытно, о нем радуется и им услаждается, оно есть идол, обитающий в сердце его, ему он служит, и поклоняется, и на него уповает, и с ним будет осужден на вечное мучение. «Лют зверь – сребролюбие, – восклицает святой Златоуст, – оно именуется смертным грехом». Сам Господь в святом Евангелии сказал, что *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Небесное* (Мф. 19: 24). Самый страшный пример сребролюбия видим мы на Иуде, предавшем за сребреники Учителя своего и потом удавившемся. Святой Лествичник говорит, что сребролюбие есть поклонение идолу, сребролюбец – поругатель святого Евангелия, оправдывающийся своими немощами, будто бы ради них он должен заботиться об обеспечении себя – не внимает таковой слову Господню: *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретет, душу же свою отщетит?* (Мф. 16: 26). И сии слова, сказанные Господом: *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6: 33) – чужды слуха сребролюбца, который всецело поглотил себя поклонению золотому тельцу. Кто позаботится угодить Господу, то Господь и сердцу неверного внушит в случае нужды оказать таковому помощь; а кто надеется на свое богатство, то вместе с ним погибает. Сердце сребролюбца постоянно обуревается гневом, опасением и печалью, как море волнами. «Сребролюбие и лихоимство, – как поучает святитель Тихон, – страсти ненасытные: чем более сребролюбец собирает богатства, тем более желание и похоть к богатству в нем умножаются. Сребролюбие есть ненасытное пьянство, как пьяные – чем более пьют вина, тем более чувствуют жажду – так сребролюбцы чрезмерного своего желания утолить никак не могут. Покоя для сребролюбца не существует, – он всего и всех боится, внутри себя носит он мучителя, которому всеусердно работает и от коего непрестанно мучится. Сребролюбец по имени лишь христианин, а в сущности он *идолослужитель* (Еф. 5: 5) и будет осужден с неверующими в Бога». Святой Златоуст говорит, что «ничто так не поработяет человека диаволу, как ненасытное сребролюбие. Как море никогда без волн быть не может, так сребролюбивого человека сердце не может быть без печали, попечения, страха и мятежа. Сребролюбцу богатство то же, что безумному меч. Сребролюбец червю неумирающему заготавливает пищу. Сребролюбец всегда в страхе и печали, в страхе ради того, что имеет, а в печали ради того, чего не имеет. Не тот убог, – продолжает святой Златоуст, – кто не имеет ничего, но кто много желает; не тот богат, кто много имеет, но тот, кто никакой вещи не требует. Не тот есть богат, кто много имеет, но кто много дает. Хочешь ли обогатиться, имей друга себе Бога – и будешь богатейший из всех.

Суд Божий страшен сребролюбцам. Милостивые – наследники благословения Божия, а самолюбивые сребролюбцы с Иудею осуждение примут. Страшно, истинно страшно сребролюбие. Оно закрывает и глаза, и уши, делает вас свирепее зверей, не позволяет

думать ни о совести, ни о дружбе, ни об общении, ни о спасении собственной души, но, зараз отвративши от всего, делает пленников своими рабами, как некий жестокий тиран»^[302].

Святой Василий Великий восклицает к сребролюбцам: «Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болезнь ради денег? Долго ли злату быть силками для душ, удою смерти, приманкою греха?.. Что с нами делается, люди? Кто вашу собственность обратил в средство уловлять вас? Имение дано вам в пособие жизни, а не в напутствие к злу, на искупление души, а не в повод к гибели»^[303]. Если в отношении мирян сребролюбие считается пагубною страстью, то что сказать о монашествующих, отрекшихся от мира и всех благих его? Какое могут они принести оправдание, если окажутся пристрастными к сребролюбию? Поистине, никакого, ибо всякая приверженность к чему-либо земному есть нарушение монашеского обета. Не должно также монашествующим желать хорошей одежды и обуви, а довольствоваться общеупотребляемою в монастырях, потому что кто занимается нарядами, тот впадает в гордость, тщеславие и самолюбие.

Кто занимается много своею одеждою, тот, наверное, мало заботится о своей душе. Для чего тебе хочется наряжаться? Нравиться?! Но кому? Бог глядит на сердце, а не на наряд. Людям? Но это свойственно и в мире живущим, только не целомудренным. А ты мало того, что дева, но пример девства. Послушай, что говорит тебе святой Ефрем Сирин: «Старайся, сестра, быть подражательницею жизни и добродетели преподобных матерей: иди путем их жития, подвизайся, как и они, подвизайся умом, подвизайся духом, подвизайся телом, будь подвижницею и в одежде, будь подвижницею и в пище, будь подвижницею в языке, будь подвижницею и во взоре, будь подвижницею и в помысле, будь подвижницею и в воздержании от смеха, чтобы во всем оказаться совершенною»^[304].

Святой апостол Павел говорит: *Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем. А хотящии богатитися впадают в напасти, и сеть, и в похоти многи, несмысленны и вреждающыя, яко погружают человеки во всегубительство и погибель. Корень бо всем злым сребролюбие есть: егоже нецыи желаяще заблудиша от веры, и себе пригвоздиша болезнем многим. Ты же, о человеке Божий, сих бегай* (1 Тим. 6: 8–11).

Об осуждении и злословии

Никого не должно осуждать – и нас не осудит Господь, по слову Его: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7: 1). Пример неосуждения показал Сам праведный Судья наш, Господь: когда приведена была к Нему явная грешница, упоминаемая в святом Евангелии, то и ее Он не осудил.

Осуждая кого-либо, мы делаемся виновными в его грехах, берем на себя его грех. Имея свое тяжкое греховное бремя, зачем увеличивать оное чужими грехами, что нам за дело до других? Кто в грехе, тот и в ответе; и как часто мы ошибаемся, а враг, пользуясь нашей склонностью к осуждению ближних, увеличивает в глазах наших чужие грехи, а наши скрывает от нас; поэтому святой Ефрем Сирий прекрасно говорит в молитве своей: *Господи, даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего*.

Кто осуждает других, тот пусть знает, что он уже осужден Богом; ибо уста его, изрыгающие осуждения, смрадны и мерзки перед Богом, он есть противник Божий – антихрист, ибо дерзнул присвоить себе право суда, принадлежащее единому Господу – Судии живых и мертвых.

Не должен ты похищать чести Единородного Сына Божия, Ему единому престол суда определен. Какая польза от того, что мы воздерживаемся от мяса и рыбы, когда друг друга угрызаем и снедаем? Угрызает же и снедает ближнего плоть всякий клеветник и поноситель. Не только поносить ближнего, но и других поносящих его слушать не должно. Хотя бы мы пепел ели, то и столь строгое житие никакой пользы нам не принесет, если мы не воздержимся от поношений, ибо не входящее в уста сквернит человека, но исходящее из уст.

Клеветник и поноситель часто печалится, боится, раскаивается и сам свой язык угрызает, опасаясь, дабы иногда объявленное слово великой не нанесло ему беды; а воздерживающийся от клеветы всегда в великом спокойствии и веселии живет.

Клеветники подобны мухам: как мухи летят на чужие раны, так и клеветники проискывают чужих погрешностей, чтобы разносить оные.

Не одни только стрелы уязвляют человека – поносительные слова жесточайшие делают ему еще раны, нежели стрелы.

Кто любит клевету, тот служит диаволу.

Не должны мы озлобляться на тех, которые нас утесняют и клеветают на нас, но должны все терпеливо сносить, ведая, что Господь не презрит нас, по реченному Им: *Мне отмщение, Аз воздам* (Рим. 12: 19).

Если кто и справедливо употребляет злоречие, то правда его исполнена неправды.

Если Моисея одно слово лишило земли обетования, то тем паче лишит нас Царствия наш изощренный и напряженный язык.

Не пренебрегай осуждением как чем-то малым; злоречивых апостол предал одному осуждению с убийцами (1 Кор. 6: 9–10). Как две лепты могли даровать душе спасение, так два злоречивых слова могут погубить душу. Святой огонь попалил двести освященных иереев. Святы они были в делах, но осквернились словами. И если такие мужи попалины огнем, то можешь ли ты говорить дерзко? Если члены свои хранишь чистыми от блуда, то и уста свои береги от злословия.

Уста не могут любодействовать, но могут лгать и клеветать.

Если один член твой чист от греха, а другой умерщвлен грехом, то этот умерщвленный грехом член причинит тебе смерть. Посему загради слух свой двойною дверью, чтоб не нашло в него доступа злословие. Не думай, что злословие, как бы ни было оно мало и неважно, не погубит тебя.

Блаженный апостол в одном ряду ставит убийц и злоречивых, сребролюбцев и прелюбодеев, говоря, что они *Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6: 9–10). Всем им равный вес дал апостол на весах правды Божией.

Если лукавый внушает тебе посмеяться под видом любви, то размысли, что и Хам, веселясь, посмеялся и в наследие себе получил проклятие.

Кто смеется над произведением, тот смеется над самим художником. *Ругаяйся человеку раздражает Сотворившего его* (Притч. 17: 5).

Кто посмеивается над созданием Всеведущего, тот сам, того не разумея, посмеивается над Творцом. Бойтесь грешных слов, потому что и слова вменяются в дела.

Злоречивого молитва, пост и милостыня – мерзость перед Богом, потому что не чисто совершается.

«Чем честнее и выше есть лицо поносимое, – как учит святой Тихон, – тем поношающим больший грех». Когда начальник осуждается и злословится, тогда уменьшается ему почтение от подчиненных, и от того последует презрение, от презрения непослушание, всякое нестроение и замешательство в обществе.

Должно удаляться от злоречивых, как от заразной чумы; ибо часто бывает, что злоречивыми устами составляется неправильное мнение, они судят и злословят неповинных или Богом оправданных, покаявшихся грешных; за таковых сугубый ответ дадут праведному Судии, а неправедно судимых ублажает святое Евангелие (Мф. 5: 11).

Святой Златоуст осуждающих и злоречивых устрашает судом Божиим, говоря о сем так: «Хотя бы никакого другого не делали они беззакония, сие едино могло бы их ввергнуть в гееннскую бездну, что они, тяжких бревен в очах своих не чувствуя, строгий всегда производят суд над погрешностями чужими и целую жизнь иждивают в любопытном пересматривании и пересуживании чужих дел, не рассуждая того, что грозит Христос: *Имже судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7: 2)».

Хотя бы, осуждая ближнего, и праведное что на него говорил, и хотя бы известное дело его порочил, однако и за то не избежишь наказания, ибо не по делам его, но по словам твоим будет судить тебя Бог; глаголет бо Он: *От словес твоих осудишися*. Фарисей праведное и всем известное говорил, однако и за то подвергся порицанию. Если же известных дел на обличение других не должно говорить, то тем более сомнительных.

Блаженным и треблаженным именует святой Ефрем Сирин того, кто не повредил языка своего злословием, языком не осквернил сердца и ума. Кто не склонен к злословию, тот избег братоубийства; кто не отравил ушей и языка злоречием, тот исполнен любви, у того уста благоухают плодами Святого Духа.

О зависти

О завистливых говорит святой Ефрем Сирин, что они соучастники диавола, которым *смерть вниде в мир*. В ком зависть и соперничество, тот всем противник, ибо не хочет, чтоб предпочтен был ему другой. Заслуживающих одобрение он уничижает, кто идет добрым путем, тем полагает на пути соблазны, кто живет как должно, тех порицает, благоговейным гнушается, постящегося называет тщеславным, рачительного – любящим себя показать, скорого на услуги – человекоугодником, расторопного в делах – славолубивым, прилежно занимающегося книгами – празднолюбом, и прочее. Завистливый никогда не радуется успеху другого, если видит он вознерадевшего о деле, то не восставит его, а скорее склонит на худшее, подвергшихся падению чернит перед всеми. Горе завистливому, сердце его всегда изнемогает от печали, тело снедается бледностью, и силы его истощаются. Всем он несносен, всем он враг, всех ненавидит, перед всеми лицемерит, всем строит козни, ныне дружится с одним, а завтра с другим, и расположения ко всякому изменяются, поддывается к желанию каждого и чрез несколько времени всякого осуждает, чернит одного перед другим и желает всех поссорить.

Страшная отравка – зависть и соперничество: от них родятся оклеветание, ненависть и прочее. Лучше умереть, нежели поддаться зависти. Не допускай к себе страсть зависти, чтобы диавол не поглотил тебя живого, но скорее исповедуйся и моли Бога, чтобы избавил тебя от такой опасности. Святой Василий Великий говорит: «Другой страсти, более пагубной, чем зависть, не зарождается в душах человеческих; она лютейшее причиняет зло тому, кто имеет ее. Как ржавчина изъедает железо, так зависть душу, в которой живет»^[305]. Святой Иоанн Златоуст говорит о завистливом, что он есть как бы общий враг человеческой природы. Бес завидует людям, а отнюдь не другому бесу; а ты, человек, завидуешь человеку, восстаешь против единоплеменного и однородного тебе, чего не делает и бес.

Кто живет благочестиво, тот ни к кому не почувствует зависти, ибо духовного богатства Христова для всех с преизбытком достаточно, и оно – Божие и наше. *Не бываем тщеславни, друг другу завидяще* (Гал. 5: 26).

Также не должны завидовать неполучившие монашества – получившим, а терпеливо ожидать, – и когда Господь сподобит их этого святого чина, то не завидовать тем, кои, по воле Божией, избраны в настоятельницы, но радоваться о них, как об общих за обитель молитвенницах, и желать того единственно, чтобы в будущем веке быть причисленными к ангельскому лику монашествующих. Многие стремятся к получению пострига, но не заботятся о должном к нему приготовлении: ряса и камилавка нас не спасут, а послужат к еще большему ответу перед Богом, если не соблюдем обетов своих: *Имже дано много, много и взыщется*, – говорит святое Писание. Видим мы из жития преподобного Пимена Печерского, что когда, по проречению его, открыты были гробы умерших братий, то оказалось предивное чудо: один из братий, хотя и пострижен был в монашеский образ, но, живши не по-монашески, оказался лишенным оногo: снятая с него одежда надета была на похороненного близ него послушника, жившего богоугодно и искренно желавшего пострижения, но не сподобившегося его, а когда еще третий гроб был открыт, то в нем погребенный оказался истлевшим, но схи́ма его не истлела, которая, как открыто было святому Пимену, предстанет с умершим иноком на Страшном суде Божиим в обличение его не богоугодного жития.

Вот как страшно принять монашество и оказаться недостойным его! А потому не будем завидовать и скорбеть, что нескоро удостоиваемся сего ответственного дара.

О гневе, раздражительности и памятозлобии

«Гневливый, – как говорит святой Ефрем Сирий, – губит душу свою, всю жизнь приводит в смятение, чужд тишины и мира, далек от здоровья, тело его истает, душа скорбит, плоть увядает, лицо покрывается бледностью, мысли и слова безумные льются рекой, и всем он ненавистен». Что яд аспидов, то раздражительность и памятозлобие. Люты змей и василиск, но гораздо злее их гнев: когда увидим змею, то бежим от нее, дабы не ужалила, а гневу, исполненному смертоносного яда, позволяем оставаться в сердце своем! Если змея ползет к тебе в недра, треплет, объемлет все члены твои, а сердце твоё – вертеп, наполненный василисками! Боишься ужаления змеи и угрызения скорпиона, а не боишься угрызения гнева, не страшно тебе жало вражды? Если не терпишь сих лютых пресмыкающихся, то для чего терпишь в себе тех, которые их злее, терпишь гнев, который злее василиска, терпишь вражду, которая злее змеи?

За необдуманное слово, сказанное по внушению духа злобы, широко растворяешь ты двери гневу, чтобы вошел и поселился он в душе твоей. Когда ярость, как бешеный пес, в тебе лает и изрыгает свою слюну, ты вместо камня брось в нее миром и запрети гневу лаять.

Гони злобу ясностью чела своего, кажись веселым, а не досаждающим, и попрятываешь гневу погубить две души. «Злобному, – говорит святитель Тихон, – самая злоба его есть наказание, в сердце злобного человека адское мучение. Люди злобные темнеют и иссыхают».

О, лютая страсть, когда вначале не пресечется, великие беды делает, как огонь усилившийся многие дома поедает. Сколько ни есть в мире бед, напастей и зол, всему тому злоба причиною. Горе миру от злобы, но большее горе самому злобствующему! Ибо *ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3: 15).

Что может быть ужаснее злобы? Ибо диавол именуется духом злобы! Злобный носит на себе адскую печать сию.

Имеющие взаимную любовь наименованы возлюбленными учениками Христовыми, а противоположно сему пребывающие в злобе есть чада тьмы, порождение ехиднино. Когда святой Паисий Великий, сподобившийся явления Господа, просил освободить его от гнева, то Спаситель сказал ему: *Аще хочешь победити гнев и ярость купно, ниче соже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи*.

Если в святом Евангелии сказано, что кто назовет брата своего уродом, *повинен геенне огненной* (Мф. 5: 22), то что же сказать о злобствующих на ближних своих?

Сердце, исполненное гнева, подобно котлу кипящему: очи, как искры, краснеют и сверкают, жилы надымаются, поднимаются брови и волосы, зубы скрежещут, уста источают пену, голова кивает, крутится, вертится, руки и ноги тоже, лицо помрачается, – словом сказать, в гневе весь человек изменяется, весь вид бесовскому бывает подобен.

Если тело от гнева так безобразно, что же внутри сердца бывает? Как мерзка и безобразна душа гневающегося, словом изобразить нельзя. Надо непрестанно воздыхать и молиться Богу, чтобы сердце наше, так люто испорченное, исправил Он и обновил. *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и Дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50: 12).

Начало гнева – самолюбие, самолюбец во всем ищет исполнения желаний своих, и, встречая препятствие, смущается, печалится, и гневается, и ищет отомстить. Гнев обращается в злобу и памятозлобие, когда долго удерживается в сердце.

Многие из злобных посты хранят, но подобного себе готовы живого пожрать. Многие среды и пятки ничего не едят, но от злобы и одну минуту воздержаться не хотят.

У злобных яд злобы сокровен в сердце, различные хитрости тайным образом соплетаются на того, на кого злобятся. Ничто человека не губит так, как злоба; какие бы не имел он добродетели, всех их погубляет злоба. И то бывает, что в ров, который злобные изрывают ближнему, сами впадают, и сбывается на них псаломское слово: *Ров изры, и ископа, и падает в яму, юже содела, обратится болезнь на главу его, и на верх его неправда его снидет* (Пс. 7: 16–17).

Имеющий на кого-либо злобу отлучается от приобщения Святых Христовых Таин доколе, пока не примирится. Тяжко умереть, имея в себе чувство злобы: душа такового связана будет узами этого лютого греха и не узрит лица Божия. Имея в сердце злобу, как можем мы читать молитву Господню, «Отче наш», в коей говорится: *И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим*, – какое же прощение нам от Бога, если мы сами не прощаем ближнему своему? Иные говорят, что они не виноваты в происшедшей ссоре, но хотя бы и действительно так было, то и виноватый и невиноватый должны позаботиться о примирении, по слову апостольскому: *Да не зайдет солнце во гнев вашем* (Еф. 4: 26); когда невиноватый первый позаботится о примирении, то получает великую от Бога награду, как сказано в святом Евангелии: *Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся* (Мф. 5: 9).

Человек злобный никому не хочет ни в чем уступить, но всеми мерами старается погубить того, на кого злобствует; но через это он против самого себя изощряет меч и гораздо большими себя, нежели ближнего, уязвляет ранами. «Такая вещь злоба, – говорит святой Иоанн Златоуст, – что она никаким словом или делом исправиться не может, но всегда свой яд в себе содержит, и ничто так безумными не делает людей, как злоба»^[306].

Кто имеет злобу в сердце своем, то никакие его добродетели не угодны Богу, и молитва его не доходит до Бога, по реченному в святом Евангелии: *Егда стоите молящися, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших* (Мк. 11:25–26).

О гордости

«Гордость есть, – как говорит святой Лествичник, – отступление от Бога, бесовское изобретение, погубившее изобретателя, отгнание Божией помощи, источник гнева, дверь лицемерия, грехов хранилище, хулы корень, упорство в своих мнениях». Кто одержим сею богопротивною страстью, от такового нередко отходят все прочие страсти, ибо одна она, то есть гордость, все их заменяет.

Кто превозносится и надмевается тем, что он причастник благодати, то хотя бы он и мертвых воскрешал, но если не признает души своей бесчестною и униженною и себя низким по духу и мерзким, вкрадывается он злобою, и сам не зная того. Святой Лествичник говорит, что таковым приличествует повиновение, и грубое бесчестнейшее пребывание, и пропитание о вышеестественных исправлениях святых отцов. Может быть, хотя через сие, будет сим негодующим малая ко спасению надежда. Противится гордости сокрушение сердечное, а наипаче самоукорение. Безумие крайнее – кичиться Божиими дарованиями, таковые, как недостойные, лишаются их.

Гордый подвижник подобен яблоку, снаружи красотою блестящему, а внутри сгнившему.

Диавол не имеет нужды искушать гордого, потому что он сам себе сделался врагом и супостатом. Как тьма чужда света, так гордый чужд добродетели.

Иные, ослепленные гордостью, считают себя святыми, и только в час смертный несчастные познают свою погибель.

Некто, боримый помыслами гордости, написал на стене наименование высочайших добродетелей и, прочитывая оные, вздыхал о своем убожестве.

До конца своей жизни должно памятовать о грехах своих, не приводя впрочем себе в подробности совершение их, особенно плотских грехов. Памятование о грехах отражает помыслы гордости.

Блудных исправляют люди, лукавых – ангелы, а гордых – один Бог. Кто не имеет послушания, не отсекает своей воли, не терпит укорений, бесчестий и поношений, тот не возможет стяжать истинное смирение. Как от огня не рождается снег, так и ищущие земной славы – небесной наслаждаться не будут. Святой Ефрем Сирийский сказал о гордости: «Кто ею исполнен, в этом невидимо водворяется лукавый».

Не допускай в себе недуга гордыни, чтобы враг внезапно не похитил у тебя рассудка. Смирennemудрием очисти ум свой от этого смертоносного яда.

Начало и конец худого – высокоумие. Этот нечистый дух изворотлив и многообразен, употребляет всякие усилия возобладать всеми: каждому, каким кто идет путем, ставит сеть. Мудрого уловляет мудростью, богатого – богатством, благообразного – красотою, красноречивого – красноречием, имеющего приятный голос – приятностью голоса, художника – искусством, оборотливого – оборотливостью. Подобным сему образом не перестает диавол искушать и проводящих духовную жизнь и ставит сеть: отрекшемуся от мира – в отречении, воздержному – в воздержании, безмолвнику – в безмолвии, нестяжательному – в нестяжательности, многоученому – в учености, благоговейному – в благоговении, сведущему – в знании. Так высокоумие во всех старается посеять свои плевелы. Посему, где эта жестокая страсть укоренится, ни к чему не годным делает человека и весь труд его. Господь для победы над гордостью дал нам смиennemудрие, состоящее в этом: что бы мы ни сделали – считать себя рабами непотребными.

Гордость – потеря любви к Богу и ближним, богоотступничество, омрачение ум, лжеименная философия, смерть души.

«Гордость, – говорит святой Златоуст, – все житие наше нечистым сотворяет, хотя бы чистоту, девственность, пост, молитву, милостыню и другие добродетели творили мы».

Святой Тихон Задонский взывает к гордому: «Приинки в гробы и распознай там царя от воина, славного от бесчестного, богатого от нищего, крепкого от немощного, благородного от худородного. Тут хвались своим благородством, тут превозносились разумом, тут величайся красотой, тут красуйся богатством, тут надмевайся честью, тут исчисляй титулы. О, бедная тварь, бедная по началу, бедная по житию, бедная по концу. Помни еще, кто ты есть? Создание, по образу Божию созданное, но образ Божий погубившее, падшее, растлившееся, скотом немислимым приложившееся, но милосердием Божиим восстановленное, Сына Божия страданием и смертью искупленное. Он тебя ради смирился, тебе ли гордиться? Тебя ради раба принял образ, тебе ли искать владычества? Тебя ради обнищал, тебе ли гоняться за богатством? Бесчестие приял, тебе ли чести домогаться? Не имел, где главы приклонить, тебе ли расширять великолепные здания? Умыл ноги ученикам Своим, тебе ли стыдно послужить ближним своим? Он неповинно терпел и для тебя, тебе ли, виновному, не терпеть? Не заслужили ли того грехи твои? Сын Божий за распинателей Своих молился: «Отче, остави им!» Тебе ли на оскорбивших гневаться, злобиться, искать мщения? Тварь убогая, немощная, нагая, страстная, заблудшая, всяким злополучиям подверженная, всякими бедами окруженная, трава, сено, пар, в мале являющиеся и исчезающий. Но если ты приемлешь Сына Божия за Спасителя, Искупителя, Наставника и Учителя твоего, то приемли и учение Его, последуй учению Его, если последуешь учению Его, последуй смирению, которому Он тебя и словом, и делом прежде всего учил: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11: 29). Не стыдно ли тебе, рабу, гордиться, когда Господь твой смиряется? Как наречешься Его рабом, когда не повинешься Ему? Как назовешься Его учеником, когда не слушаешься Его учения? Не признает и Он тебя за Своего, когда увидит на челе твоём печать бесовской гордыни, не признает тебя за Своего раба, когда не увидит в тебе смирения и послушания, не признает тебя за Своего ученика, когда не увидит Своего учения. Ты стыдишься смирения Его, и Он постыдится тебя. *Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк. 8: 39)».

«Не будет с Ним иметь участие во славе Его тот, кто не хотел быть участником в смирении Его. Нет ничего опаснее и сокровеннее гордости, – продолжает святитель Тихон. – *Сокровенная гордость* глубоко в сердце нашем кроется, и усмотреть ее не можем без помощи Иисуса Христа, Сына Божия, и лучше ее познаем на ближних наших, нежели на себе. Прочие пороки, как то: пьянство, блуд, воровство и прочее видим, ибо часто ради их жалеем и стыдимся, но гордости не видим, кто бы себя признавал от сердца гордым, еще не случалось того видеть. Многие называют себя грешными, но от других называться не терпят, и так от сего показывают, что языком только называют себя грешниками, а не сердцем, на устах смирение показывают, а на сердце его не имеют; истинно смиренный огорчиться и гневаться от укорения не может, ибо всякого унижения достойным себя мнит. Нет ничего труднее, как избавиться гордости, потребна особенная помощь Божия и великие подвиги к победе над нею, ибо внутрь себя носим зло сие. В благополучии ли находимся? Она с величанием и пышностью, презрением и унижением ближних приседает нам. В злополучие ли впадаем? Через негодование, роптание и хуление

показывает себя змея эта. Терпению ли, кротости и прочим добродетелям научиться хотим? Кипением фарисейским восстает она на нас. Нигде и никак от нее избавиться не можем, всегда с нами ходит, всегда хочет господствовать и владеть нами». Как гордым Бог противится, показывают страшные суды Божии, которые нам Священное Писание представляет, чтобы мы, взирая на них, всеми силами береглись сего мерзкого, душепагубного порока, внимая словам Спасителя: *Яко возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18: 14). Гордость велеречива, высокоречива и многоречива; славы, чести и похвалы всяким образом ищет; высоко себя и дела свои превозносит, других презирает и уничтожает, ищет себя показать, бесстыдно себя хвалит, какое добро имеет – себе приписывает, а не Богу; хвалится и тем добром, которого не имеет; недостатки и пороки свои скрывает, в презрении и унижении быть не терпит, увещаний, обличений, советов не принимает, в дела чужие самовольно вмешивается, в несчастии ропщет, негодует и часто хулит. Гордость гневлива, завистлива; не хочет, чтобы кто равен и выше его был, но чтобы она всех превышала.

Гордость ненавистлива и есть начало и корень всякого греха. Она высоко возносится, но весьма низко падает. В горделивом невидимо водворяется диавол; где высокомерие, там жилище бесов. Гордость – это тысячеглавый змий.

Моисей, сподобившийся быть собеседником Божиим, *быв кроток зело, паче всех человек, сущих на земли* (Чис. 12: 3).

Где кротость и смирение, там благодать Святого Духа и вселение святых ангелов. Ты считаешь себя мудрым или подвижником, но ты еще не сравнился с тремя отроками и пророком Даниилом, из которых один говорил: *Тебе, Господи, правда, нам же стыдение лица* (Дан. 9: 7).

Кто чем-либо превозносится, тот противник Божий, ибо Господь дал нам образ глубочайшего смирения, препоясавшись лентием, умыв ноги ученикам Своим.

Гордость омрачает разум, низводит в бездну зол; она из всех страстей лютейшая и восполняет собою все оные, почему нередко можно видеть в иных, одержимых сею страстью, строгость жизни и подвижничество, ибо диавол, уловив человека сею страстью, не препятствует уже ему в мнимых подвигах и даже помогает, дабы, тем надмив, потом низвергнуть в глубочайшую бездну погибели. Гордость препятствует человеку видеть свои недостатки.

Ни об одной страсти столько диавол не радуется, как о гордости, высокомерные носят на челах своих печать его. Диавол в самых добродетелях наших тщится посеять плевелы гордости. Молитвенников он уловляет молитвою, внушая им о себе высокое мнение, подвижника – подвигами его. Благоговейного – благоговением, постника – воздержанием, милосердного – благотворениями его, безмолвника – безмолвием, нестяжательного – нестяжанием и проч. Кого, как и чем может, посеявая в каждом помыслы самомнения, но, дабы искоренить оные в самом их основании, всеблагий Спаситель наш изрек сии Божественные слова: *Аще сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко рабы неключимы (т. е. непотребны) есмы, якоже должны бежом сотворити, сотворихом* (Лк. 17: 10).

Многие великие подвижники, предавшись нерадению, а наипаче самомнению, пали падением лютым и бедственно кончали свою жизнь, а иные явные грешники восставали и как солнце просияли. Примеров тех и других бесчисленное множество.

О лукавстве

Избранный сосуд Духа Святого – святой Ефрем Сирин – говорит, что плакать и проливать слезы должно о тех, которые вступили в союз с лукавством, потому что подлежат они тяжкому приговору. *Зане лукавнующии*, как сказано, *потребятся* (Пс. 36: 9). Страшен демон лукавства; потому остерегайтесь, чтобы кому из вас, впад в оное, не погубить душу свою. Святитель Тихон о лукавых говорит следующее: «Многие волки в овчих кожах ходят, *от плодов их*, – глаголет Господь, – *познаете их* (Мф. 7: 16). Многие молчат, многие постятся и много молитв читают, но внутри злы, горьки и гнилы, подобно яблокам, внешне красным, а внутри гнилым и червоточным. Знай точно, что когда внутри благочестия нет, то и в самом деле его нет, а внешнее, видимое благочестие без внутреннего есть лицемерие и обман».

Златословесный учитель покаяния, обличая лукавство, поучает, что нет жесточайшего искушения, как попасть на человека льстивого; льстивый человек страшнее всякого зверя: зверь, каков он есть, таким себя и показывает, а льстивый часто под видом смирения и добродетели яд свой скрывает, так что весьма трудно узнать и уберечься коварства его.

Коварный человек – волк в одежде овчей; он злонравие свое прикрывает благосклонными словами; злобствуя и враждуя, показывается другом; ласкательствуя, хвалит то, что служит пагубою; всегда пребывая в беспокойствии, вид святости показывает; гордость смирением, а зависть почтением покрывает. Горе лукавым, – они отвратительны перед очами правды Божией.

Произносим мы ежедневно в молитве Господней: избави нас от лукавого, – а потому бежать должно от лукавых, как единомысленных с бесами.

О лжи

Мерзость Господеви уста лживы (Притч. 12:22). *Погубиши вся глаголющие лжу: мужа кровей и льстива гнушается Господь* (Пс. 5: 7). «Злополучен и жалок, кто пребывает во лжи, – как поучает святой Ефрем Сирин, – потому что диавол *искони ложь есть*» (Ин. 8: 44). Кто пребывает во лжи, ненавистен он и Богу, и людям, ни в каком деле не заслуживает одобрения, во всяком слове подозрителен, в обществе он то же, что ржа в железе, он тщится, излагает языком своим и тех, которые твердо стоят в добре; ничего не говорит без клятвы и думает убедить многоглаголанием. Лжец многоизобретателен и изворотлив. Нет язвы глубже этой, нет позора выше этого. Лжец для всех гнусен и отвратителен. Бегай лжи, как змия, – и войдешь в рай. Если говорит с тобою лжец, а ты преклоняешь к нему слух свой, то из уст его течет смерть и переливается в недра слуха твоего, смертоносный яд говорящего сообщается и слушающему, подобно тому, как перешла смерть от змия, говорившего с Евою. Змея, поедая сладкую пищу, превращает ее в горечь, и, когда изблюет ее, горе тому, кто примет в себя, так и истина, из уст лжеца выходящая, смертоносным ядом бывает, ибо в сладких словах его скрывается отрава.

Если кто подает тебе питье в сосуде мерзком и гнусном, то и самое питье сделается для тебя отвратительным, потому что гнусен сосуд, хотя бы питье было и приятно, но гнусным делается от сосуда. Кто же гнуснее лжеца? Разве тот, кто охотно слушает его. Кто отвратительнее обманщика? Разве тот, кто внимает ему, кто любит гнусные речи, тот осквернен уже в душе своей.

Надобно помнить, что лживым людям не верят, когда они и правду говорят; посему, чтобы тебя не ожидало, говори всегда правду. Ложь, хотя бы она ограничивалась только пустословием или льстивым приветом, должна быть чуждою сподобившихся быть призванными в лике невест Христовых.

О ропоте

Как ржа изъедает даже металлы, так и ропот губит все, что есть у нас доброго. Кто ропщет на кого-либо, хотя бы даже и на себя, тот малодушествует, забывает свои благие обещания, в тайне сердца данные Господу при вступлении в монастырь. Ты ропщешь, что нехороша для тебя трапеза, но не затем ты шла в монастырь, чтобы разбирать вкус пищи, живущие в мире очень многие и такой не имеют. Ты ропщешь, что тебе дано не то послушание, какое бы тебе хотелось; но послушание назначено тебе матерью твоею игуменьей, и ты должна знать, что *нет власти, аще не от Бога*, посему в данном тебе послушании усматривай волю Божию. Ты ропщешь, что на тебя не обращает внимания игуменья и не отличает тебя от прочих сестер, как особенно ревностную в послушании; но ты, исполняя послушание, имей в уме своем не отличие, ибо здесь уже проглядывает самолюбие, а исполняя все повеленное, считай себя последней и худшей из сестер – и тогда привлечешь внимание на себя не только матери твоей игуменьи, но ангелов и даже Самого Господа ангелов.

О многоглаголении, кощунстве, смехе и блаженном молчании

Безумен множит словеса (Сир. 22: 12), *щадяй же уста разумен будет* (Притч. 10: 19). *Не буди скор языком твоим* (Сир. 4: 33). «Сад без ограды, – как учит святой Ефрем Сирин, – будет потоптан и опустеет; и кто не хранит уст своих, тот погубит плоды». Многоглаголение помрачает ум; помраченный же ум ведет к бесстыдству; а бесстыдство есть мать сладострастия. Кто любит молчать, тот и сам остается безмятежным, и не огорчает ближнего. Люби молчание, чтобы пребывало в тебе благоговение, храни благоговение, чтобы соблюдало оно тебя от сладострастия. Многоречивые не только достойны порицания, но даже производят отвращение в желающих провести с ними время и сблизиться. Уста, из которых выходит и доброе, и лукавое, – необузданный конь: поэтому нужна для них узда, иначе стремление их увлечет в пропасть, потому что путь их среди пропастей.

Смерть и живот в руце языка (Притч. 18: 21). Бойся празднословия, ибо за всякое праздное слово дашь Богу ответ в день судный; не приемли имени Божия всуе, да не разорится заповедь Господня; не клянись, не кощунствуй, да не поразит тебя гнев Божий.

Враг наш, диавол, вредит нам всеми способами, но особенно посредством языка и уст, ибо никакой другой член так не пригоден ему для обольщения и гибели людей, как невоздержанный язык и незагражденные уста.

Когда бывает нужно удостовериться в истине чего-либо, то никак не должно говорить «ей-богу», а тем более клясться, а сказать лишь «ей-ей» или «ни-ни», – и сего достаточно. Святой Златоуст говорит: «Подлинно тяжек и весьма тяжек грех – клятва».

Празднословие разоряет монашескую жизнь, оно продолжает вольность в обращении, смех, шутки и кощунство, эту смертоносную язву; сердца таковых делаются обиталищем нечистых духов. Как пчелы не терпят дыма, отлетают, так и Ангелов-хранителей празднословцы и кощунники отгоняют от себя.

Богоугодное дело – беседовать о спасении души, но оно должно быть не иначе как с благословения игуменьи или духовной старицы, и при этом не должно желать быть учительницами, что очень опасно, кроме тех случаев, когда иным, особенно новоначальным, необходимо что-либо сказать для вразумления, но говорить должно всегда с ласкою, кротостью и любовью, а главное, испросив внутренне помощь Божию.

Упомянем и о достоблаженном молчании. Молчаливый близок к Богу и ангелам, а многоречивый удален от них. Малый уд – язык, но большой вред приносит, подобно тому, как моль – малое насекомое, а большие вещи повреждает и даже уничтожает. «От болтливости, говорит святой Иоанн Златоуст, произошло бесчисленное множество зол: расстраивались семейства, разрывались узы дружбы, происходили тысячи и других бедствий»^[307].

«Благоразумное молчание, – говорит святой Лествичник, – есть мать молитвы, воззвание из пленения мысленного, хранилище божественного огня, надзиратель над помыслами, соглядатель врагов, темница плача, друг слез, делатель памяти о смерти, живописец муки в будущем веке, любоиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости, безмолвия супруг, противник любоучительства,

приращение разума, соделатель видений, неприметное преуспевание, тайное восхождение»[\[308\]](#).

О лени

Лень – мать всех пороков: она расслабляет человека и делает его самым несчастнейшим существом, ибо ленивые несносны даже для самих себя. Все скверные грехи и страсти рождаются от лени и праздности, как червь точит дерево, так лень растлевает и губит душу, или, как в стоячей воде, которая зарастает негодными травами, разводятся одни лишь вредные насекомые, так в человеке праздном и ленивом зарождаются гнусные страсти. «Нет ничего постыднее праздности и бездействия»^[309], – говорит святой Златоуст, а святитель Тихон поучает: «Праздность всему злу виновна, и, кто в праздности живет, непрестанно грешит»^[310].

Горе ленивым, если они не исправятся; награждаются труждающиеся, а ленивым предстоит печальная будущность; они, по слову апостола Павла и есть не должны: *Аще кто не хочет делати, ниже да яст*, – сказал он (2 Сол. 3: 10). *Иди к мравью, о лениве*, говорит Премудрый, *и поревнуй, видеv пути его, и буди оногo мудрейший* (Притч. 6: 6).

Встав утром и вечером, перед тем как ложиться спать, непременно в келье своей должно помолиться Богу, кто сколько может. А те, кои, по лени своей, утром, встав, дерзают что-либо делать, не помолившись Богу, тяжко согрешают и губят свои труды; они видно забыли, что есть Бог, Который не умедлит наказать их за такое небрежение.

О сладострастных влечениях

Бояться должно, как гееннского огня, сладострастных влечений к кому бы то ни было; а потому необходимо убегать и не говорить с теми, к кому ощущаем страсть, а также бояться каких-либо и собственных страстных услаждений, всякую о сем мысль в самом ее начале гнать от себя, как порождение диавольское, как смертоносный змеиный яд, который, разливаясь по всем составам человеческого тела, умерщвляет и тело, и душу. Если кто не удержится от сего греха, то погибель такового неизбежна.

Через сладострастие бес ввергает человека в отчаяние, из одной пропасти в другую, лютейшую. Святой Лествичник говорит, что ни о чем так не радуются бесы, как об осквернении сладострастным грехом. Хотящий избежать его, но насыщающий и услаждающий чрево свое, подобен погашающему пожар маслом, а хотящий одним воздержанием победить сию страсть, подобен тщащемуся одною рукою выплыть из моря. Совекупи воздержание со смиренномудрием и память о смерти имей себе супружницею, а без сего напрасны все твои труды.

Склонные же к сладостному греху бывают сострадательны, ласковы и скоры на слезы, но все это действие бесовское, дабы обманом чувств глубже утопить несчастных; также враг внушает им излишнее упование на милосердие Божие. Господь действительно милосерд, но и правосуден.

Святая Синклитикия советует хранить зрение, не смотреть на красивые лица, к коим ощущается влечение, ибо это есть начало скверной страсти, а когда начало уничтожено, то и продолжения не будет; но случалось и так, что увлеченные этой страстью ощущали потом взаимную ненависть, чем и пресекался этот лютый недуг.

Нет борьбы – нет и награды за оную, не уязвляемый от супостатов не увенчан будет. Кто при случающихся нападениях бесов не ослабевает духом, тот ангелами, как мужественный воин, похвален будет.

Если живущие в монастырях будут услаждаться нечистыми мыслями, или, что еще хуже, иметь страстные влечения, то их осудит Господь паче всех блудниц, в мире живущих, огонь для них никогда не угаснет, и червь, грызущий в безотрадном тартаре, никогда не умрет. В добротолубии говорится, что никакая душа столь тяжело не исходит из тела, как сластолюбивая.

Желающим избежать сего отвратительнейшего греха предлагается следующее: 1) никогда не находиться в очень близких отношениях с кем либо, где предстоит эта опасность; 2) тщательно избегать соблазнительных встреч наедине; 3) при первом как бы невинном ощущении какого-то влечения или услаждения надобно в самом начале уничтожить его, а иначе будешь раздувать искру, от которой может произойти пожар, и тогда уже не в силах будешь потушить его, ибо мы люди слабые; 4) если мысли сладострастные сами в голову идут и ты их нисколько не желаешь, но даже и боишься, то не унывай, а молись и проси Бога об отгнании их: в том наш весь подвиг, чтобы не соизволять им; 5) но если уже допущены тобою по нерадению эти помыслы и ощущаешь ты страстное влечение к кому-либо, то мысленно представляй нравящийся тебе предмет гнусным и отвратительным, безобразным на взгляд, при этом вспомни о смертном часе, нередко внезапно постигающем человека, и ты мало-помалу охладеешь, – а главное, проси помощи Божией усердно, слезно моли Бога об избавлении, и открывай, нimalo не медля,

кому до́лжно, на духу язву свою, а чем она долее оставаться будет сокровенною, тем труднее излечение ее.

Выписка из митерика монаха Исаии

В Египте возникли первые монастыри, мужские и женские; там же первые явились и безмолвники, не только в монастырях, но и в частных домах, особенно около Александрии и у берегов Нила. У них было свое учение, которое охотно принимали и жизнью оправдывали многие благородные и знатные женщины. Ревностными проповедниками сего учения в четвертом веке христианском были аввы: Антоний Великий, и современник его Исаия, и ученица Исаии – Феодора. Их изречения и поучения передавались устно и письменно из рода в род и составляли так называемые отечники, патерики и митерики. Этими давними памятниками воспользовался некий Исаия, живший в девятом веке, называвший себя грешным монахом; он весьма просто, ясно и подробно изложил сие учение в двух книгах для преподобной молчальницы Феодоры Ангелины Фокалтисссы. Из этих рукописных книг, в которых ясно отражается десятый век, с его иконопочитанием, с его верованием и видениями загробной участи праведных и грешных людей, я, Исаия, заимствую оное учение, зная, что оно точь-в-точь таково было и у всех безмолвников Афонских, начиная с Петра.

Говорил авва Антоний инокам: «Имея в себе страх Божий, будем всегда помнить, что мы смертны. Возненавидим мир и все, что в нем. Возненавидим всякую плотскую негу. Отречемся от сей жизни, да живем для одного Бога, ибо сего Он потребует от нас в день суда. Будем молчальники. Станем алкать, жаждать, напутствовать, бдеть, плакать, поститься, стенать сердечно. Возлюбим скорби – да обрящем Бога. Презрим плоть – да спасется душа наша».

Спрашивала блаженная Феодора великого Антония: «Скажи, отче, как могу спастись я – женщина?» Отвечал старец: «Бог ведает спасение всех людей, однако я говорю тебе, что ни женщины, ни мужчины не могут угодить Богу и спастись, если не освободятся от всех похотений мирских, и не будут упражняться в молчании. Ступай же и ты, если хочешь быть послушною мне, сиди в своей келье и собери ум твой, помни день смерти, воображай тогдашнюю мертвенность тела. Осуди суету мира, постись, бди и молись прилежно, да возможешь приблизиться ко Христу путем добродетели. Припоминай ад и воображай, как там пребывают души, как им горько, какое около них мертвое молчание, а они одни стонут, трепещут, томятся, ожидая нескончаемой муки, непрерывных слез и общего воскресения тел. Воспоминай и воображай оный суд страшный и ужасный и то, что уготовано грешникам: стыд перед Богом, ангелами, архангелами, властями и всеми людьми, огонь вечный, червь неумирающий, мрак, тартар, скрежет зубов, устрашения и муки. Воображай и те блага, кои уготованы праведникам: близость к Богу, радость ангелов, архангелов и властей, Царство Небесное и его утехы, веселие и блаженство. Памятование о тех и других душах храни в сердце своем и при мысли об осуждении грешников – стонай, плач и скорби в сердце твоём, боясь за душу свою, как бы и она не оказалась между ними; а вспоминая о праведниках, радуйся, и веселись, и старайся сподобиться уготованных им благ, и где бы ты ни находилась: в келье, или в церкви, или на пути, содержи все это в сердце твоём».

Говорила блаженная Феодора: «Вот чему поучал меня авва Исаия! Хорошо безмолвствовать, наипаче молодым. Муж мудрый безмолвие водит. Но знай, дочь моя, что когда кто решится безмолвствовать, тотчас приходит лукавый со всем бесовским воинством его и отягощает душу вялостью и беспечностью, душит ее то срамными, то

суетными помыслами, а тело обременяет тяжкими недугами – истощением сил, расслаблением колен и всех членов, так что безмолвник, по внушению диавола, говорит сам себе: «Я слаб, не могу стоять долго, трудно мне класть обычные поклоны, и прочее».

Говорил блаженной Феодоре авва Исаия: «Заповедь тебе, дочь моя, люби одного Бога, не сближайся с мужчиною; не выходи из кельи своей. Соблюдая сии три правила, ты найдешь покой».

Говорила блаженная Сарра: «Если человек помнит изречения Святого Писания – слово твое оправдает тебя, и слово твое осудит тебя – то решится лучше молчать».

Некая монахиня спрашивала блаженную Сарру: «Как мне спастись?» И отвечала ей святая: «Будь как мертвая, не заботься ни о чести, ни о бесчестии от людей, безмолвствуй в келье твоей, помни Бога и смерть, не сближайся с мужчинами».

Спрашивали блаженную Сарру: «Что такое путь тесный и прискорбный?» Отвечала она: «Вот что путь прискорбный – успокоиться от сует мира, поститься, молчать, бдеть, читать, класть много земных поклонов, не выходить из кельи никуда кроме церкви и отсекал волю свою для Бога. Тогда ты можешь сказать Христу с Петром: *Се мы оставихом вся и в след Тебе идохом*».

Спрашивала блаженная Феодора святую Сарру: «Что мне делать, когда поборают меня многие помыслы?» Отвечала святая: «Ратуй не со всеми ими, а с одним главным, от которого зависят все помыслы монашеские, сокрушай эту голову – тогда все прочие помыслы притихнут. А оружия, поражающие эту голову, суть: безмолвие, пост, распростертие по земле, всенощное стояние, пересиление сна, чтение, сердечные слезы, множество земных поклонов, биение в перси и смирение. Таковы оружия монаха на главный помысл, коими он побеждает все помыслы благодатью Христовою, иначе же победить их не может».

Говорила блаженная Сарра: «Если мы будем прилежно искать Господа путем добродетелей, то Он явится нам; а когда пребудем в безмолвии, тогда останется с нами».

Говорила блаженная Синклитикия: «Великий труд и подвиг бывает у тех, которые впервые приближаются к Богу, успокоившись от суеты и начиная молчать, а потом бывает радость неизреченная. Как те, которые хотят развести огонь, сперва одымляются и льют слезы, и таким образом добывают, что им надобно – так и желающие возжечь в себе огонь божественный должны плакать и трудиться, успокоясь от суеты и безмолвствуя».

Говорила себе самой святая Синклитикия, когда возникал в ней блудный помысел: «На постели ты хочешь спастись? Нельзя! Успокойся от суеты, молчи, бди, постись, плачь, тогда помилует тебя Бог, а кто не потрудится здесь, тому придется трудиться в неугасаемом огне, вместе с бесами».

Говорила святая Синклитикия: «Как в песке не может расти ни трава, ни дерево, так занятому мирскими заботами невозможно вырастить плод небесный. Ибо говорит Бог: невозможно работать двум господам, потому что одного из них мы возлюбим, а другого возненавидим».

В другой раз говорила святая Синклитикия: «Если ты, благодатью Божией, преуспеешь во всех добродетелях, то не превозносись в сердце твоем, и не говори: «Стяжала я добродетели», а молви так: «Я, как раба Божия, сделала то, что Он повелел. Тогда пошлет тебе Господь помощь от святого и избавит тебя от сетей врага».

Пришла монахиня к преподобной Пелагее, и говорит ей: «Что мне делать с грехами моими?» Отвечала преподобная: «Желающий освободиться от грехов освобождается от них успокоением от суеты, молчанием и плачем».

Говорила блаженная Матрона: «Господь мой сказал мне: «Делай дело Мое, а Я пропитаю тебя. Как же? О том не спрашивай, обеспечением или нет, имею ли Я, или не имею, или милостынею одолжаюсь, не спрашивай о том, а только делай, и Я пропитаю тебя». Дело же Божие какое? Во-первых, успокоение от всего мирского, во-вторых – молчание, в-третьих – молитва, псалмопение и коленопреклонение, в-четвертых – чтение, в-пятых – плач, в-шестых, памятование о Боге и смерти, в-седьмых – блаженное смирение. Ни одной такой добродетели не можешь ты иметь, если не успокоишься от всех мирских забот, хотя бы ты и мертвых воскрешала».

Она же говорила, что терпение монахини доказывается оным успокоением и молчанием. *А претерпевый до конца, той спасен будет*, – сказал Господь.

Блаженную Матрону много просила одна сестра сказать ей, как спастись? Она же со слезами отвечала ей: «Весьма трудно спастись ныне, потому что мы оставляем келью свою и ходим, куда велит нам диавол; если же ты хочешь, чтобы спаслась душа твоя, то послушай меня, ступай назад и сиди в келье твоей молча, молись и предай Богу душу и тело твое, со многими слезами – тогда Он, научающий человека ведению, научит и тебя, как надобно молиться».

Говорила святая Мелания преподобной Матроне: «Желаю сберечь сердце мое, но не могу». Отвечала ей преподобная: «Удивляюсь, как ты сказала это? Ужели ты не знаешь, что, кто не безмолвствует, тот не может стяжать ни одной добродетели. Как же можешь ты сберечь сердце, когда уста твои отверсты? Если ты хочешь и сердце сберечь, и все заповеди исполнить и добродетели стяжать, то сиди и безмолвствуй в келье своей, и келья твоя научит тебя всему».

Спрашивала блаженная Феодора преподобную Матрону: «Скажи мне, как стяжать все добродетели и спасти душу?» Отвечала преподобная: «Если ты успокоишься от суеты, будешь молчать и никогда не станешь беседовать с мужчиною, а при воздержании претерпишь все это, будешь уповать на милость Божию, то в день суда обрящешься среди спасенных».

Говорила блаженная Феодора: «Люби молчание паче разглагольствования, оно – сокровище монахов! А разглагольствование расточает богатство инока».

В другой раз говорила она: «Богатство души составляют успокоение от суеты, молчание и воздержание. Усвоим же эти три добродетели, да спасется душа наша».

Говорила блаженная Феодора: «Успокоение от забот, молчание и сокровенное парение ума порождают страх Божий и целомудрие. Сокровенное парение ума есть непрестанная умная молитва: *Господи Иисусе Христе, помилуй меня; Сыне Божий, помоги мне*».

Пришла некогда сестра к преподобной и блаженной Феодоре для душевной пользы и спросила ее: «Что такое безмолвие?» Преподобная же, вздохнув и прослезившись, отвечала: «О, сестра! Ты спросила нас о житии ангельском! Безмолвствовать – значит пребывать в келье, с сокрушенным сердцем и со страхом Божиим, без памятозлобия и тщеславия. Такое безмолвие порождает все добродетели и хранит любящую его сестру от разжженных стрел врага!» И опять, вздохнув, она говорила: «О, безмолвие и молчание – мать умиления и зеркало грехов, они настраивают к покаянию, извлекают слезы и воздыхания, с ними сожительствует смирение, от них светлеет душа, они беседуют с ангелами, рождают кротость и дают мир человеку.

О, безмолвие и молчание! Они уму свечильник, помыслам соглядая, самопознанию помощник, молитве матерь, для чтения досуг, посту подкрепление, языку обуздание, чревоугодию отказ. О, безмолвие и молчание! Они уцеломудривают душу и сердце,

способствуют познанию себя самого, непрестанно беседуют со Христом и помнят смерть. Его (Христа) одним днем и ночью ожидать со светильником горящим, Его одного любить и Ему петь непрестанно готово сердце мое. О, безмолвие и молчание! Они – изнеженности конец, смеха отдаление и замена его плачем, бесстыдству враг, вольности неприязнь, страстям обуздание. О, безмолвие и молчание! Они благочестия матерь, благодати Божией приемник, плодов благих исполнение, древо жизни».

Говорила блаженная Феодора, что монах должен поститься с понуждением себя, петь разумно, молиться со вниманием, просить Бога со страхом, не делать ничего земного ненужного, совершать все духовное и паче всего безмолвствовать постоянно. В этом заключается монашеская жизнь.

Она же говорила, что сатана веревки вьет и что, чем больше прядей подаешь ты ему, тем больше он вьет; если же мы перестанем готовить их для него, то и ему нечего будет делать.

Она же говорила: «Безмолвник есть тот, кто не позволяет уму своему блуждать в области помыслов суетных и похотей срамных. Безмолвник есть земное подобие ангела. Безмолвствуя ради Бога, он постоянно любит читать, петь, молчать, молиться. Безмолвник есть тот, кто из глубины души вопиет ко Господу: «Готово сердце мое, Боже!» Безмолвник есть тот, кто говорит: «Я сплю, а сердце мое бдит».

В другой раз говорила блаженная Феодора, что желающий безмолвствовать ради Господа должен запереть не только дверь своей кельи, но и уста, и свой ум, дабы он не помышлял о суетном, и все прискорбное претерпевал бы ради Господа, а келью очистить от снудей так, чтобы она и против воли направляла его к добродетелям. Она же говорила: «Признаки безмолвия спасительного суть: безмятежность ума, стремление ко Господу, непрестанное памятование о смерти и вечном мучении, ненасытимая молитва, множество земных поклонов, всегдашняя память о Боге, умерщвление блудной похоти, несуществование для мира, нежелание угождать чреву, прилежание к чтению и псалмопению, обилие слез, отказ многословию, глубокое молчание, бодренное бдение. Кто имеет все это, тот воистину безмолвствует ради Бога».

Маленький волос причиняет боль глазу – маленькое попечение о житейском расстраивает безмолвие, ибо оно есть отложение худых помыслов, желаний и не благословенных забот. Любящий безмолвие ради Бога не заботится даже о своем теле.

Все эти изречения и поучения египетских подвижников и подвижниц дают нам верное и полное понятие о безмолвии. Я извлек их из митерика, как новость, как редкость, да и самый-то митерик есть книга невиданная. Составитель его, грешный монах Исаия, сказал о нем вот что: «От века никто не составлял такой женской книги, какую я осмелился составить для тебя».

Душеполезные изречения святых отцов

Молчаливый близок к Богу и ангелам. Худое слово вреднее всякого яда.

Отдохнув после труда, если не принимаешься немедленно за труд, хотя и мог бы это сделать, не получишь награды трудившихся в терпении.

Многие пути людям кажутся правыми, но последняя их зрят на дно адово, то есть многое вам вначале кажется полезным, а оное впоследствии оказывается пагубным, почему и необходимо в духовной жизни вопрошать опытных и не своим разумом, а их советами руководствоваться.

Один ученик просил старца помолиться за него, старец ответил ему: «Ни я, ни Бог не сжалится над тобою, если не будешь сам заботиться о себе и молиться Богу».

Ожидай искушений до последнего издыхания, без них никто не войдет в Царствие Небесное.

Никто не может иметь истинного сердечного смирения, если душа его не будет смотреть на Господа, как на образ совершенного смирения.

Господь, хотя и простил человеку грехи, но желает, чтоб люди всегда оплакивали их и не забывали о них, стараясь дать отчет в них. *Грехи твои не помяну*, сказал Господь, *ты же помни да оправдиши*; человек не должен прощать себе грехов, а непрерывным покаянием возобновлять их в памяти, кроме плотских грехов, воспоминание коих в подробности оскверняет мысли человека.

Ведущему добро творить и не творящему – грех ему есть.

Помысел, коему не предшествует тишина и смирение, не есть от Бога.

Излишний телесный покой мерзок перед Богом, ибо он Сам сказал: *Узкий и тесный путь, вводяй в живот*; избрать этот путь есть добрая наша воля. По мере телесного упокоения умножается вместе падение души.

Благодарение ходатайствует перед Богом о немощи человеческой, оно притупляет жало скорби, врачует болезнь сердца и тела.

Никто не может приобрести что-либо благое иначе, как с великим трудом.

Памятование смерти полезнее всего: *Помни твоя последняя и вовеки не согрешишь*.

В затруднении, как поступать, молись до трех раз, по примеру Самого Спасителя, а иногда сие нужно продолжить до трех дней с самоукорением, и куда, хотя на волос, уклонится помысел, тому и последуй.

Всегда должно думать и укорять себя при благом деле так: «Не знаю, угодно ли оно Богу, ибо иной суд человеческий, и иной суд Божий» – таким образом, избегнем фарисейского возношения.

Варсануфий Великий сказал и подтвердил, что должно и день и ночь укорять и унижать себя, дабы в помыслах своих видеть себя хуже всякой твари, и что нет иного пути к спасению, и ум да пребывает на небеси, то есть упражняется в богомыслии.

Право верующего и подвижающегося в благочестии Иисус не предаст страстям и в руки демонов.

Если человек в сердце своем не сознает себя грешником, Бог не услышит его, таковой, чувствуя тяжесть своих грехов, не смотрит на грехи ближнего своего, образ сего видим в покаянии мытаря.

Давид, борясь со львом, брал его за гортань и тотчас одолевал, так и мы, воздерживая гортань и чрево, при помощи Божией, победим невидимого льва. Не пресыщайся хлебом,

не пожелаешь и другого.

Рассуждение выше всего, терпение нужнее всего, молчание лучше всего, многоречие хуже всего.

Потеря благодати страшнее всех потерь, нет бедственнее состояния человека, потерявшего благодать. Весьма немногие возвращали ее величайшими подвигами. Надобно иметь непрестанную бдительность, чтобы сохранить ее.

Чем ближе приблизишься ты к Богу, тем сильнее враг ухватится за тебя.

Уединение и молитва выше всякого блага. Любовь к Богу можно извлечь в душе только одною непрестанною молитвою.

Малейшее пристрастие к чему-либо земному наводит гнев Божий и дает место действию духа злобы.

Кто сам не достиг в меру совершенства и начинает учить других погубляет и то, что имел.

При помощи человеческой отдаляется помощь Божия.

Промыслу Божию о нас нет предела, – Он невидимо ведет нас. Ничто не случается без воли Божией, всему определен день и час. Возложи упование на Бога, и Он будет промыслять о тебе, а пекись о себе сам, Он будет помогать тебе, но вседействующий Промысел Его отступит от тебя.

Поругание, биение и заушение есть человеку иночествующему дары Божии и благодать свыше: святые скорбями совершаются.

Монах, нерадящий о своем спасении, есть ругатель Божий.

Странен монах, и семен мертвец.

Страх Божий более поста и всех подвигов измощает плоть; кто стяжал его, для того нет на земле ни скорби, ни радости.

Праведная душа, излетев из тела, просияет, как солнце, и будет смотреть с изумлением на оставленную ею смрадную темницу, то есть тело, которое любила и лелеяла в жизни.

Как нам приобрести страх Божий, когда у нас чрево, как сосуд, наполненный сыром, и как бочка с солеными припасами?

Алчность и сон не дают нам видеть и того, что легко видеть.

Не надобно изыскивать такого дела, которое приятно нам.

Не расслабляться, угождая твоему телу, иначе оно низложит тебя. Несомненно, что и великие подвижники бывают им низлагаемы, если не внимают себе.

Берегись, чтобы ненавистник добра не увлек тебя в неблагодарность или ропот, тогда ты все потеряешь.

Не мысли ни о ком зла, иначе сам сделаешься злым.

Когда бес искушает душу, должно с воплем крепким и слезами воззвать ко Господу и Пречистой Его Матери, прося помощи, дабы не погибла душа.

Человеческое усилие, и подвиг, и искусство, и приверженность к Богу тогда делаются видимыми, когда при отступлении благодати человек будет мужаться и вопиять к Богу.

Отчаяние, малодушие и уныние в искушении – погибель души, радость диаволу.

О вечном блаженстве, уготованном праведным, и об адских муках, ожидающих грешников

Души, угодившие Богу, облечутся телами духовными, световидными, нетленными (1 Кор. 15: 40–45). Забудут печаль свою первую, и не взыдет им на сердце. Будет бо небо ново, и земля нова, и не помянут прежних, ниже взыдут на сердце их. Будут там все блага, подобно как был преисполнен ими древний земной рай, в состав его войдет все, что есть наилучшего и драгоценнейшего, будет теснейшее общение с ангелами и всеми святыми. Но все сии блага малы в сравнении с тем высочайшим блаженством, которое праведники будут почерпывать в созерцании и ближайшем общении с Господом Иисусом Христом и через Него с Богом Отцом и Духом Святым.

Господь Сам будет вечным светом для праведников: *они на рамена взяты будут и на колену утешатся, и якоже аще кого мати утешает, так Господь утешит их* (Ис. 66: 12–13).

Участь грешников неизобразима. Святой Иоанн Богослов в откровении своем упоминает, что они будут мучимы день и ночь во веки веков, и дым мучения их будет восходить до небес, и не будет им покоя день и ночь, будет томить их нестерпимая палящая жажда без надежды утолить ее, горькое раскаяние в прошедшем, тяжкое чувство гнева Божия, нестерпимый смрад, тьма, вопли отчаяния, видение страшилищ бесовских, хулы, скрежет зубов, и неизобразимо мучительный адский огонь, и многое иное. Вот в кратких чертах изображение будущих вечных мучений, ожидающих грешников. Когда при этом они вспомнят о неизреченных райских красотах и лицезрении Господнем, чего на бесконечные веки лишены, то мучения сих несчастных будут неизобразимы, неописуемы, ибо нет слов, коими они могли бы быть объяснены.

Обеты иноческие

Сподобившиеся монашеского, или ангельского, образа должны считать это величайшим благодеянием Божиим, всегда помнить о цели, для которой отверглись жизни мирской, и обетах, перед начатием новой жизни данных Богу при собрании всех братьев и в невидимом присутствии ангелов. Неизреченно велики награды, обещанные иноческому чину, но и наказания за нарушение данных Богу обетов тяжкие.

Обеты монашеской жизни главнейшие – следующие: отречение от мира и всего, что в нем, обещание пребывать в монастыре в постничестве до последнего издыхания, терпение всякой скорби и тесноты монашеской жизни, Царствия ради Небесного, хранение себя в девстве, целомудрии, послушании и благоговении до конца жизни.

Когда мы давали обеты, то ангелы невидимо предстояли, записывая оные, и за них дадим мы ответ во второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Отреклись мы от родителей, и сродников, и ближних, сущих в мире, от мирской суеты, имений, стяжаний, суетной славы и всяких житейских сладостей, воюющих на душу, и вообще от всего, что может занять нас на пути к спасению; отреклись мы от житейской молвы, сами, по своему рассуждению, избрав жизнь лучшую, апостольскую (1 Кор. 7: 7) и ангельскую. Будем же бодрствовать над собою, чтобы не бежать из стана небесных странников снова в страну рабства стремлением к житейским приманкам и удовольствиям.

Приступая работать Господу Богу, должны мы очистить себя от всякой скверны плоти и духа, стяжать страх Божий и смиренномудрие, оставить мирскую дерзость, быть послушными во всем настоятельствуящим и всему во Христе братству; в назначенных службах быть усердными и безропотными, в молитвах терпеливыми, в бдениях неленостными, в искушениях не печалиться и не унывать, в посте не ослабевать и знать, что молитвою и постом мы должны подкреплять себя и умолять Бога, да подаст нам смысл проразумевать лукавые помыслы, ибо враг не перестанет напоминать нам прежнее наше житие и внушать отвращение к добродетельной жизни. Вступив на путь, ведущий в Царство Небесное, не возвратимся назад, чтобы не погибнуть, подобно Лотовой жене, не возлюбим никого, более Бога: ни отца, ни мать по плоти или кого-либо из ближних своих; не предпочтем Творцу что-либо из тварей и если по истине хотим быть учениками Христовыми, то, по заповеди Господней, отвергаемся самих себя, возьмем крест свой и последуем за Христом, уготовив себя к перенесению всяких скорбей и искушений, ибо предлежит нам алкать, и жаждать, и нагствовать, изгнаться, досадиться, и укориться, и уничтожиться, и иными многими отяготиться скорбями, имиже сущий по Богу живот начертывается. Отложим злые нравы ветхого человека: непослушание, прекословие, гордость, зависть, ярость, похоть злую, ропот, хулу и проч., и вместо их потщимся иметь нравы, подобающие святым: любовь, кротость, смирение, послушание, воздержание, служение и благоговение, ибо ныне приемлем мы второе крещение и от всех грехов очищение, и сынами света соделывает нас Сам Христос Бог наш, и всепетая Его Матерь радуется со святыми ангелами о нашем покаянии.

Итак, возрадуемся и возвеселимся, ибо Господь избрал нас Себе во служение, отлучив от мятежного мира и поставив перед лицом Своим в воинство ангелоподобного иноческого чина, дабы отселе всецело работать Ему единому, горняя мудрствовать и горних искать, ибо наше жительство, по апостолу, на небесах.

И если до конца жизни пребудем твердыми и неизменными в данных нами Богу обетах, то возрадуемся, *ибо мзда наша многа на небесах*. Часть наша (иноков) с святыми преподобными Антонием, Евфимием, Саввою, (инокинь) с преподобными Синклитикией, Марией, Пелагеей и иными, с нимиже наследим Царство Небесное во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава и держава во веки. Аминь.

Обеты эти непременно, хотя раз в неделю, в воскресный или иной день, должно прочитывать, дабы оные были в памяти у нас, и мы б страшились нарушить их, ибо даны они нами не человеку, а Самому Богу. За неисполнение обетов мы, как выше упомянуто, строго будем истязаны в день Страшного суда Божия: о сем Василий Великий пишет, что нарушители обетов соделываются лжецами, святотатцами, похитителями святыни у Самого Бога, ибо обет дается Существу Величайшему, перед Которым трепещут небо и земля. Святейшему, Который ненавидит лжи и обмана, Правому, Который милует верных Ему и строго наказывает нарушителей обета.

Наш известный подвижник схимонах Парфений о нерадивых монахах выразился так, что им «лучше бы сгнить в утробе матерной», а Саровский о. Серафим сказал о сем следующее: «Мерзок перед очами Божиими смрад грехов мирских людей, но небрежность монахов еще отвратительнее. Жена, не сохранившая верность мужу своему, делается для него ненавистною, так и душа, обручившая себя Небесному Жениху и вознерадившая потом о Нем, поправшая обеты свои, будет иметь одну участь с Иудею-предателем».

Сколь велик перед очами Божиими монашеский чин, – это видим мы на бесчисленных сонмах иноков и инокинь, прошедших тесным путем и сподобившихся еще в жизни сей особенных даров благодати Божией. Даже самый внешний иноческий вид, одежда – и она указана свыше святому Пахомию Великому в явлении ангела, облеченного в схиму и прочую иноческую одежду. Достоин замечания случай, описываемый в прологе: православный царь Елезвой, узнав о богоотступничестве царя Дунаана и гонении, воздвигнутом им на христиан, собрал многочисленное войско и отправился с ним для отмщения нечестивому Дунаану и не только не успел в этом, но потерпел с войском своим бесчисленные бедствия; когда же, по совету одного святого пустынножителя, дал Богу обет иноческой жизни, то одержал над Дунааном блистательную победу и потом, оставив царство земное, принял на себя благое иго Христово. Случай этот ясно показывает, как велик перед Богом иноческий чин.

Блаженны и преблаженны те, кои потщатся исполнить свои обеты: они, в числе мудрых евангельских дев, сподобятся сретить Небесного Жениха, украшенные брачною одеждою души, со светильниками горящими, со славою великою войдут они в нерукотворный чертог Царя славы, и блаженству их не будет конца. Райские красоты, никаким человеческим словом неизобразимые, будут их вечным уделом. Приведем здесь некоторые места из Апокалипсиса, отчасти изображающие неизобразимую небесную награду, уготованную победителям страстей, воинам Царя Небесного.

Побеждающему, – говорит Господь, – дам ясти от древа животного, еже есть посреде рая (Апок. 2: 7).

Побеждай не имать вредитися от смерти второя (Апок. 2: 11).

Побеждающему дам ясти от манны сокровенныя и дам ему камень бел, и на камени имя ново написано, егоже никтоже весть, токмо приемляй (Апок. 2: 17).

Побеждающему и соблюдающему дела Моя до конца, дам ему власть на языцех, дам ему звезду утреннюю (Апок. 2: 26, 28).

Побеждаяй, той облечется в ризы белыя, и не имам отмыти имене его от книг животных, и исповем имя его пред Отцем Моим и пред Ангелы Его (Апок. 3:5).

Побеждающего, сотворю столпа в церкви Бога Моего и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего нового Иерусалима, сходящего с небес от Бога Моего, и имя Мое новое (Апок. 3:21).

Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих, и седох со Отцем Моим на престоле Его (Апок. 3: 12).

Побеждали наследит вся, и буду ему Бог, и той будет Мне в сына (Апок. 21:7).

Читая о таковых, ум наш превосходящих, обетованиях Божиих, кто не потщится сподобиться их? Кто не возгорится любовью к небесному?

К достижению сей неизреченной, божественной, вечной славы положим основанием святые добродетели, в главе коих: любовь, смирение и терпение, – приобретаемые, при помощи Божией, понуждением себя; имеющие эти добродетели, несомненно, прияты будут в объятия Отца Небесного и нарекутся возлюбленными Его сынами и дщерьми, и блаженству их не будет конца, чего и да сподобимся все мы, посвятившие себя на служение всеблаговому Человеколюбцу Господу, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки. Аминь.

Примечания

1

Свт. Иоанн Златоуст. Первое большое послание к Филиппийцам.

[Вернуться](#)

2

Свт. Иоанн Златоуст. 28-я беседа на книгу Бытия.

[Вернуться](#)

3

Творения святых отцов, 1848. Кн. 5. – С. 7.

[Вернуться](#)

4

Православное нравственное богословие епископа Платона. – С. 205.

[Вернуться](#)

5

Т. 8. – С. 185.

[Вернуться](#)

6

Творения св. отцов, 1849.

[Вернуться](#)

7

Лествица. Слово 5, № 1.

[Вернуться](#)

8

Творения св. отцов. Т. 23, слово 83. – С. 482.

[Вернуться](#)

9

Лествица. Слово 5, № 1.

[Вернуться](#)

10

Творения св. отцов. Т. 23, слово 83. – С. 482.

[Вернуться](#)

11

Там же.

[Вернуться](#)

12

Твоения св. отцов. Т. 23, слово 5.

[Вернуться](#)

13

Беседы на Евангелие от Матфея. Беседа 11. – С. 266.

[Вернуться](#)

14

Творения св. отцов. Т. 23, слово 5.

[Вернуться](#)

15

Слова подвижнические. Слово 7.

[Вернуться](#)

16

Слово 5, № 32.

[Вернуться](#)

17

Творения св. отцов, 1850. Т. 16. – С. 26.

[Вернуться](#)

18

Слово 5, № 29.

[Вернуться](#)

19

Там же.

[Вернуться](#)

20

Достопамятные сказания о св. отцах. № 99. – С. 209.

[Вернуться](#)

21

Ступень 4, о покаянии. – С. 207.

[Вернуться](#)

22

№ 39.

[Вернуться](#)

23

№ 38.

[Вернуться](#)

24

Прибавления к творениям св. отцов, 1857. – С. 469.

[Вернуться](#)

25

Поучения преподобного аввы Дорофея, 1856. – С. 241.
[Вернуться](#)

26

Поучения преподобного аввы Дорофея, 1856. – С. 243.
[Вернуться](#)

27

Там же. – С. 241.
[Вернуться](#)

28

№ 30.
[Вернуться](#)

29

Христианское чтение, 1823. Ч. 12. Прп. Симеон Новый Богослов. Деятельные главы, гл. 94. – С. 25.
[Вернуться](#)

30

№ 41.
[Вернуться](#)

31

№ 32.
[Вернуться](#)

32

№ 28.
[Вернуться](#)

33

Статья 4, о покаянии. – С. 208.

[Вернуться](#)

34

Там же. – С. 207.

[Вернуться](#)

35

№ 30.

[Вернуться](#)

36

В письме Кассию-градоначальнику.

[Вернуться](#)

37

Достопамятные сказания о св. отцах, № 120. – С. 214.

[Вернуться](#)

38

Творения св. отцов, 1847. Т. 9. – С. 360.

[Вернуться](#)

39

Христианское чтение, 1814. – С. 338–340.

[Вернуться](#)

40

Творения св. отцов, 1850. – С. 195.

[Вернуться](#)

41

№ 38.

[Вернуться](#)

42

Слово 4, № 43.

[Вернуться](#)

43

Слово 5, № 33.

[Вернуться](#)

44

№ 36.

[Вернуться](#)

45

Прп. Иоанн Лествичник. Слово 5, № 15.

[Вернуться](#)

46

№ 34.

[Вернуться](#)

47

Прп. Варсануфий. – С. 241.

[Вернуться](#)

48

В послании к князю Антиоху. Вопрос 66. Христианское чтение, 1842. ч. 2. -С. 354.

[Вернуться](#)

49

Христианское чтение, 1847. Ч. 4. – С. 347.

[Вернуться](#)

50

№ 37.

[Вернуться](#)

51

№ 27, гл. 8 и 9, охраненииума. Христианское чтение, 1826.4.21. – С. 138.

[Вернуться](#)

52

Творения св. отцов, 1847. Т. 9. – С. 219.

[Вернуться](#)

53

Христианское чтение, 1826. Ч. 21. – С. 137.

[Вернуться](#)

54

Христианское чтение, 1825. Ч. 17, гл. 11.

[Вернуться](#)

55

Христианское чтение, 1844, сентябрь. – С. 385.

[Вернуться](#)

56

№ 34.

[Вернуться](#)

57

Слово 4. -С. 70.

[Вернуться](#)

58

Творения св. отцов, 1850. Т. 15. – С. 170–174.
[Вернуться](#)

59

Христианское чтение, 1823. Гл. 74. – С. 41.
[Вернуться](#)

60

Там же. Гл. 75 и 76.
[Вернуться](#)

61

Евангелие на литургии в неделю мясопустную: от Матфея, зач. 106.
[Вернуться](#)

62

Слово 86. – С. 500.
[Вернуться](#)

63

Слово 86. – С. 51.
[Вернуться](#)

64

Слово 6, № 2.
[Вернуться](#)

65

Слово 6, № 4.
[Вернуться](#)

66

Слово 6, № 24.

[Вернуться](#)

67

Слово 6, № 3.

[Вернуться](#)

68

Слово 6, № 4.

[Вернуться](#)

69

Слово 6, № 15.

[Вернуться](#)

70

Слово 68. – С. 502.

[Вернуться](#)

71

Слово 6, № 13.

[Вернуться](#)

72

Творения св. отцов, 1849. Ч. 3. – С. 347.

[Вернуться](#)

73

Достопамятные сказания. – С. 35, № 1.

[Вернуться](#)

74

Так же учит святой Кирилл Александрийский в «Слове на исход души», преподобный Феодор Студит в 3-м оглашении, и вообще все святые отцы Православной Церкви,

которые рассуждали о разлучении души с телом. И эта страшная картина борьбы демонов с ангелами за исходящую из тела душу на глазах и при живейшем сознании самой души умирающего человека не есть какое-либо поучительное изобретение отцов и учителей Церкви, а несомненная истина загробной жизни, познанная многими опытами уважаемых в христианстве лиц, которые – как обыкновенно говорят – обмирали на некоторое время и потом вновь возвращались к жизни. Так преподобная Феодора, ученица великого угодника Божия Василия Нового, поведала о кончине своей: «Когда настал час моей смерти, я увидела лица, которых никогда не видела, услышала глаголы, которых никогда не слыхала: что скажу? Лютые и тяжкие бедствия, о которых я не имела понятия, встретили меня по причине дел моих. Как рассказать телесную боль, тягость и тесноту, которым подвергаются умирающие? Как бы кто обнаженный, упавши в великий огонь, горел, истаявлял, обращался в пепел: так разрушается человек смертною болезнью в горький час разлучения души с телом. Когда я приближалась к концу моей жизни, и наступило время моего преставления, увидела множество эфиопов, обступающих одр мой. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их – как каленные угли; видение так люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели, как звери и скоты, другие лаяли, как псы, иные выли, как волки; смотря на меня, они ярились, грозили, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и тотчас же хотели пожрать меня; между тем, готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела, как бы ожидая какого судьи, долженствующего прийти. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом. Не только томила меня горесть смертная, но и грозный вид и ярость страшных эфиопов были для меня как бы другою лютейшею смертью. Я отвращала мои очи во все стороны, чтобы не видеть страшных лиц их и не слышать голоса их, но не могла избавиться от них – они всюду шатались; помогающего мне не было; когда я окончательно изнемогла, то увидела двух светоносных Ангелов Божиих в образе юнош невыразимой красоты, идущих ко мне...» и проч. Точно такие же видения злых и мрачных демонов в час смерти своей видели: святой Петр-мытарь (Четьи-Минеи, 22 сентября) и преподобный Арефа Печерский (см. Патерик Печерский). «Подобно этому, – свидетельствует вселенский учитель Церкви святой Златоуст (еще в IV веке), – многие поведают о страшных видениях, представляющихся при смерти, которых зрелища умирающие, не будучи в состоянии выносить, потрясают с великим усилием самый одр, на котором лежат, смотрят на предстоящих извращенными от страха глазами, когда душа мятется сама в себе, не хочет выйти из тела, не выносит взора приближающихся ангелов. Если мы трепещем, когда смотрим на страшных людей, то какому подвергнемся страху, когда увидим сошедшихся ангелов и свирепые силы демонов, когда душа будет отторгаться тела, напрасно и много рыдать?..» (В беседе 53 на Евангелие от Матфея). Истязания от злых духов испытывали в час своей кончины: преподобный Агафон (см. Училище благочестия, часть 3, с. 56), великий подвижник Стефан Синайский (см. Лестница Иоанна, степень 7) и многие другие лица, о которых повествуют прологи и четьи-минеи. Вообще, убеждение в частном суде по смерти на так называемых воздушных мытарствах сделалось общею верою всей Православной Церкви (см. Православно-догматическое богословие Антония. О мытарствах, с. 244).

[Вернуться](#)

Там же, № 2. – С. 290.

[Вернуться](#)

76

Поучения. – С. 144.

[Вернуться](#)

77

Достопамятные сказания. № 37. – С. 154.

[Вернуться](#)

78

Поучения. – С. 146.

[Вернуться](#)

79

Достопамятные сказания. – С. 291.

[Вернуться](#)

80

Слово 6, № 20.

[Вернуться](#)

81

Слово 86. – С. 502.

[Вернуться](#)

82

Слово 86. – С 501.

[Вернуться](#)

83

Там же. – С. 501.

[Вернуться](#)

84

Слово 6. № 11.

[Вернуться](#)

85

№ 21.

[Вернуться](#)

86

Слово 6, № 22.

[Вернуться](#)

87

Слово 6, № 23.

[Вернуться](#)

88

Сочинения еп. Игнатия. Т. 2. – С. 731.

[Вернуться](#)

89

Прп. Симеон Новый Богослов. Деятельные главы, гл. 66.

[Вернуться](#)

90

Слово 6, № 10.

[Вернуться](#)

91

Слово 6, № 8.

[Вернуться](#)

92

Слово 6, № 6.

[Вернуться](#)

93

Слово 86. – С. 501.

[Вернуться](#)

94

Слово 2. – С. 19.

[Вернуться](#)

95

Слово 6, № 13.

[Вернуться](#)

96

Слово 86. – С. 501.

[Вернуться](#)

97

Слово 6, № 7.

[Вернуться](#)

98

Слово 6, № 14.

[Вернуться](#)

99

Слово 6, № 5.

[Вернуться](#)

100

В беседе на псалом 33.

[Вернуться](#)

101

Слово 6, № 19.

[Вернуться](#)

102

Слово 6, № 17.

[Вернуться](#)

103

Слово 6, № 18.

[Вернуться](#)

104

Слово 86. – С. 502.

[Вернуться](#)

105

Достопочтенные сказания. – С. 126.

[Вернуться](#)

106

Прибавление к Творениям св. отцов, 1856. – С. 660.

[Вернуться](#)

107

Слово 6, № 12.

[Вернуться](#)

108

Христианское чтение, 1881. Ч. 43. – С. 68.

[Вернуться](#)

109

Сочинения еп. Игнатия. Т. 2. – С. 723.

[Вернуться](#)

110

Руководство к духовной жизни, ответ 343.

[Вернуться](#)

111

В главах о трезвении, гл. 38. Христианское чтение, 1827. Ч. 27. – С. 166.

[Вернуться](#)

112

Руководство к духовной жизни, ответ 646, 647.

[Вернуться](#)

113

В письме Иоанну Христианское чтение, 1846. Ч. 3. – С. 388.

[Вернуться](#)

114

Прп. Иоанн Лествичник. Слово 6.

[Вернуться](#)

115

Слово 6, № 10.

[Вернуться](#)

116

Деятельные главы. Христианское чтение, 1823, ч. 12.

[Вернуться](#)

117

Сочинения еп. Игнатия. Т. 2. – С. 723.

[Вернуться](#)

118

Руководство к духовной жизни. Ответ 799.

[Вернуться](#)

119

Руководство к духовной жизни. Ответ 26.

[Вернуться](#)

120

Письма о христианской жизни, № 44, 1860. Вып. 2. – С. 372.

[Вернуться](#)

121

Достопочтенные сказания. – С. 269.

[Вернуться](#)

122

Творения свт. Тихона Воронежского. Т. 15, письмо 26.

[Вернуться](#)

123

Слово 6, № 1.

[Вернуться](#)

124

Слово 7, № 1.

[Вернуться](#)

125

Слово 7, № 2.

[Вернуться](#)

126

№ 27.

[Вернуться](#)

127

№ 60.

[Вернуться](#)

128

Достопамятные сказания, № 41. – С. 25.

[Вернуться](#)

129

Там же, № 33. – С. 153.

[Вернуться](#)

130

Там же, № 2. – С. 233.

[Вернуться](#)

131

Там же, № 119. – С. 214.

[Вернуться](#)

132

Достопочтенные сказания, № 45.

[Вернуться](#)

133

Там же, № 59.

[Вернуться](#)

134

Творения святых отцов, 1850. Т. 15. – С. 160.

[Вернуться](#)

135

Слово 30.

[Вернуться](#)

136

Христианское чтение 1821. Ч. 3. – С. 239.

[Вернуться](#)

137

Сказания о жизни старца Серафима, 1844. – С. 60.

[Вернуться](#)

138

Краткие нравственные вопросы. – С. 221.

[Вернуться](#)

139

№ 32.

[Вернуться](#)

140

№ 33.

[Вернуться](#)

141

Лествица, слово 7, № 17.

[Вернуться](#)

142

№ 36.

[Вернуться](#)

143

№ 26.

[Вернуться](#)

144

№ 26.

[Вернуться](#)

145

Сказание о жизни старца Серафима. – С. 60.

[Вернуться](#)

146

О законе духовном. Гл. 18 и 19.

[Вернуться](#)

147

Деятельные главы. Христианское чтение, 1823. Ч. 12.

[Вернуться](#)

148

Краткие нравственные вопросы, 194.

[Вернуться](#)

149

Слово 7, № 66.

[Вернуться](#)

150

В слове 21. Творения св. отцов, 1854. Т. 23. – С. 116.

[Вернуться](#)

151

Слово 7, № 4.

[Вернуться](#)

152

№ 29.

[Вернуться](#)

153

Творения св. отцов, 1849. Т. 14.

[Вернуться](#)

154

Слово 7, № 28.

[Вернуться](#)

155

Слово 36. – С. 192.

[Вернуться](#)

156

Слово 7, № 10.

[Вернуться](#)

157

№ 18.

[Вернуться](#)

158

Слово 21. – С. 121.

[Вернуться](#)

159

Слово 7, № 22.

[Вернуться](#)

160

Слово 7, № 47.

[Вернуться](#)

161

Правило 50. Прибавление к Творениям св. отцов, 1845. – С. 1–13.

[Вернуться](#)

162

Прп. Дорофей. Поучения. Ответ 6. М, 1856. – С. 228.

[Вернуться](#)

163

Там же. – С. 250.

[Вернуться](#)

164

Слово 85. – С. 497.

[Вернуться](#)

165

Христианское чтение, 1821, ч. 3. Глл. 210, 218 и 219. – С. 305–307.

[Вернуться](#)

166

Слово 7, № 5.

[Вернуться](#)

167

№ 8.

[Вернуться](#)

168

№ 14.

[Вернуться](#)

169

№ 13.

[Вернуться](#)

170

№ 67.

[Вернуться](#)

171

№ 44.

[Вернуться](#)

172

Прибавление к Творениям св. отцов, 1845. – С. 1–13.

[Вернуться](#)

173

Слово 7, № 52.

[Вернуться](#)

174

№ 24.

[Вернуться](#)

175

Христианское чтение, 1847, Ч. 4. – С. 375.

[Вернуться](#)

176

Слово 7, № 9.

[Вернуться](#)

177

Алфавитный патерик. Феодор Еннатский.

[Вернуться](#)

178

Слово 7, № 48.

[Вернуться](#)

179

Слов 7, № 68.

[Вернуться](#)

180

Христианское чтение, 1823. Ч. 12.

[Вернуться](#)

181

Слово 7, № 62.

[Вернуться](#)

182

Творения св. отцов, 1845. Ч. 1. – С. 310.

[Вернуться](#)

183

Там же. – С. 365.

[Вернуться](#)

184

Христианское чтение, 1825, № 12. – С. 25.

[Вернуться](#)

185

Слово 91.

[Вернуться](#)

186

Слово 7.

[Вернуться](#)

187

Слово 34.

[Вернуться](#)

188

Слово 7.

[Вернуться](#)

189

Там же.

[Вернуться](#)

190

№ 23.

[Вернуться](#)

191

№ 12.

[Вернуться](#)

192

Прпп. Варсануфий и Иоанн. Руководство к духовной жизни. М., 1855.

[Вернуться](#)

193

Слово 7, № 56.

[Вернуться](#)

194

№ 7.

[Вернуться](#)

195

Слово 21.

[Вернуться](#)

196

Слово 7, № 39.

[Вернуться](#)

197

№ 25.

[Вернуться](#)

198

№ 65.

[Вернуться](#)

199

Житие св. аввы Иоанна, при Лествице. – С. 8.

[Вернуться](#)

200

Христианское чтение, 1823. Ч. 12. – С. 38.

[Вернуться](#)

201

Слово 7, № 64.

[Вернуться](#)

202

Слово 89.

[Вернуться](#)

203

Слово 74.

[Вернуться](#)

204

Беседа 25.

[Вернуться](#)

205

Достопамятные сказания, № 39. – С. 198.

[Вернуться](#)

206

Слово 7, № 6.

[Вернуться](#)

207

Алфавитный патерик. Феодор Еннатский.

[Вернуться](#)

208

Слово 7, № 64.

[Вернуться](#)

209

Христианское чтение 1821. Ч. 3. – С. 17.

[Вернуться](#)

210

Руководство к духовной жизни. Ответ 77.

[Вернуться](#)

211

Слово 7, № 31.

[Вернуться](#)

212

№ 43.

[Вернуться](#)

213

Слово 8.

[Вернуться](#)

214

Слово 51.

[Вернуться](#)

215

Слово 7.

[Вернуться](#)

216

№ 49.

[Вернуться](#)

217

Слово 33.
[Вернуться](#)

218

Прп. Нил Сорский. Слово 8.
[Вернуться](#)

219

Еп. Игнатий. Т. 1. – С. 227–228.
[Вернуться](#)

220

СЛОВО 21.
[Вернуться](#)

221

Слово 7, № 42.
[Вернуться](#)

222

Руководство к духовной жизни. Ответ 460.
[Вернуться](#)

223

Слово 21.
[Вернуться](#)

224

Слово 33. Творения св. отцов, 1849. Ч. 5. – С. 168.
[Вернуться](#)

225

Слово 89.
[Вернуться](#)

226

Слово 6. Творения св. отцов, 1848. – С. 120.
[Вернуться](#)

227

Слово 14, № 36.
[Вернуться](#)

228

Слово 14, № 2.
[Вернуться](#)

229

№ 3.
[Вернуться](#)

230

Прп. Варсануфий. Ответ 88.
[Вернуться](#)

231

Слово 14, № 4.
[Вернуться](#)

232

№ 6.
[Вернуться](#)

233

Слово 14, № 10.

[Вернуться](#)

234

№ 17.

[Вернуться](#)

235

№ 11.

[Вернуться](#)

236

№ 8.

[Вернуться](#)

237

№ 7.

[Вернуться](#)

238

№ 15.

[Вернуться](#)

239

Прп. Варсануфий. Ответ 88.

[Вернуться](#)

240

№ 27.

[Вернуться](#)

241

№ 13.

[Вернуться](#)

242

№ 9.

[Вернуться](#)

243

Христианское чтение, 1827. Ч. 28. – С. 40.

[Вернуться](#)

244

Слово 14, № 30.

[Вернуться](#)

245

Слово 21.

[Вернуться](#)

246

№ 35.

[Вернуться](#)

247

Слово 14, № 18.

[Вернуться](#)

248

№ 24.

[Вернуться](#)

249

Слово 14, № 29.

[Вернуться](#)

250

Творения св. отцов, 1846. Кн. 3. – С. 13.

[Вернуться](#)

251

Христианское чтение, 1827. Ч. 28.

[Вернуться](#)

252

Слово 14, № 32.

[Вернуться](#)

253

Христианское чтение, 1827. Ч. 28.

[Вернуться](#)

254

Творения св. отцов. Т. 23, слово 21. – С. 110–113.

[Вернуться](#)

255

Достопамятные сказания о св. отцах, № 3. – С. 100.

[Вернуться](#)

256

Слово 14, № 21.

[Вернуться](#)

257

Прибавление к Творениям св. отцов, 1845. – С. 6.

[Вернуться](#)

258

Слово 14, № 33.

[Вернуться](#)

259

Христианское чтение, 1822. ч. 6. – С. 291.

[Вернуться](#)

260

Слово 14, № 12.

[Вернуться](#)

261

Сказание о жизни его. – С. 88.

[Вернуться](#)

262

Ответ 508.

[Вернуться](#)

263

Творения св. отцов. – С. 397.

[Вернуться](#)

264

Прп. Варсануфий. Ответ 139.

[Вернуться](#)

265

Ответ 84.

[Вернуться](#)

266

Прп. Варсануфий. Ответ 83.

[Вернуться](#)

267

Прп. Дорофей. Поучения.

[Вернуться](#)

268

Творения св. отцов, 1850. – С. 140.

[Вернуться](#)

269

Прп. Варсануфий. Ответ 499.

[Вернуться](#)

270

Ответ 85.

[Вернуться](#)

271

Слово 40.

[Вернуться](#)

272

Творения св. отцов, 1850. – С. 142.

[Вернуться](#)

273

46 письмо к Геласию монаху. Христианское чтение, 1844. Ч. 1. – С. 37.

[Вернуться](#)

274

Достопамятные сказания о жизни св. отцов. № 31. – С. 196.

[Вернуться](#)

275

Огласительное поучение 48.

[Вернуться](#)

276

Краткие правила свт. Василия Великого. Вопрос 196.

[Вернуться](#)

277

Сказание о жизни прп. Серафима. – С. 54.

[Вернуться](#)

278

Достопамятные сказания о жизни св. отцов, № 1. – С. 259.

[Вернуться](#)

279

Достопамятные сказания о жизни св. отцов, № 10. – С. 144.

[Вернуться](#)

280

Сказание о жизни прп. Серафима. – С. 54.

[Вернуться](#)

281

Ответ 169.

[Вернуться](#)

282

Слово 14, № 26.

[Вернуться](#)

283

№ 31.

[Вернуться](#)

284

№ 35.

[Вернуться](#)

285

Ответы 96 и 97.

[Вернуться](#)

286

Прп. Варсануфий. Ответ 81.

[Вернуться](#)

287

Слово 81.

[Вернуться](#)

288

Ответ 841.

[Вернуться](#)

289

Ответ 98.

[Вернуться](#)

290

Достопамятные сказания о св. отцах, № 4. – С. 96.

[Вернуться](#)

291

Прп. Варсануфий. Ответ 590.

[Вернуться](#)

292

Прп. Варсануфий. Ответ 543.

[Вернуться](#)

293

№ 25.

[Вернуться](#)

294

Ответ 210.

[Вернуться](#)

295

Ответ 509.

[Вернуться](#)

296

Творения св. отцов, 1849. Ч. 3. – С. 290.

[Вернуться](#)

297

Слово 14, № 33.

[Вернуться](#)

298

Слово 8.

[Вернуться](#)

299

Христианское чтение. 1857. – С. 314.

[Вернуться](#)

300

Т. 1. – С. 77.

[Вернуться](#)

301

Там же.

[Вернуться](#)

302

Христианское чтение, 1855. – С. 418.

[Вернуться](#)

303

Творения св. отцов, 1846. – С. 114.

[Вернуться](#)

304

Творения св. отцов. 1850. – С. 34.

[Вернуться](#)

305

Творения святых отцов. 1846. – С. 579.

[Вернуться](#)

306

Беседа 41.

[Вернуться](#)

307

Из 21 – й беседы на послание к Евреям.

[Вернуться](#)

308

Слово 11.

[Вернуться](#)

309

Из 35-й беседы на Деяния апостольские. Христианские чтения.

[Вернуться](#)

310

Т. 1. – С. 162.

[Вернуться](#)